ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Издана подъ редакціею **Н. П. ДАШКЕВИЧА.**

КІЕВЪ.
Типографія В. І. Завадзкаго. Пироговская ул., д. № 4.
1889.

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

НѢСТОРА ЛѢТОПИСЦА.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Издана подъ редакціею Н. П. ДАШКЕВИЧА.

КІЕВЪ.
Типографія В. І. Завадзкаго. Пироговская ул., д. № 4.
1889.

Печатано по опредѣленію Правленія Императорскаго университета св. Владимира, состоявшемуся 9 февраля 1889 года.

Ректоръ *Н. Ренненкампфъ.*

Настоящая книга отпечатана въ 200 экз.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ и о личномъ составѣ Историческаго Общества Нестора лѣтописца въ 1888 году.

Сообщенія, помѣщенныя въ сокращеніи:

стран.

Характеристика Древлянскихъ могильниковъ по послѣднимъ раскопкамъ.—*В. Б. Антоновича* . . . . . 1—3

Новые матеріалы и труды о патріархѣ Никонѣ.—*В. С. Иконникова* . . . . . 3—4

Объ Архивѣ Государственнаго Совѣта.—*А. В. Романовича-Славатинскаго* 4

Въ какомъ году было крещеніе Руси?—*А. И. Соболевскаго* . . . . . 4—5

Возраженіе на это сообщеніе.—*В. З. Завитневича* . 5—9

О первомъ самозванцѣ и его отношеніи къ Польшѣ по водвореніи въ Москвѣ.—*В. С. Иконникова* 9

Къ исторіи X-й главы Екатерининскаго Наказа.—*В. С. Иконникова* . . . . . 9—10

О городищахъ до-княжескаго и удѣльно-вѣчеваго періода, находящихся въ западной части древней Кіевской земли.—*В. Б. Антоновича* . . . . . 10—16

О сѣбринномъ землевладѣніи.—*И. В. Лучицкаго* . . . 16—18

Статистическія данныя о евреяхъ въ лѣвобережной Украинѣ въ XVIII вѣкѣ.—*И. М. Каманина* . . . . . 18—20

О городищахъ-майданахъ.—*В. Б. Антоновича* . . . 20—21
Замѣчанія по поводу этого сообщенія.—*В. З. Завитневича* . . . . . 21—25
О Комитетѣ, учрежденномъ Высочайшимъ рескриптомъ 6 сентября 1826 года.—*А. В. Романовича-Славатинскаго* . 25
О первой исторіи крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи.—*Его-же* 25
Изъ бытовой исторіи Кіевской академіи въ XVIII вѣкѣ.—*С. Т. Голубева* 25
Новое лѣтописное извѣстіе о происхожденіи Ольги св.—*И. И. Малышевскаго* . . . . . 26—27
Страстная седмица и Пасха въ Іерусалимѣ въ IX и X вв., по вновь открытому памятнику.—*А. А. Дмитріевскаго.* 27—29
Изъ начальной исторіи раскола въ Стародубьѣ I. Къ вопросу о времени происхожденія Стародубскихъ раскольничьихъ слободъ.—*М. И. Лилеева* . . . . . 29—31

Сообщеніе, помѣщенное въ полномъ изложеніи:

О курганахъ, раскопанныхъ въ южной Бессарабіи.—*Ѳ. И. Кнауэра* . . . . . 32—49
Личный составъ Историческаго Общества Нестора лѣтописца въ 1888 году . . . . . 50—54

ОТДѢЛЪ II.

Изслѣдованія.

Былины объ Алешѣ Поповичѣ и о томъ, какъ переселились богатыри на святой Руси*).—*Н. П. Дашкевича* . . . 1—62
Помѣстное право въ древнюю эпоху литовско-русскаго государства.—*М. Ф. Владимирскаго-Буданова* . . . . . 63—114

*) Статья эта составляетъ оттискъ изъ „Унив. Изв.“ 1883 г.

Приложеніе.

Поминка по Александрѣ Александровичѣ Котляревскомъ*).

I. А. А. Котляревскій. Некрологъ.—*П. И. Аландскаго* 1—25

II. Поминальныя рѣчи:

1) Рѣчь во время панихиды. *Его-же* . . . . . 26—31

2) Рѣчь при погребеніи. *Его-же* . . . . . 32—40

3) Рѣчь къ студентамъ. *И. Н. Жданова* . . . . . 41—51

4) Рѣчь въ обществѣ Нестора лѣтописца. *Н. П. Дашкевича* . 52—86

III. Списокъ сочиненій А. А. Котляревскаго *Его-же* 87—96

---

*) Оттискъ изъ „Унив. Изв.“ 1881 г.

ОТДѢЛЪ I.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ и о личномъ составѣ Историческаго Общества Нестора лѣтописца въ 1888 г.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества лѣтописца Нестора въ 1888 г.

I. ЗАСѢДАНІЕ 31-ГО ЯНВАРЯ.

Д. чл. *В. Б. Антоновичъ* представилъ *характеристику Древлянскихъ могильниковъ по послѣднимъ раскопкамъ.*

Лѣтомъ 1887 г. референтъ раскопалъ 215 кургановъ; при производствѣ раскопокъ онъ старался, слѣдя за подробностями погребальнаго типа, опредѣлить южныя границы разселенія Древлянъ. По полному сходству погребальнаго обряда онъ опредѣляетъ эту границу теченіями рѣкъ: Ирпеня, Унавы, Каменки и Раставицы. Къ сѣверу отъ указанной границы самыя численныя раскопки были произведены имъ на урочищѣ „Грубскъ“ въ окрестности м. Ходоркова и на среднемъ теченіи Тетерева. Древлянскіе курганы расположены вообще густыми группами въ нѣсколько десятковъ или сотень въ каждой (у с. Ягнятина ихъ болѣе тысячи). Величина кургановъ незначительна (отъ 1—$1^1/_2$ метра); они окружены у подножія канавами, совершенно явственными. Покойники лежатъ въ неглубокихъ ямахъ, дно которыхъ совпадаетъ по большей части съ верхнею поверхностью подпочвы; очень часто яма выстлана деревянными брусьями; въ нѣкоторыхъ, болѣе богатыхъ, курганахъ, въ самой насыпи, значительно выше скелета встрѣчались деревянныя постройки въ видѣ сруба или крыши.—Скелеты лежали навзничь, головою къ западу, съ протянутыми ногами.—Руки находились въ различномъ положеніи: чаще всего онѣ были скрещены на поясницѣ или на лобковыхъ костяхъ, рѣже всего протянуты вдоль тѣла, весьма часто онѣ были сильно изо-

гнуты въ локтяхъ, и ручныя кисти приходились подъ мышками. Форма костей не представляла уклоненій отъ формы костей современнаго скелета. Въ одномъ только случаѣ (у с. Ягнятина) найденъ былъ скелетъ съ черепомъ искусственно деформированнымъ. Черепъ этотъ принадлежалъ, повидимому, женщинѣ очень преклонныхъ лѣтъ; деформація состояла въ томъ, что на заднихъ частяхъ темянныхъ костей находились три сильно вдавленныя, довольно обширныя плоскости.

Древлянскія могилы бѣдны предметами. Въ нихъ замѣчается совершенное отсутствіе сосудовъ и только въ исключительныхъ случаяхъ встрѣчается оружіе. Въ каждой могилѣ встрѣчается большое количество желѣзныхъ гвоздей, расположенныхъ оригинальнымъ образомъ; гвозди эти расположены по контурамъ скелета и по большей части встрѣчаются въ отвѣсномъ положеніи, шляпками вверхъ; можно предполагать, что покойника накрывали мягкимъ покрываломъ и послѣднее прикрѣпляли къ землѣ гвоздями по контурамъ тѣла.

Въ числѣ вещей, находимыхъ у скелетовъ, чаще всего встрѣчались перстни, кольца и серьги; предметы эти сдѣланы изъ бронзы или серебра; они иногда литые, чаще же всего сдѣланы изъ проволокъ, концы которыхъ или свободны, или скручены узломъ, но никогда не спаяны—очевидно, умѣніе паять не было извѣстно туземцамъ во время сооруженія кургановъ; встрѣчаются перстни, составленные изъ двухъ скрученныхъ вмѣстѣ проволокъ. Довольно часто у покойниковъ находились бусы, весьма разнородныя по составу. Чаще другихъ встрѣчались бусы стекляныя, обтянутыя тонкимъ листкомъ золота, затѣмъ бусы, состоящія изъ разныхъ глинистыхъ композицій, а также отлитыя изъ бронзы; рѣже другихъ сердоликовыя. Въ немногихъ случаяхъ найдены поясныя бронзовыя и серебряныя пряжки. У нѣсколькихъ женскихъ скелетовъ замѣченъ былъ особый способъ украшенія волосъ: коса опускалась вдоль праваго плеча, и конецъ ея былъ украшенъ рядомъ металлическихъ колецъ отъ 2 до 8. На нѣкоторыхъ пряжкахъ и кольцахъ встрѣтилась орнаментика—она представляла извилисто согнутыя вѣтки растеній съ листиками и отростками.

Слѣды одежды встрѣчались весьма рѣдко, такъ какъ она истлѣла отъ времени; въ нѣсколькихъ случаяхъ уцѣлѣла часть ворота, состоявшая изъ цвѣтной ткани и сохранившаяся на двухъ или трехъ ске-

лѣтахъ, благодаря тому обстоятельству, что она пропиталась окисью отъ бронзовой пуговицы, которою воротникъ былъ застегнутъ; судя по этимъ немногочисленнымъ остаткамъ, можно заключить, что въ одеждѣ Древлянъ воротникъ состоялъ изъ узкой стоячей полосы цвѣтной матеріи и застегивался на срединѣ шеи. Въ двухъ случаяхъ найдена была обувь; она сшита изъ тонкой кожи (сафьяна?), сложенной въ два пласта, и имѣла форму остроконечныхъ полусапогъ безъ отдѣльной подошвы; мягкая кожа сшита продольнымъ швомъ отъ пальцевъ до пятки на нижней части обуви; голенища невысокія, едва закрывавшія мыщелки берцовыхъ костей, и края ихъ отворочены наружу; отвороты эти шириною въ три пальца.

Оружіе весьма немногочисленно, оно встрѣтилось только въ 5 случаяхъ, и курганы, въ которыхъ оно находилось, стояли нѣсколько въ сторонѣ отъ группы остальныхъ кургановъ и отличались значительно бо́льшимъ объемомъ. Оружіе это состояло изъ небольшихъ желѣзныхъ длинныхъ и тонкихъ наконечниковъ копій, большихъ ножей, и въ одномъ только случаѣ найденъ короткій широкій желѣзный мечъ или, можетъ быть, кинжалъ.

Нѣсколько замѣчаній по поводу этого сообщенія было представлено д. чл. *В. З. Завитневичемъ*.

II. ЗАСѢДАНІЕ 21-ГО ФЕВРАЛЯ.

а) Д. чл. *В. С. Иконниковъ* прочелъ сообщеніе: *Новые матеріалы и труды о патріархѣ Никонѣ* [1]).

Рефератъ этотъ вызванъ сочиненіями пр. Макарія, гг. Гиббенета и Каптерева, а также значительнымъ количествомъ матеріаловъ, появившихся въ послѣднее время и касающихся дѣятельности и времени патр. Никона (въ прилож. къ соч. Гиббенета, Матер. для исторіи раскола и мн. др.). Представивъ вначалѣ сводъ существующихъ въ исторической литературѣ взглядовъ на характеръ и дѣятельность п. Никона, авторъ отмѣчаетъ нѣкоторыя новыя черты въ этой послѣдней, пользуясь указанными новыми данными, и въ заключеніе выска-

[1]) Въ болѣе полномъ изложеніи этотъ рефератъ напечатанъ въ іюньской книжкѣ Кіевскихъ „Университетскихъ Извѣстій“ 1888 г. и вышелъ затѣмъ отдѣльнымъ оттискомъ.

зываетъ мнѣніе, что переработка всего существующаго матеріала въ связи съ изученіемъ современной религіозно-бытовой жизни Россіи можетъ полнѣе и нагляднѣе освѣтить какъ характеръ патріарха, такъ и современное ему религіозное движеніе.

б) Д. чл. *А. В. Романовичъ-Славатинскій* сообщилъ свѣдѣнія *объ Архивѣ Государственнаго Совѣта:* указалъ на значеніе матеріала, сохраняющагося въ этомъ архивѣ, вообще и въ частности нѣкоторыхъ его категорій, коснулся комитета 13 января 1807 г. и его дѣлъ, бумагъ гр. Блудова (проектъ секретнаго манифеста о состояніяхъ 1830 г.); цѣликомъ были прочтены письма графа Блудова: 1) къ министру двора кн. Волконскому о запискахъ Карамзина касательно древней и новой Россіи и касательно Польши и 2) къ министру нар. просвѣщенія Ковалевскому объ исторіи Руссовъ Конисскаго,—извлеченныя референтомъ изъ Архива Государственнаго Совѣта и нигдѣ еще не опубликованныя [1]).

По баллотировкѣ избранъ въ д. члены Общества профессоръ университета св. Владимира *А. В. Праховъ.*

III. ЗАСѢДАНІЕ 13-ГО МАРТА.

а) Предсѣдатель *М. Ф. Владимірскій-Будановъ* выразилъ отъ имени Общества соболѣзнованіе по случаю кончины д. чл. Ѳ. Г. Лебединцева.

б) Д. чл. *А. И. Соболевскій* читалъ сообщеніе по вопросу: *въ какомъ году было крещеніе Руси?* По мнѣнію референта, лѣтописная дата крещенія Владиміра—988 г. заслуживаетъ вѣры, такъ какъ подобное событіе не могло не быть отмѣчено кѣмъ-нибудь изъ современниковъ и такъ какъ другіе источники, русскіе и иноземные, ей не противорѣчатъ. Показаніе „Памяти и похвалы“ Іакова Мниха („Владиміръ прожилъ послѣ крещенія 28 лѣтъ“), если сдѣлать вычисленіе такъ, какъ дѣлали въ древности, говоритъ въ пользу 988 г.; арабскій лѣтописецъ Яхъя и греческіе лѣтописцы Кедринъ и Зонара, разсказывая о женитьбѣ Владимира на греческой царевнѣ, не противорѣчатъ 988 г. Та же дата можетъ быть признаваема и за

---

[1]) См. іюньскую книжку „Кіевской Старины“ 1888 г.

дату крещенія Руси, такъ какъ Владиміръ крестился въ Корсунѣ не одинъ, а со всѣмъ своимъ войскомъ, и такъ какъ это войско можно съ бо́льшимъ основаніемъ признавать представителями всей Руси, чѣмъ не находившуюся въ войскѣ часть Кіевскаго населенія [1])

Д. чл. *В. З. Завитневичъ* представилъ возраженіе противъ положеній А. И. Соболевскаго, но послѣдній остался при своемъ мнѣніи.

Сущность разногласія выясняется въ слѣдующихъ тезисахъ, извлеченныхъ изъ реферата А. И Соболевскаго, и въ отвѣтныхъ положеніяхъ В. З. Завитневича.

Тезисъ. О времени крещенія св. Владимира есть даты въ трехъ русскихъ памятникахъ. Первый изъ нихъ самый важный—Несторова лѣтопись, которая относитъ крещеніе Владимира къ 988 году. Эта лѣтописная дата сама по себѣ не внушаетъ никакихъ сомнѣній. Лѣтописецъ для событій IX и X вв. нерѣдко выставляетъ года на угадъ; но есть достаточно основаній думать, что у него были подъ руками какія-то старыя записи второй половины IX и начала X в., изъ которыхъ онъ извлекъ даты нѣкоторыхъ событій: смерти Ольги и Владимира, прихода на Русь Печенѣговъ и др. Эти записи, безъ сомнѣнія, имѣли въ себѣ и дату столь важнаго событія, какъ крещеніе Владимира съ дружиною и войскомъ, которое не могло не обратить на себя вниманія какъ бывшихъ уже въ Кіевѣ христіанъ, такъ и греческаго духовенства, прибывшаго въ Кіевъ съ только что принявшимъ крещеніе Владимиромъ.

Антитезисъ. Нѣтъ сомнѣнія что мы вправѣ требовать отъ лѣтописца, чтобы онъ точно передалъ намъ хронологическую дату такого крупнаго событія, какъ крещеніе Владимира. Но въ разсказѣ о событіяхъ эпохи Владимира лѣтописецъ дѣлаетъ рядъ хронологическихъ ошибокъ, заставляющихъ историка относиться къ его показаніямъ съ большою осторожностью. Занятіе, напр., Владимиромъ Кіевскаго стола лѣтописецъ относитъ къ 980 году; эта дата стоитъ въ полномъ противорѣчіи съ тѣмъ показаніемъ самого же лѣтописца, что Владиміръ княжилъ 37 лѣтъ. И дѣйствительно, другой древній русскій писатель Іаковъ Мнихъ точно показываетъ, что Владиміръ

---

[1]) Рефератъ А. И. Соболевскаго напечатанъ во 2-й книгѣ „Чтеній“ Общества.

занялъ Кіевскій столъ 11 іюня 978 года. Далѣе, подъ 988 годомъ у лѣтописца нагромождена цѣлая масса фактовъ, которые, уже въ силу одной физической невозможности, не могли совершиться въ одномъ и томъ же году. Мало того. Лѣтописецъ сознается, что у него подъ руками были источники, которые совершенно иначе говорили о крещеніи Владимира, чѣмъ самъ онъ думаетъ. Эти источники, утверждая, что Владиміръ крестился у себя дома (въ Кіевѣ или въ Василевѣ), отдѣляли фактъ крещенія отъ похода на Корсунь, а слѣдовательно и хронологическія даты для этихъ двухъ событій у нихъ были не одинаковыя. Все это вынуждаетъ историка относиться къ лѣтописцу съ недовѣріемъ и его хронологическія показанія принимать только послѣ строгой критической провѣрки.

Тезисъ. Второй памятникъ, упоминающій о крещеніи Владимира, это—древнее „Житіе Владимира“ (Іакова Мниха), составленное въ XII или началѣ XIII вѣка. Авторъ „Житія“ несомнѣнно пользовался какимъ-то древнимъ источникомъ, заключавшимъ въ себѣ нѣсколько фактическихъ данныхъ, не отмѣченныхъ лѣтописью, и нѣсколько датъ, отличающихся отъ датъ лѣтописи. Въ „Житіи“ между проч. говорится, что Владиміръ послѣ крещенія жилъ 28 лѣтъ; а смерть его, согласно съ показаніемъ лѣтописи, относится къ 1015 г. Въ лѣтописи часто встрѣчаются случаи, когда цифры, взятыя круглымъ числомъ, превышаютъ дѣйствительную продолжительность обозначаемыхъ ими событій. Въ виду этого и здѣсь 28 лѣтъ жизни Владиміра послѣ крещенія должны быть понимаемы въ томъ смыслѣ, что Владиміръ прожилъ только 27 лѣтъ и умеръ на 28 году. Поэтому годомъ крещенія Владиміра по „Житію“ долженъ быть признанъ 988 годъ, т. е. годъ, указанный въ лѣтописи. При этомъ нужно помнить, что при счетѣ лѣтъ за первый годъ послѣ событія иногда принимался самый годъ событія, такъ что вторымъ годомъ назывался годъ, слѣдующій за годомъ событія.

Антитезисъ. Цифра 28 въ разсматриваемомъ „Житіи“ несомнѣнно означаетъ число истекшихъ лѣтъ. Для означенія текущаго года въ „Житіи“ употребляется особое выраженіе: „на другое лѣто“ и т. д. Въ данномъ же случаѣ прямо сказано, что Владиміръ поживе 28 лѣтъ послѣ крещенія, а не сказано, что онъ умеръ на 28 лѣто по крещеніи. Вотъ почему, если въ данномъ случаѣ и можетъ быть рѣчь о неточности круглой цифры, то развѣ въ томъ смыслѣ, что

Владимиръ жилъ послѣ крещенія 28 лѣтъ и умеръ на 29 году. Это значитъ что 1 марта 1015 г., т. е. съ началомъ новаго года, кончилось 28 лѣтъ послѣ крещенія Владимира и наступилъ 29-й годъ. А такъ какъ Владимиръ умеръ 15 іюля этого года, то значитъ послѣ крещенія онъ прожилъ 28 лѣтъ 4 мѣсяца и 15 дней. Въ виду этого факта, если даже будутъ приняты во вниманіе всѣ условія, неблагопріятствующія нашему вычисленію, все же годомъ крещенія Владимира, по Іакову, неизбѣжно окажется 987 г.

Тезисъ. „Житіе Владимира“ говоритъ, что Владимиръ взялъ городъ Корсунь на третій годъ послѣ крещенія. Мѣсто это противорѣчитъ показанію лѣтописи, свидѣтельствующей, что Владимиръ крестился послѣ взятія Корсуня. Для устраненія этого противорѣчія необходимо предположить или то, что Владимиръ послѣ крещенія во второй разъ ходилъ на Корсунь, или то, что въ „Житіи“ вмѣсто „взя“ нужно читать „основа“, т. е. основалъ г. Корсунь на рѣкѣ Роси.

Антитезисъ. Разъ доказано, что по „Житію“ Владимиръ крестился въ 987 году, всѣ эти догадки не имѣютъ мѣста: замѣна глагола „взя“ глаголомъ „основа“ является произвольнымъ искаженіемъ текста древняго памятника; а предположеніе, что Владимиръ непосредственно послѣ перваго похода на Корсунь взялъ его *второй* разъ, не только не оправдывается источниками, но и само по себѣ неправдоподобно. Самая попытка отыскать въ „Житіи“ основаніе для двоякаго похода Владимира на Корсунь не выдерживаетъ критики при внимательномъ анализѣ „Житія“, какъ литературнаго памятника: мысль, что въ „Житіи“ сначала перечисляются дѣянія Владимира язычника, а потомъ христіанина, опровергается тѣмъ, что непосредственно предъ первымъ перечисленіемъ передаются факты, имѣвшіе мѣсто послѣ крещенія Владимира.

Тезисъ. Третій памятникъ—„Житіе Бориса и Глѣба“ Нестора Діакона относится, вѣроятно, къ самому началу XII в. Авторъ его, упомянувъ о крещеніи Владимира и кіевлянъ, прибавляетъ: „се бысть въ лѣто 6000 и 400 и 90“. Такъ читается въ спискахъ XIV вѣка, но, по всей вѣроятности, лицо, писавшее этотъ списокъ, опустило въ концѣ цифры находившуюся въ оригиналѣ букву *е* (5), принявъ ее за окончаніе вин. пад. ед. чис. порядковаго числительнаго. Въ виду этого для оригинала „Житія“ возможно возстановить цифру

6, 495, т. е. 987 годъ. Эта дата повидимому не согласна съ лѣтописной датой; но обѣ онѣ легко могутъ быть приведены къ одной, если предположить, что Владиміръ крестился между 1 марта и 1 сентября въ одинъ изъ пяти послѣднихъ мѣсяцевъ 987 сентябрьскаго года, которые были вмѣстѣ съ тѣмъ начальными мѣсяцами 988 мартовскаго года.

Антитезисъ. Еще Погодинъ въ полемикѣ съ Хавскимъ доказалъ, что не мартовскій годъ предшествовалъ сентябрьскому, какъ предполагаетъ выше констатированная догадка, а наоборотъ, сентябрьскій мартовскому, вслѣдствіе чего послѣдніе мѣсяцы сентябрьскаго 987 года соотвѣтствовали первымъ мѣсяцамъ того же 987 мартовскаго года. Вотъ почему, если предположить, что въ „Житіи" Нестора дата крещенія Владиміра выставлена по сентябрьскому счету, то, при переводѣ ея на мартовскій годъ, фактъ крещенія Владиміра можно переносить или на конецъ 986 г., или на начало 987 г., но на 988 годъ онъ никакимъ образомъ переносимъ быть не можетъ. И такъ, и Несторъ согласно съ Іаковомъ крещеніе Владиміра относитъ къ 987 году.

Тезисъ. Лѣтописный годъ крещенія Владиміра (988) находитъ себѣ полное подтвержденіе въ данныхъ лучшихъ иностранныхъ источниковъ—Яхъи, Кедрина и пр.

Антитезисъ. Названные иностранные писатели не даютъ ни малѣйшаго основанія относить крещеніе Владиміра къ 988 году. Другіе же иностранные писатели для рѣшенія даннаго вопроса не даютъ никакихъ хронологическихъ указаній.

Тезисъ. Огненные столбы, явившіеся, по свидѣтельству Яхъи, 7 апрѣля 989 года, предвѣщали, по словамъ Льва Діакона, взятіе русскими Корсуня; слѣдовательно, Корсунь взятъ былъ Владиміромъ не раньше 989 года. Но такъ какъ это свидѣтельство противорѣчитъ лѣтописи, то необходимо признать, что Левъ Діаконъ въ своемъ повѣствованіи смѣшалъ событія разныхъ годовъ, при чемъ для него легче было смѣшать событіе 989 г. съ событіемъ 988 г., чѣмъ съ событіемъ 987, 986 и еще болѣе ранняго года.

Антитезисъ. Левъ Діаконъ ничего не смѣшивалъ: его показаніе совершенно согласно съ показаніемъ Іакова Мниха, по которому Владиміръ, крестившись въ 987 г., *на третье лѣто*, т. е. въ 989 г. взялъ Корсунь. Заподозриваніе въ смѣшеніи событій современника

этихъ событій, признаваемаго къ тому же самымъ добросовѣстнымъ между византійскими историками, является дѣломъ печальной необходимости, вызванной тенденціознымъ желаніемъ во что бы то ни стало оправдать ошибку нашего лѣтописца, и поэтому наукою не можетъ быть принято [1]).

в) Д. чл. *В. С. Иконниковъ* въ замѣткѣ *о первомъ самозванцѣ и его отношеніи къ Польшѣ по водвореніи въ Москвѣ* [2]) обратилъ вниманіе на недавно напечатанный въ „Русскомъ Архивѣ“ документъ, извлеченный изъ архива Краснохолмскаго монастыря, о сборѣ лошадей съ монастырскихъ вотчинъ „для польскаго похода“, въ концѣ правленія Дмитрія Самозванца. Сопоставляемый съ другими, напр., со свидѣтельствомъ секретаря Самозванца—Бучинскаго и съ иностранными извѣстіями (голландца Массы, іезуита Савицкаго и др.), документъ этотъ подтверждаетъ мнѣніе о существовавшемъ у Дмитрія Самозванца планѣ—начать войну съ Польшей, отношенія къ которой въ послѣднее время его правленія настолько обострились, что дѣлали такой выходъ естественнымъ и необходимымъ. Тѣмъ болѣе возможнымъ казалось это предпріятіе, что въ то время было собрано уже значительное войско и артиллерія для войны съ Турціей, а между тѣмъ, отчасти по винѣ короля Сигизмунда III, планъ этотъ былъ разстроенъ, война же съ Польшей могла принести Самозванцу громадную популярность.

Избранъ въ дѣйствительные члены по баллотировкѣ редакторъ-издатель „Кіевской Старины“ *А. С. Лашкевичъ*

IV. ЗАСѢДАНІЕ 3-ГО АПРѢЛЯ.

а) Д. чл. *В. С. Иконниковъ* въ сообщеніи *„Къ исторіи X-й главы Екатерининскаго наказа“* [3]) представилъ исторію отмѣны пытки въ Россіи. Референтъ указалъ сначала на смягченіе пытки до Екатерины II и измѣненіе, происшедшее во взглядахъ на примѣненіе пытки до „Наказа“, отчасти выразившееся и въ законодательствѣ.

---

[1]) Мнѣніе А. И. Соболевскаго объ аргументаціи В. З. Завитневича см. въ іюньской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія 1888 г.

[2]) Замѣтка эта предназначена къ помѣщенію въ „Русскомъ Архивѣ“.

[3]) Предназначено для „Русскаго Архива“.

Затѣмъ онъ указалъ на важность того факта, что X-я глава „Наказа", столь категорически высказавшаяся противъ пытки, вскорѣ послѣ закрытія Екатерининской коммиссіи вошла уже въ силу, а отступленія отъ нея вызвали повсемѣстное и безусловное запрещеніе производить пристрастные допросы и пытки. Значеніе этого извлеченнаго недавно изъ одного мѣстнаго архива распоряженія, какъ законодательнаго акта, подтверждается послѣдующими правительственными постановленіями по тому же предмету. Того же взгляда держалась императрица Екатерина II и въ отношеніи процессовъ политическаго характера. Губернская администрація, отступавшая иногда отъ указанныхъ началъ „Наказа" (на который постоянно ссылаются правительственные акты), подвергалась замѣчаніямъ и выговорамъ. Но такъ какъ означенныя распоряженія имѣли секретный характеръ, то и отступленія отъ нихъ являлись болѣе возможными. Такими же отступленіями вызванъ былъ и извѣстный актъ въ началѣ царствованія Александра I (1801 г.), безусловно отмѣнявшій пытки и пристрастные допросы съ тѣмъ, чтобы и самое названіе пытки, наносящее стыдъ и укоризну человѣчеству, изглажено было навсегда изъ памяти народной. Этотъ актъ разсматриваетъ бывшіе случаи пристрастныхъ допросовъ, вызывавшихъ его, какъ злоупотребленіе закономъ и притѣсненіе со стороны властей. Несмотря на это, кое-гдѣ встрѣчаются еще злоупотребленія орудіями пытки, которыя отбираются по распоряженію правительства (напр., въ 1827 г.). Особенно долго существовали нѣкоторые виды пытки (колодки) въ лютеранскихъ приходахъ, подвѣдомственныхъ Петербургской протестантской генеральной консисторіи, примѣнявшіеся по распоряженію пасторовъ и церковныхъ старостъ къ крестьянамъ.

б) Д. чл. *В. Б. Антоновичъ* сообщилъ *о городищахъ до-княжескаго и удѣльно-вѣчеваго періода, находящихся въ западной части древней Кіевской земли* и изслѣдованныхъ имъ во время археологической экскурсіи лѣтомъ 1887 г.[1]).

Предварительно референтъ представилъ очеркъ состоянія вопроса о городищахъ въ русской археологіи. Вопросомъ о городищахъ

---

[1]) Содержаніе этого сообщенія В. Б. Антоновича было изложено въ майской кн. „Кіевской Старины" 1888 г. Въ настоящемъ изданіи сообщеніе передано въ нѣсколько болѣе точномъ изложеніи.

занимались очень немногіе, и его можно считать почти неразработаннымъ.

Первая въ русской литературѣ работа о городищахъ принадлежитъ З. Д. Ходаковскому (Чарноцкому). Онъ собралъ огромное количество фактовъ, но въ обработкѣ этихъ фактовъ увлекался чрезмѣрно фантазіею. Онъ ставилъ апріорныя гипотезы и подгонялъ подъ нихъ факты. Теперь эти работы Ходаковскаго не могутъ считаться серьезными.

Гораздо важнѣе изслѣдованіе Срезневскаго, помѣщенное во II-мъ т. „Записокъ Одесскаго общества исторіи и древностей". Попытка Срезневскаго расклассифицировать городища отличалась научнымъ характеромъ, но 50 лѣтъ назадъ, когда писалъ Срезневскій, археологія была мало разработана, такъ какъ матеріала было собрано мало. Методъ Срезневскаго не былъ лишенъ научности. Городища были распредѣлены имъ на группы по наружному виду.

Съ того времени разработка вопроса о городищахъ почти не подвинулась впередъ. Такъ, въ трудѣ г. Самоквасова „Древніе города Россіи", принадлежащемъ къ научной литературѣ послѣдняго времени, не находимъ классификаціи городищъ: авторъ говоритъ о городищахъ огульно и всѣ безразлично считаетъ укрѣпленіями древнихъ славянскихъ городовъ (до-княжеской или княжеской эпохи), не замѣчая, что городища могли быть разныхъ временъ.

Въ настоящее время, по мнѣнію референта, слѣдуетъ собирать лишь матеріалы и свѣдѣнія и прилагать къ обработкѣ ихъ точный методъ. Прежде чѣмъ относить городища къ опредѣленному времени, необходимо выработать методъ для ихъ классификаціи и установить признаки, по которымъ каждая категорія могла бы быть отнесена къ извѣстной эпохѣ. Референтъ предложилъ нѣсколько такихъ пріемовъ. Чтобы отнести данное городище къ той или иной категоріи, необходимо имѣть прежде всего его планъ и собрать всѣ относящіяся къ нему историческія данныя, если таковыя сохранились въ письменныхъ источникахъ. Относительно многихъ городищъ такія данныя могутъ быть собраны; можно сказать, существовало ли въ данной мѣстности городское или замковое укрѣпленіе въ извѣстную эпоху. Когда такимъ путемъ будетъ опредѣлена мѣстность, то, сопоставляя это опредѣленіе съ планомъ, можно пріурочить данное городище къ извѣстному историческому времени. Но это, конечно, не всегда возможно,

потому что есть городища до-историческаго періода. При отсутствіи историческихъ данныхъ нужно прибѣгнуть къ двумъ другимъ пріемамъ. Во 1-хъ, необходимо раскопать курганы, состоящіе въ непосредственной связи съ городищемъ и служившіе мѣстомъ погребенія населявшихъ послѣднее жителей; по похоронному обряду, прослѣженному въ курганахъ, можно будетъ примѣрно опредѣлить время возникновенія городища. Во 2-хъ, необходимо по возможности собрать вещи, находимыя въ городищѣ; по сравнительному изученію ихъ можно опредѣлить эпоху существованія даннаго города; часто въ укрѣпленіяхъ городища находятъ характерныя вещи. Пользуясь этими двумя способами, можно съ большей или меньшей точностью отнести городище къ извѣстной эпохѣ. Иногда въ одномъ и томъ же городищѣ бываютъ наслоенія различныхъ эпохъ; эти наслоенія придется выдѣлить.

Лѣтомъ 1887 г. референтъ изслѣдовалъ, между проч., городища на берегахъ р. Раставицы, притока Роси, и къ сѣверу до р. Тетерева и его притоковъ; пространство это вмѣщаетъ въ себѣ западную часть средины Кіевской губерніи и небольшую полоску Житомирскаго уѣзда. Изслѣдовано было 24 городища, которыя можно раздѣлить на двѣ группы: первую—по р. Раставицѣ и вторую—по р. Тетереву и его притокамъ.

Городища первой группы, на основаніи историческихъ данныхъ, можно признать Черноклобуцкими и даже точнѣе—бывшими городами Берендичей. Референтъ привелъ въ подтвержденіе этого предположенія слѣдующія мѣста лѣтописей. Подъ 1071 г. въ начальной лѣтописи говорится: „воеваша Половци у Растовца и Неятина“. Подъ 1169 г. читаемъ, что Владимиръ Мстиславичъ задумалъ козни противъ своего племянника Мстислава Изяславича, занимавшаго Кіевскій столъ, и хотя, будучи уличенъ въ этомъ, цѣловалъ племяннику крестъ, но не устоялъ на крестномъ цѣлованіи, вслѣдствіе подстрекательствъ Черноклобуцкихъ князей „Чагровичей“, Чекъмана, брата его Тошмана и Моначюка; Владимиръ обратился къ дружинѣ, и когда она отказалась слѣдовать за нимъ, поѣхалъ къ Берендичамъ только въ сопровожденіи дѣтскихъ „и снялся съ Берендичи ниже Растовця“. Подъ 1177 г. разсказано о набѣгѣ Половцевъ на южные предѣлы Кіевской земли; княжившій тогда Романъ Ростиславичъ послалъ брата Рюрика и сыновей въ землю Берендичей, гдѣ Половцы

„взяша 6 городовъ Береньдиць и поидоша к Растовцю"; тутъ-то князья нагнали Половцевъ, но были разбиты и едва убѣжали въ Растовецъ. Такимъ образомъ, ясно, что въ Растовцѣ, Неятинѣ и пяти другихъ—не названныхъ—городахъ жили Берендичи. Растовецъ—нынѣшнее мѣстечко Бѣлиловка, одно изъ предмѣстій которой называется этимъ именемъ и которая называлась Раставицею въ документахъ до конца XVII в. (въ послѣдній разъ въ 1701 г. документъ говоритъ: „Раставица alias Билиловка"). Неятинъ—вѣроятно, нынѣшнее с. Ягнятинъ. Сосчитавъ городища по Раставицѣ, получимъ 7 городищъ съ Бѣлиловкою включительно, и это количество сходится съ количествомъ упомянутыхъ въ лѣтописи Берендицкихъ городовъ. Эти городища расположены у Растовца, у Ружина (до XVI в. называвшагося Щербовъ), у Ягнятина (два городища), у Карабчіева, у Паволочи и у Бакожина (нынѣ село Буки, часть котораго удерживаетъ старое названіе).

Другая группа изслѣдованныхъ въ 1887 г. городищъ расположена по Тетереву и его притокамъ. Два изъ этихъ городищъ могутъ быть пріурочены къ городамъ, поименованнымъ въ лѣтописи: Мичьску и Городеску. Мичьскъ—это нынѣшній Радомысль; одно изъ предмѣстій послѣдняго, лежащее въ углу между рѣками Тетеревомъ и Мыкою и сохранившее, хотя въ значительно испорченномъ видѣ, древнее городище, носитъ старое имя. О Мичьскѣ лѣтопись упоминаетъ подъ 1150 г. Когда Изяславъ Мстиславичъ шелъ на Владимирка Галицкаго, то дошелъ до р. Уши, встрѣтилъ тутъ Владимирка и отступилъ чрезъ Мичьскъ. Затѣмъ когда походъ на Кіевъ не удался Владимирку и послѣдній отступилъ въ свою очередь, то, проходя черезъ Мичьскъ, онъ потребовалъ у жителей серебра, и Мичанки должны были даже вынуть изъ ушей серьги и снять шейныя гривны для уплаты контрибуціи Галицкому князю, чтобы спасти городъ отъ разоренія. О Городескѣ лѣтопись упоминаетъ подъ 1257 г., говоря о цѣломъ рядѣ городовъ по Тетереву, не названныхъ по имени: по словамъ лѣтописи, Шварнъ Даниловичъ, желавшій отнять у татаръ добровольно подчинившіяся имъ области, взялъ Городескъ и города по Тетереву „до Жедечева". О другихъ городахъ по Тетереву лѣтопись не сообщаетъ, за исключеніемъ „Котелнича", нынѣшняго мѣстечка Котельни, стоящей на притокѣ Тетерева, р. Гуйвѣ. Котелничъ нѣкоторое время былъ удѣльнымъ городомъ Кіевской земли. Онъ пять разъ

упомянутъ въ лѣтописи. Подъ 1143 г. въ лѣтопись занесена запись о сильной бурѣ „около Котелничѣ“. Въ 1147 г. Котельница была отдана съ четырьмя другими городами Святославу Всеволодовичу. Въ 1148 г. ее съ другими городами получилъ Ростиславъ Юрьевичъ Въ 1162 г. здѣсь снялись Рюрикъ Ростиславичъ съ Мстиславомъ Изяславичемъ, отправляясь на Половцевъ. Въ 1169 г. Мстиславъ Изяславичъ отпускаетъ въ „Котелничъ“ своего дядю Владимира Мстиславича. Цѣлый рядъ фактовъ, относящихся къ позднѣйшей исторіи этого города, объясняетъ безпорядочное состояніе его городищъ. Онъ продолжалъ быть укрѣпленнымъ мѣстомъ до конца XVI в. Люстраторы, описывавшіе Житомирскій замокъ въ 1545 г., замѣтили: „Котельня, городище—повідаютъ—велми доброе, мало не такое якъ Житомирское“. Въ 1581 г. этотъ городъ былъ подаренъ сеймомъ кн. Кирику Ружинскому, который перестроилъ замокъ. Затѣмъ послѣдній перешелъ къ Конецпольскимъ. Такіе переходы сглаживали очертанія древняго городища и затруднили изслѣдованіе его, почему референтъ и оставилъ въ сторонѣ это городище.—Другіе по-тетеревскіе города не упоминаются какъ укрѣпленныя мѣста ни въ татарскій періодъ, ни въ послѣдующее время. Потому можно предположить, что они возникли либо въ до-историческое время, либо въ періодъ удѣльно-вѣчевой.

Обратимъ вниманіе на контуры городищъ. Изъ ряда послѣднихъ должно исключить два подвергшіяся передѣлкѣ и два ясно позднѣйшаго происхожденія (такъ, городище у с. Миніекъ Радомысльскаго у. отличается прямо-угольными контурами и относится къ періоду огнестрѣльнаго оружія). Остальныя городища принадлежатъ къ типу, господствовавшему въ великокняжескій періодъ, въ древнѣйшую пору нашей удѣльной системы или при князьяхъ-язычникахъ. Изъ городищъ такого типа только очень немногія находятся на ровной мѣстности, какъ Грубскъ; обыкновенно же они расположены на берегу рѣки. Для укрѣпленія выбирали особое возвышеніе, уединенную гору. Но такое мѣсто не всегда можно было найти, и потому выбирали гору, которая мысомъ врѣзывалась между двумя оврагами, и отрѣзывали ее отъ континента рвомъ, дно котораго по большей части лежитъ на одномъ уровнѣ съ дномъ враговъ, соединяемыхъ этимъ рвомъ. Одно такое городище имѣется у с. Городка. Такое городище окружалось по контурамъ горы довольно высокимъ валомъ, слѣдовав-

шимъ по контурамъ возвышенности и образовывавшимъ искривленія какъ выпуклыя, такъ и вогнутыя. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ городище примыкало къ ближайшимъ возвышенностямъ, валъ достигалъ весьма значительныхъ размѣровъ, и затѣмъ съ наружной стороны городище окапывалось большимъ рвомъ. Иногда насыпалось нѣсколько валовъ, расположенныхъ концентрически и понижающихся къ срединѣ. Сличивъ городища послѣдняго разряда съ другими извѣстными, можно замѣтить, что способъ концентрическихъ укрѣпленій былъ въ ходу во времена князей. Какъ на примѣры, можно указать на городища въ окрестностяхъ Кіева: въ Вышгородѣ видимъ 7 концентрическихъ параллелей валовъ, у Китаевской пустыни (древній Пересѣченъ)—3, у древняго Витичева – 2. Ясно, что въ княжеское время усиливали укрѣпленія путемъ цѣлаго ряда концентрическихъ валовъ. Типъ этотъ, быть можетъ, слѣдуетъ отнести исключительно къ княжескому періоду.—Нѣкоторую отмѣну представляютъ тѣ изъ городищъ этой эпохи, которыя стоятъ на равнинѣ, какъ Грубское и находящееся въ Щигліевкѣ.—Городища у Карабчіева, Ивницы и Мининъ отличаются тѣмъ, что внутренняя площадь ихъ (дно) сдѣлана выпуклою къ срединѣ, вѣроятно для того, чтобы избавить ихъ отъ застоя воды.

Затѣмъ референтъ обратился къ предметамъ, находимымъ въ курганахъ около перечисленныхъ городищъ и въ самыхъ городищахъ.

О раскопкахъ кургановъ, находящихся въ связи съ этими городищами, референтъ докладывалъ въ засѣданіи 31 января. Характеристическій типъ Древлянскаго похороннаго обряда встрѣчается во всѣхъ этихъ курганахъ безъ исключенія. Слѣдовательно, можно полагать, что эти курганы возникли въ то время, когда Древлянское племя уже сложилось въ общественную группу, составлявшую союзъ Древлянскихъ городовъ, о которомъ упоминаетъ лѣтопись при разсказѣ о походахъ Ольги на Древлянъ. Если на этомъ основаніи слѣдуетъ отнести городища къ до-христіанской эпохѣ, то съ другой стороны нѣкоторыя данныя указываютъ на культуру княжескаго періода.

Референтъ предъявилъ двѣ коллекціи, составленныя имъ въ городищахъ въ Грубскѣ и Городскѣ. Въ Грубскомъ городищѣ найдено значительное количество *пряслицъ*, употреблявшихся до конца XIV в.; онѣ дѣлались изъ краснаго шифера въ Овручскомъ уѣздѣ и служили вмѣсто маховаго колеса для веретенъ. Въ томъ же городищѣ найдена печать изъ краснаго шифера съ изображенными на ней че-

тырьмя крестами. Тамъ же найдена бронзовая стрѣлка. Подобные наконечники стрѣлъ встрѣчаются почти исключительно въ полосѣ юго-восточныхъ русскихъ степей, т. е. въ той полосѣ, которую долго занимали кочевники тюркскаго племени, да еще въ Венгріи. Можно думать, что такіе наконечники были въ употребленіи у Половцевъ и Печенѣговъ. Наконецъ, въ этомъ городищѣ были найдены большіе шары изъ стекла, называемые „гало". Они служили орудіемъ для выдѣлки ткани для *намитокъ*, которыя въ древности носили замужнія женщины всѣхъ сословій, въ томъ числѣ и княгини. Въ Грубскѣ-же находятъ часто фрагменты стекляныхъ браслетовъ,—украшенія, употреблявшагося на Руси только въ княжеское время. Всѣ эти вещи подтверждаютъ мнѣніе, что Грубское городище относится къ княжескому періоду.

То же можно сказать о городищѣ въ с. Городскѣ. Здѣсь кромѣ значительнаго количества пряслицъ найдены нѣсколько двустворчатыхъ крестовъ (тѣльниковъ), обломокъ креста изъ краснаго шифера большой желѣзный боевой топоръ, нѣсколько рыболовныхъ снарядовъ (остроги для битья рыбы, присутствіе которыхъ въ этомъ городищѣ объясняется тѣмъ, что оно расположено на большой, рыболовной рѣкѣ) и, наконецъ, большая фибула, которою застегивали корзно на правомъ плечѣ. Фибула орнаментована двумя удлиненными фигурами звѣрей. Изображенія такихъ уродливыхъ звѣрей встрѣчаются въ Византійскихъ рукописяхъ (въ заставкахъ) съ X по XII в. Это ясно указываетъ на княжескую эпоху.

Такимъ образомъ, и историческія данныя и сдѣланныя находки позволяютъ думать, что въ разсмотрѣнныхъ городищахъ мы имѣемъ дѣло съ насыпями славянскими, изъ которыхъ иныя возникли въ докняжескую эпоху, но существовали и при князьяхъ, а другія появились въ княжеское время (города Берендичей).

По поводу этого сообщенія д. чл. *В. З. Завитневичъ* предложилъ вопросъ о назначеніи городищъ. Референтъ заявилъ, что нѣкоторыя городища могутъ считаться укрѣпленіями; вторая же категорія—майданы—были, вѣроятно, зимними стоянками степняковъ, а можетъ быть стоянками литовскаго періода. О городищахъ послѣдняго разряда референтъ обѣщалъ сообщить въ слѣдующее засѣданіе.

в) Д. чл. *И. В. Лучицкій* въ сообщеніи *о сябринномъ землевладѣніи* указалъ: 1) на отсутствіе въ литературѣ работъ по вопросу

о сябринномъ землевладѣніи и 2) на тѣ источники, которыми онъ пользовался, именно: а) Румянцевскую опись,—томы, относящіеся до Любечской сотни (Черниговскій архивъ), б) документы рода Константиновичей, Стаховичей и др. Вопросъ въ рефератѣ г. Лучицкаго щелъ главнымъ образомъ о томъ, что такое сябръ и сябринное владѣніе. Послѣ разсмотрѣнія данныхъ о патронимическомъ названіи селъ, о семейной организаціи малороссовъ прежняго времени въ большія сводныя семьи, затѣмъ данныхъ объ общемъ владѣніи землями, о передѣлахъ земель, сдѣлано общее заключеніе, а именно, что сябринное землевладѣніе есть особая и оригинальная форма землевладѣнія, отличная и отъ чисто общинной и еще въ большей степени отъ подворной формы. Своимъ возникновеніемъ оно обязано распаденію единой и цѣльной сложной семьи на отдѣльныя группы семей, поселенныхъ въ отдѣльныхъ дворахъ, но связанныхъ общностію происхожденія, кровнымъ родствомъ, представлявшихъ собою „родъ“, „племя“, и при раздѣленіи на дворы сохранившихъ общее владѣніе отчинами и дѣдизнами, т. е. разнаго рода угодьями, распредѣляемыми на паи. Земли эти, разбиваемыя въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ на пайки, распредѣлялись между группами въ моментъ раздѣла поровну, а затѣмъ съ дальнѣйшимъ распаденіемъ группъ—лишь пропорціонально, соотвѣтственно долѣ „уступа“ каждой вновь образовавшейся группы. Пайки эти не были постояннымъ неизмѣннымъ владѣніемъ той или иной группы, а переходили отъ одной къ другой періодическп путемъ передѣловъ, и каждая группа имѣла право не на данную землю, а лишь на идеальную долю опредѣленнаго размѣра во всѣхъ безъ исключенія общихъ угодьяхъ и земляхъ. Отъ чисто общинной формы землевладѣнія сябринное землевладѣніе отличалось: а) неравенствомъ размѣра участковъ пользованія и б) свободою отчужденія и продажи своего права на идеальную долю пользованія (на всю цѣликомъ или на нѣкоторую часть ея) какъ внутри союза, между сябрами, такъ и въ постороннія руки съ согласія сябровъ; отъ подворной—тѣмъ, что а) владѣніе участками не было постояннымъ или неизмѣннымъ, а переходило изъ рукъ въ руки путемъ передѣла между дворами, изъ которыхъ каждый имѣлъ право на *участіе* въ землѣ, а не на самую землю, другими словами пользовался идеальнымъ, а не реальнымъ участкомъ земли, и б) что, хотя и неравномѣрное, пользованіе участками было пропорціонально одно

къ другому. Отсюда становится понятнымъ и тотъ смыслъ, какой въ болѣе раннее время связывали съ словомъ сябръ. Это семья или семейная группа, 1) имѣющая право участія въ пользованіи угодьями, принадлежащими всей совокупности родичей, въ силу кровной связи своей съ родовою группою, связи дѣйствительной или искусственной; 2) обладающая поэтому правомъ голоса въ сябринныхъ собраніяхъ и въ распредѣленіи угодій; 3) пользующаяся въ общихъ угодіяхъ или земляхъ лишь тою долею участія, которая приходится на нее въ данномъ дворѣ, часть котораго она составляетъ, дворѣ, получившемъ при первоначальномъ раздѣлѣ свою, однажды опредѣленную пайку идеальнаго пользованія во всѣхъ безъ исключенія угодьяхъ и земляхъ сяброваго союза [1]).

Избраны въ д. члены Общества *А. И. Булаковъ* и *Ѳ. И. Кнауэръ*.

V. ЗАСѢДАНІЕ 25-ГО СЕНТЯБРЯ.

а) Д. чл. *И. М. Каманинъ* прочелъ сообщеніе: *„Статистическія данныя о евреяхъ въ Лѣвобережной Украинѣ въ XVIII вѣкѣ“*.

Поселеніе евреевъ въ Лѣвобережной Украинѣ относится еще къ велико-княжеской эпохѣ; но вскорѣ отсюда они надолго изгоняются; впослѣдствіи они снова появляются въ нынѣшнихъ Черниговской и Полтавской губерніяхъ, но уже вмѣстѣ съ поляками какъ посредники между народомъ и шляхтой. Населеніе Полтавщины сжилось съ евреями за время долгаго господства здѣсь поляковъ; Черниговщина же, подвластная долѣе Московскому государству, не могла вынести сожительства съ ними, доказательствомъ чему служитъ грамота королевича Владислава отъ 8 февр. 1623 года, запрещающая евреямъ селиться въ Сѣверщинѣ и Черниговщинѣ. Въ смутное время войнъ Хмельницкаго и Руины евреи были забыты, и правительство вспоминаетъ о нихъ лишь въ XVIII в., запрещая указомъ 1727 года поселеніе евреевъ на лѣвомъ берегу Днѣпра; но въ 1728 г. этотъ указъ былъ ограниченъ предоставленіемъ евреямъ права пріѣзда на ярмарки Черниговской и Полтавской, а съ 1734 г. и Харьковской губерній.

---

[1]) Сообщеніе И. В. Лучицкаго напечатано въ №№ 1 и 2 „Сѣвернаго Вѣстника“ 1889 года.

Позволеніемъ временнаго пребыванія воспользовались евреи и стали селиться на аренды въ городахъ и селахъ. Дошедшія объ этомъ до Сената свѣдѣнія вызываютъ рядъ указовъ объ изгнаніи евреевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ поводомъ къ переписи евреевъ на лѣвомъ берегу Днѣпра въ 1739 году. Слѣдующіе затѣмъ годы царствованія Елисаветы Петровны были рѣшительно неблагопріятны для евреевъ; запрещеніе селиться не было отмѣнено и въ слѣдующее затѣмъ царствованіе Петра III и Екатерины II; только въ 1782 г., съ учрежденіемъ намѣстничествъ, евреямъ позволено было оставаться для промысловъ въ Екатеринославскомъ намѣстничествѣ и Таврической области; при этомъ евреи опять стали переходить и въ заповѣдныя для нихъ губерніи Черниговскую и Полтавскую, и въ 1792 г. потребовались новые указы о выселеніи ихъ и свѣдѣнія о количествѣ, т. е. новая перепись.

Перепись 1739 г. обнаружила присутствіе евреевъ въ 9-ти полкахъ: Кіевскомъ, Черниговскомъ, Стародубскомъ, Нѣжинскомъ, Переяславскомъ, Прилуцкомъ, Лубенскомъ, Гадячскомъ и Полтавскомъ. Наиболѣе жило евреевъ въ Нѣжинскомъ (163) и Лубенскомъ (156) полкахъ; наименѣе въ Кіевскомъ (10); всего же на лѣвомъ берегу оказалось 722 еврея.

Всего охотнѣе евреи принимались великорусскими землевладѣльцами (ихъ 6, а евр. семей 32), потомъ иноземцами (ихъ 5, а евр. семей 24) и, наконецъ, малорусскими землевладѣльцами (ихъ 39, а евр. семей 74).

Наибольшее число евреевъ вышло изъ Кіевскаго Полѣсья и Литвы; наименѣе изъ Волыни.

Всѣ евреи-переселенцы были до того горожанами.

Наибольшій наплывъ евреевъ въ Украину замѣчается въ 1735 году (29 семей), постепенно увеличиваясь (около 8 ежегодно) съ 1727 г. и падая въ 1738 г.

По переписи 1792 г. евреевъ оказалась 966, т. е. на 31% болѣе. Наибольшее число ихъ было въ Золотоношскомъ уѣздѣ (229) и наименьшее въ Лубенскомъ и Миргородскомъ (8—10).

Разсматривая географически распредѣленіе евреевъ, нельзя не замѣтить, что въ 1739 г. они скопляются у центровъ внутренней торговли (Нѣжинъ, Лубны), а въ 1792 г., съ присоединеніемъ Крыма

и развитіемъ судоходства по Днѣпру, они переселяются въ поднѣпровскіе уѣзды.

б) Д. чл. *В. Антоновичъ* сдѣлалъ сообщеніе *о городищахъ-майданахъ*.

Референтъ указалъ на то, что среди различныхъ группъ кургановъ, интересныхъ въ археологическомъ отношеніи, есть одна группа мало-изслѣдованныхъ, о происхожденіи которыхъ археологія пока ничего достовѣрнаго не знаетъ. Это—такъ наз. городища-майданы, имѣющія форму усѣченныхъ конусовъ, вогнутыхъ внутрь и внутри заканчивающихся площадкой, лежащей на одномъ уровнѣ съ прилегающей площадью. Народъ назвалъ эти городища майданами потому, что соединялъ съ ними представленіе о мѣстахъ производства смолы. Но такое объясненіе происхожденія майдановъ не можетъ быть принято наукой по той простой причинѣ, что они разбросаны въ степной мѣстности, гдѣ никогда не было матеріала для приготовленія смолы. Не можетъ быть также принята и гипотеза Фудуклея, пытавшагося доказать, что майданы не что иное, какъ бывшіе селитренные заводы: по своей внѣшности, майданы не имѣютъ ничего общаго съ такими заводами. Не заслуживаетъ вниманія и третье предположеніе, допускающее, что насыпь внутри майдановъ была снята позже: нѣтъ указанія на то, куда дѣвалась вынутая изъ майдановъ земля. Изученіемъ вопроса о городищахъ-майданахъ занимался цѣлый рядъ русскихъ археологовъ, пытавшихся объяснить ихъ происхожденіе. Между прочимъ, Фундуклей, пользуясь упоминаніемъ Геродота о людоѣдахъ-антропофагахъ и меланхленахъ, пытался доказать, что майданы представляли собою мѣста людоѣдскихъ пиршествъ; но эта гипотеза осталась недоказанной, такъ какъ Фудуклей въ защиту ея могъ представить только весьма гадательныя соображенія о сходствѣ названій нѣкоторыхъ мѣстностей съ названіями Геродотовыхъ людоѣдовъ. Проф. Самоквасовъ видѣлъ въ майданахъ остатки древнихъ поселеній, но такая догадка говоритъ сама противъ себя, такъ какъ майданы по своему объему (10—12 саж. въ діаметрѣ) не могли быть мѣстами поселеній. Срезневскій серьезнѣе взглянулъ на задачу и собралъ богатый фактическій матеріалъ. Онъ, между проч., установилъ тотъ фактъ, что городища-майданы не представляютъ собою исключительной принадлежности южной Россіи, а встрѣчаются по всей славянской территоріи какъ на востокѣ, такъ и на западѣ. Отсюда ясно, что они являются остатками быта какого-то народа,

либо предшествовавшаго славянамъ на занятой ими территоріи, либо ихъ современника.

Сдѣлавъ эти указанія на литературу о городищахъ-майданахъ, референтъ представилъ данныя, добытыя путемъ личнаго изученія этихъ мало-изслѣдованныхъ кургановъ. По его словамъ, прежде всего слѣдуетъ отмѣтить тотъ фактъ, что городища-майданы распадаются на нѣсколько типовъ. Одни представляютъ собою одну только насыпь безъ боковыхъ валовъ; въ другихъ около главной насыпи есть боковые валы, то сдвинутые, то раздвинутые; наконецъ, третьи, встрѣчаемые довольно рѣдко, представляютъ собою нѣсколько насыпей и образуютъ кругъ, имѣющій нѣсколько выходовъ, защищаемыхъ также возвышенностями; внутри круга много валовъ и возвышенностей, идущихъ въ различныхъ направленіяхъ.

Референтъ изслѣдовалъ рядъ майдановъ, идущихъ по линіи Золотоноша-Кременчугъ на разстояніи 10 верстъ отъ Днѣпра. Майданы идутъ двойною цѣпью и расположены на самыхъ возвышенныхъ пунктахъ. Въ промежуткахъ между возвышенностями первой цѣпи стоятъ майданы второй цѣпи; майданы первой цѣпи обращены выходами къ выходамъ майдановъ второй линіи. Майданы первой цѣпи принадлежатъ къ самому простому типу, майданы параллельной линіи имѣютъ боковые валы. Эти наблюденія и затѣмъ справки съ документами XVI в. дали основаніе референту предположить въ майданахъ сторожевые пункты Литовскаго періода. Но такая догадка рушилась сама собою при изученіи майдановъ въ системѣ р. Соба, гдѣ рядомъ съ майданами находятся въ значительномъ количествѣ Скиѳскіе курганы. Такимъ образомъ, рѣшеніе вопроса о майданахъ все-таки остается открытымъ; по мнѣнію референта, возможнымъ оно станетъ только тогда, когда будутъ нанесены на карту всѣ извѣстныя городища-майданы, и будутъ произведены тщательныя раскопки прилегающихъ къ нимъ кургановъ.

в) По поводу сообщенія В. Б. Антоновича д. чл. *В. З. Завитневичъ* высказалъ слѣдующія соображенія:

Ознакомленіе съ внѣшнимъ видомъ *майдановъ* несомнѣнно наводитъ на мысль, что этотъ видъ земляныхъ сооруженій имѣлъ значеніе укрѣпленій, предназначавшихся для защиты данной мѣстности. Но это предположеніе, повидимому, не мирится съ данными, добытыми путемъ археологическихъ раскопокъ. Намъ извѣстны результаты

раскопокъ майдановъ, произведенныхъ Д. О. Шеппингомъ (Археологическій Вѣстникъ 1867 г., мартъ—апрѣль) и графомъ Бобринскимъ (Курганы близъ мѣстечка Смѣлы. Спб. 1887 г.).

Майданы, раскопанные Шеппингомъ, находятся возлѣ хутора Гвоздовки, Острогожскаго уѣзда Воронежской губерніи. Числомъ ихъ два; расположены они недалеко отъ рѣчки Калитвы; отстоятъ другъ отъ друга на разстояніи не болѣе версты; выходами своими оба обращены къ рѣчкѣ. Предъ выходами изъ главнаго городища расположены небольшія площадки, окаймленныя обычными въ большей части майдановъ крыльями, состоящими изъ нѣсколькихъ валовъ, примыкающихъ одними концами къ валу центральнаго городища. Входъ на площадку снаружи загражденъ ямами; въ одномъ майданѣ одна яма, въ другомъ три: центральная и двѣ боковыхъ. Расчистка первой ямы дала слѣдующій результатъ: на аршина два подъ черноземомъ найденъ чисто песчаный пластъ, въ срединѣ котораго оказалось небольшое мѣсто красноватой глины, носящей явные признаки необожженнаго кирпича; среди глины видны слѣды золы, угля и обожженнаго дерева. Въ ямахъ втораго кургана золы и углей не оказалось: ямы эти засыпаны были, почти на сажень глубины, глинистою „рушеною“ землею.—При раскопкѣ боковыхъ валовъ, составляющихъ крылья майдана, обнаружено слѣдующее: подъ небольшимъ слоемъ чернозема оказался слой твердой, какъ будто утрамбованной, глинистой, смѣшанной съ мѣломъ, земли, которую приходилось ломать ломомъ; подъ этимъ слоемъ показался материкъ, на которомъ видны слѣды совершенно истлѣвшаго дубоваго бревна. Этотъ фактъ встрѣтился въ обоихъ майданахъ.—Валъ, составляющій основное ядро майдана, изслѣдованъ былъ посредствомъ пробной траншеи, которою прорѣзанъ былъ окопъ нѣсколько лѣвѣе отъ входа въ майданъ. При прорытіи траншеи въ первомъ майданѣ обнаружилось слѣдующее. На глубинѣ 8 футовъ показался желтый песокъ, въ которомъ скоро найденъ былъ совершенно истлѣвшій человѣческій костякъ, обращенный головою на югъ. У ногъ костяка найдены черепки глинянаго горшка, лошадиная голова и слѣды стоймя воткнутой деревянной балки. У головы костяка оказались черепки другаго горшка, за тѣмъ третьяго, указавшаго близость другаго человѣческаго костяка, лежавшаго въ томъ же положеніи. Отъ костяковъ, во внутрь майдана, шелъ ходъ, продѣланный въ песчаномъ слоѣ. Во второмъ майданѣ повторилось

то же явленіе, за исключеніемъ слѣдующей особенности. Внутренность майдана здѣсь обведена была стѣною изъ твердой свѣтло-желтой глины, что́ показываетъ, что вниманіе сооружавшихъ майданъ обращено было не столько на внѣшнюю, сколько на внутреннюю его сторону. Затѣмъ, въ верхнемъ слоѣ чернозема найдены были черепки большаго горшка, а подъ нимъ, въ пескѣ, показалась цѣлая куча человѣческихъ и лошадиныхъ костей, закопанныхъ вмѣстѣ. Человѣческіе костяки съ горшками здѣсь лежали нѣсколько ближе къ внутренности майдана.—Еще раньше раскопанъ былъ майданъ, расположенный въ верстахъ 3 отъ Гвоздовскихъ, вблизи хутора Ясиновки. При изслѣдованіи этого майдана обнаружены были слѣдующія особенности. Входъ на площадку здѣсь защищенъ былъ не ямами, а продолговатымъ валомъ. При раскопкѣ этого вала, на линіи материка, обнаружилась куча костей, среди которыхъ можно было отличить черепъ и зубы собаки и зубы лошади; тутъ же попадались хлѣбныя зерна и въ большомъ количествѣ рыбная шелуха. На лѣво отъ обращеннаго къ сѣверу входа въ майданъ здѣсь оказалось два возвышенія. При раскопкѣ одного изъ нихъ, въ срединѣ насыпи, найдены были 4 большія дубовыя балки, рядомъ лежавшія на крѣпко утрамбованномъ слоѣ; ниже ихъ, въ песчаномъ слоѣ, лежалъ человѣческій костякъ, точно также головою обращенный къ югу, а въ ногахъ и у головы стояло по одному горшку.—Въ центральной воронкѣ майдана найденъ, между прочимъ, обломокъ искусственно обдѣланной кости неизвѣстнаго назначенія. А при раскопкѣ западнаго возвышенія (?) оказалось большое количество пепла, немного углей и челюсть какого-то животнаго.

Графомъ Бобринскимъ изслѣдовано два майдана (№№ VI и XXVII). Въ первомъ изъ нихъ насыпь основнаго вала раскопана на пространствѣ 33 аршинъ; второй майданъ раскопанъ широкой траншеей. Въ послѣднемъ кромѣ того изслѣдованъ боковой валъ и центральное углубленіе. При изслѣдованіи перваго майдана, на различной высотѣ, обнаружено 3 человѣческихъ костяка съ признаками деревянныхъ гробовъ; при изслѣдованіи втораго—одинъ костякъ. Въ насыпи кромѣ того попадались черепки отъ посуды грубой формы, кремневыя орудія, куски дерева и громадное количество костей всевозможныхъ животныхъ и птицъ, каковы: лошадь, корова, свинья, баранъ, косуля, лисица, заяцъ, барсукъ, хорекъ, слѣпецъ, сусликъ; изъ птицъ уда-

лось опредѣлить кости королевскаго орла и тетерева. Но особенно любопытно то, что, при раскопкѣ внутренней впадины втораго майдана, на пространствѣ 10 аршинъ, попадались, кромѣ костей вышеназванныхъ животныхъ, предметы человѣческой культуры, каковы: обломки кирпичей, часть чугуннаго горшка, куски стекла, большой желѣзный наконечникъ стрѣлы съ винтообразнымъ насѣченіемъ на шейкѣ для насаживанія на дерево, обломки большой глиняной амфоры грубаго типа и мелкіе отточенные кремни древняго типа. Наконецъ самое дно ямы, на глубинѣ 10 аршинъ, уложено было камнями (гранитомъ), видимо положенными рукою человѣка; человѣческихъ же костей не найдено.

Если на основаніи приведенныхъ фактовъ позволительно сдѣлать заключеніе, то придется признать, что майданы не были только просто стратегическими пунктами, предназначавшимися для защиты данной мѣстности. Внутренность ихъ, почти всегда оканчивающаяся воронкою, совершенно не приспособлена для помѣщенія гарнизона, хотя бы самаго незначительнаго; защищать же изъ такой воронки окопы, поднимающіеся надъ нею на нѣсколько саженей (иногда до 30 аршинъ), представляется совершенно неудобнымъ: защищающійся здѣсь оказался бы въ не менѣе затруднительномъ положеніи, чѣмъ и нападающій. Къ защитѣ собственно приспособлены крылья майдановъ, защищающія входъ въ него; но крылья не составляютъ существенной принадлежности майдана; есть майданы или совершенно безъ крыльевъ, или съ очень слабо развитыми крыльями. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что существенную часть майдана составляетъ его внутреннее углубленіе, которое, какъ мы видѣли, иногда окружалось даже особою стѣною изъ глины и соединялось съ могилами погребенныхъ подъ насыпью покойниковъ особыми ходами. Такіе ходы обнаружены не только въ Гвоздовскихъ майданахъ, но и въ Ясиновскомъ. Въ виду всего сказаннаго невольно возникаетъ вопросъ: не были-ли майданы какими-нибудь священными мѣстами, въ родѣ, напр., коллективныхъ могилъ, мѣстъ для отправленія религіозныхъ обрядовъ или совершенія всенародныхъ пиршествъ, которыя совершались на валахъ главнаго окопа, охранявшаго мѣсто, по чему-нибудь дорогое для отдѣльнаго рода или даже цѣлаго племени? Майданы, далѣе, часто входятъ въ систему такъ называемыхъ скиѳскихъ могилъ; въ виду этого возникаетъ новый вопросъ: принадлежатъ-ли они самимъ Ски-

ѳамъ, представляютъ-ли они скиѳскія могилы, раскопанныя и приспособленныя для своихъ цѣлей другимъ, позднѣе жившимъ, народомъ, или, наконецъ, они не имѣютъ ничего общаго со скиѳскими могилами? Въ отвѣтъ на это приходится лишь повторить слова почтеннаго референта, что только полное и всестороннее изслѣдованіе майдановъ путемъ археологическихъ раскопокъ можетъ доставить данныя для рѣшенія этихъ и имъ подобныхъ вопросовъ.

Единогласно былъ избранъ открытою подачею голосовъ въ почетные члены Общества г. Попечитель Кіевскаго учебнаго округа *Владимиръ Владимировичъ Вельяминовъ-Зерновъ.*

VI. ЗАСѢДАНІЕ 30-ГО ОКТЯБРЯ.

Д. чл. *П. А. Лашкаревъ* прочелъ сообщеніе *объ остаткахъ церкви Мономаха въ городѣ Переяславѣ* [1]).

Д. чл. *А. В. Романовичъ-Славатинскій* сообщилъ *о Комитетѣ, учрежденномъ Высочайшимъ рескриптомъ 6 сентября 1826 г.:* о поводѣ къ его учрежденію, о его составѣ, предметахъ занятій, роли Сперанскаго, составленныхъ имъ проектахъ, отношеніи къ нимъ Цесаревича Константина Павловича и ихъ судьбѣ.

Онъ-же представилъ библіографическую замѣтку *о первой исторіи крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи* („О состояніи крестьянъ господскихъ въ Россіи. Сочиненіе М. Грибовскаго, доктора обоихъ правъ. Харьковъ, 1816"): въ замѣткѣ этой было изложено содержаніе книги съ указаніемъ на болѣе замѣчательныя ея черты.

Д. чл. *С. Т. Голубевъ* прочелъ сообщеніе *„Изъ бытовой исторіи Кіевской Академіи въ XVIII в."* Референтъ остановилъ свое вниманіе на двухъ документахъ: 1) жалобѣ префекта и учителей Академіи на своего ректора Давида Нащинскаго и 2) объяснительной запискѣ послѣдняго по поводу означенной жалобы.—Документы эти представляютъ богатый матеріалъ для характеристики бытовой стороны жизни академическихъ профессоровъ, преимущественно касающійся ихъ матеріальнаго обезпеченія, пропитанія и т. п. [2]).

---

[1]) Чтеніе П. А. Лашкарева помѣщено въ янв. кн. „Кіевской Старины" 1889 г.

[2]) Чтеніе С. Т. Голубева помѣщено въ апр. кн. „Кіевской Старины" 1889 г.

По состоявшейся закрытой баллотировкѣ оказались избранными въ званіе дѣйствительнаго члена *П. В. Владимировъ* и *Н. Ф. Красносельцевъ*.

VII. ЗАСѢДАНІЕ 20-ГО НОЯБРЯ.

Д. чл. *Ѳ. И. Кнауэръ* прочелъ сообщеніе *о раскопкѣ, произведенной имъ въ Бессарабіи* въ апрѣлѣ 1888 г. (Сообщеніе это см. въ приложеніи).

Д. чл. *В. Б. Антоновичъ* сообщилъ свое заключеніе о замѣчательныхъ особенностяхъ, представленныхъ этой раскопкой (см. въ приложеніи).

Д. чл. *И. А. Сикорскій* сообщилъ заключеніе съ антропологической точки зрѣнія о черепахъ, найденныхъ Ѳ. И. Кнауэромъ (см. тамъ-же).

Ѳ. И. Кнауэръ принесъ затѣмъ въ даръ Обществу предметы, найденные при раскопкахъ. *Опредѣлено*: выразить Ѳ. И. Кнауэру благодарность, а пожертвованные имъ предметы передать въ музей университета св. Владимира.

Предложены и избраны въ почетные члены Историческаго Общества: академики *А. Н. Веселовскій* и *И. В. Ягичъ*, *Фр. Рачкій* и проф. *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ*.

VIII. ЗАСѢДАНІЕ 11-ГО ДЕКАБРЯ.

а) Поч. чл. *И. И. Малышевскій* прочелъ сообщеніе: *„Новое лѣтописное извѣстіе о происхожденіи Ольги св.“*

Поводомъ къ реферату послужило ученое изслѣдованіе архим. Леонида (намѣстника Троицко-Сергіевс. Лавры) подъ заглавіемъ: *Откуда была родомъ русская в. княгиня Ольга св.?* Извѣстный многими открытіями и изслѣдованіями въ области древне-русской письменности, ученый о. архим. Леонидъ въ 1887 г., занимаясь описаніемъ рукописей библіотеки графа Уварова, нашелъ въ ней новый рукописный сборникъ, въ которомъ, между прочимъ, оказался новый Владимирскій лѣтописецъ, писанный въ концѣ XV в. Лѣтописецъ въ начальной части своей слѣдуетъ указаніемъ нашей начальной лѣтописи, но, мѣстами, дѣлаетъ весьма интересныя дополненія и поясненія къ из-

вѣстіямъ этой лѣтописи. Къ такимъ мѣстамъ относится слѣд. извѣстіе Владимирскаго лѣтописца въ его повѣствованіи объ Олегѣ: „Игоря-же ожени (Олегъ) *въ Болгарѣхъ*, поятъ же за него *княжну* Ольгу, и бѣ мудра вельми". Это извѣстіе *о болгарскомъ* происхожденіи Ольги архим. Леонидъ считаетъ весьма вѣроятнымъ и подкрѣпляетъ такой выводъ рядомъ указаній, каковы особенно указанія на существованіе въ половинѣ X в. только *Болгарскаго* Плескова и несуществованіе русскаго, указанія на пресвитера Григорія, бывшаго при Ольгѣ во время путешествія ея въ Царь-градъ и отождествляемаго съ болгарскимъ пресвитеромъ Григоріемъ, переводчикомъ хроникъ Георгія Амартола и Іоанна Малалы. Признавая достоинство нѣкоторыхъ указаній и соображеній о. архим. Леонида, референтъ тѣмъ не менѣе пришелъ къ выводу, что извѣстіе новооткрытаго Владимирскаго лѣтописца о Болгарскомъ происхожденіи Ольги мало вѣроятно, и что гораздо тверже стоитъ свидѣтельство начальной лѣтописи о происхожденіи Ольги изъ русскаго Плескова или Пскова [1]).

Въ такомъ-же смыслѣ сдѣланы нѣкоторыя замѣчанія на рефератъ д. членами общества *В. З. Завитневичемъ* и *А. В. Розовымъ*.

В. З. Завитневичъ замѣтилъ, что въ вопросѣ о происхожденіи Ольги открытое архимандритомъ Леонидомъ извѣстіе Владимирской лѣтописи является лишь варіантомъ основнаго извѣстія первоначальной лѣтописи. Есть основаніе думать, что Владимирскій лѣтописецъ, равно какъ и нѣкоторые другіе позднѣйшіе составители лѣтописныхъ сводовъ, сомнѣвался въ существованіи при Игорѣ русскаго Пскова; но ему былъ извѣстенъ фактъ существованія болгарскаго Плескова. Это и могло подать поводъ выводить Ольгу изъ Болгаріи. Между тѣмъ начальная лѣтопись имѣла въ виду русскій Псковъ, который несомнѣнно существовалъ при Владимирѣ, да и при Игорѣ и Олегѣ возможность его существованія ничѣмъ не опровергается.

б) Д. чл. *А. А. Дмитріевскій* прочелъ сообщеніе: *„Страстная седмица и пасха въ Іерусалимѣ въ IX и X вв., по вновь открытому памятнику"*.

---

[1]) Сообщеніе это помѣщено въ „Кіевской Старинѣ" 1889 г.

Исторія нашего богослуженія въ періодъ времени до X вѣка остается и доселѣ необслѣдованною, въ виду отсутствія положительныхъ данныхъ. Поэтому вновь открытый памятникъ богослуженія въ страстную и пасхальную седмицу IX—X вѣка имѣетъ, по мнѣнію референта, безспорно важное значеніе для этой исторіи. Въ частности настоящій памятникъ знакомитъ насъ съ порядкомъ богослуженія въ Іерусалимѣ въ эти важнѣйшіе дни церковнаго года, когда св. городъ стоитъ особенно близко къ воспоминаемымъ св. церковью событіямъ О порядкахъ этихъ въ литературѣ ничего не было извѣстно. Вновь открытый памятникъ имѣетъ весьма важное и археологическое значеніе. При всеобщемъ интересѣ къ святынямъ и древностямъ Палестины настоящая находка даетъ немало весьма важныхъ топографическихъ и археологическихъ указаній относительно чтимыхъ мѣстъ и бывшихъ на нихъ архитектурныхъ сооруженій. Эти указанія принадлежатъ не довѣрчивымъ паломникамъ простецамъ, а самой церкви Іерусалимской, которая чтила святыни Іерусалима и совершала къ нимъ установленные крестные ходы. Правда, въ указаніяхъ даннаго памятника нѣтъ точности, но ея и требовать нельзя отъ богослужебнаго памятника. Нѣкоторая неопредѣленность его восполняется показаніями современныхъ памятнику паломниковъ.

Открытъ референтомъ этотъ памятникъ въ рукописной священной исторіи, составленной покойнымъ профессоромъ богословской Іерусалимской школы, архимандритомъ Максимомъ Симеа въ 1804 году. Сюда въ качествѣ приложеній онъ былъ списанъ съ одного пергаменнаго кодекса 1122 года, принадлежавшаго библіотекѣ Саввы Освященнаго. Но 1122 годъ не можетъ опредѣлять времени составленія самаго чина службы страстной и пасхальной седмицъ въ Іерусалимѣ. Этому противорѣчатъ внутренніе признаки. Во-первыхъ, топографія святыхъ мѣстъ въ подлинномъ памятникѣ указывается въ такомъ видѣ, въ какомъ они уже не существовали въ данное время, будучи разрушены во время страшнаго погрома при калифѣ Хакемѣ въ 1009 или 1010 году. Во-вторыхъ, въ памятникѣ неоднократно поминается на ектеньяхъ патріархъ Іерусалимскій Николай I, занимавшій престолъ съ 932 по 947 годъ. Въ третьихъ, въ числѣ стихиръ одна надписывается именемъ патріарха Константинопольскаго Фотія (857—867, 877—886), и имѣется канонъ въ великую субботу Козьмы Магонскаго († 776) и Марка епископа Отрантскаго († въ на-

чалѣ IX в.). Такимъ образомъ можно полагать, что настоящій чинъ службы составленъ приблизительно въ началѣ IX или въ первой половинѣ X вѣка. Топографическое положеніе св. мѣстъ въ Іерусалимѣ соотвѣтствуетъ данному времени. Св. мѣста Іерусалима представляются существующими въ томъ видѣ, какъ они, послѣ разрушенія ихъ въ 614 году новоперсидскимъ царемъ Хозроемъ, были реставрированы Іерусалимскимъ патріархомъ Модестомъ (въ 614—628 гг. мѣстоблюститель патріаршаго трона по случаю нахожденія въ плѣну у персовъ патріарха Захаріи, а въ 633—634 патріархъ).—Затѣмъ было представлено изложеніе содержанія памятника съ объясненіемъ археологическихъ терминовъ [1]).

в) Д. чл. *М. И. Лилеевъ* прочелъ сообщеніе *„Изъ начальной исторіи раскола въ Стародубьѣ. I. Къ вопросу о времени происхожденія Стародубскихъ раскольничьихъ слободъ“*.

Все высказанное референтомъ по вопросу о времени происхожденія Стародубскихъ раскольничьихъ слободъ сведено имъ къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) Колонія Московскихъ раскольниковъ, выведенная попомъ Кузьмою въ Сѣверщину, по сказанію Ивана Алексѣева, автора исторіи о бѣгствующемъ священствѣ (1755 г.), не была первою раскольничьею колоніею на земляхъ Стародубскаго полка. Гораздо раньше этихъ Московскихъ раскольниковъ были здѣсь великороссійскіе поселенцы раскольники, неизвѣстные по мѣсту своего первоначальнаго жительства. Поселеніе этихъ послѣднихъ нужно относить къ концу шестидесятыхъ или къ началу семидесятыхъ годовъ XVII в., а колонію Московскихъ раскольниковъ съ попомъ Кузьмою во главѣ—къ концу семидесятыхъ годовъ.

2) На первыхъ же порахъ поселенія раскольниковъ въ Стародубскихъ предѣлахъ, на нихъ было обращено вниманіе мѣстныхъ властей—свѣтской и духовной, и послѣдняя, въ лицѣ знаменитаго мѣстнаго іерарха Лазаря Барановича, принимала по отношенію къ нимъ соотвѣтственныя мѣры, практиковавшіяся и въ Москвѣ, главномъ очагѣ раскола въ ту пору, хотя и не такъ настойчиво, какъ въ послѣдней.

---

[1]) Памятникъ съ переводомъ будетъ напечатанъ въ Пр. Собесѣд. за 1889 г., а предисловіе издателя помѣщено въ іюльской кн. того-же журнала за 1888 годъ.

3) Поселившіеся съ попомъ Кузьмою въ Понуровкѣ Московскіе раскольники, по всей вѣроятности, были направлены сюда Стародубскимъ полковникомъ Григоріемъ Карповичемъ Коровкою-Вольскимъ (1678—1680 г.) и поселены здѣсь при посредствѣ Курковскаго куреннаго атамана или волостнаго сотника Ломаки. Весьма вѣроятно, что и Понуровка, какъ раскольничья слобода, первоначально входила въ составъ магистратскихъ селъ, какъ и Курковичи до 1730 г., пока не завладѣлъ ею полковникъ-гетманичъ С. И. Самойловичъ, при которомъ раскольники были удалены отсюда, какъ и изъ другихъ мѣстъ, населенныхъ ими, по сказанію Ивана Алексѣева.

4) Удаленіе раскольниковъ изъ Понуровки и другихъ заселенныхъ ими мѣстъ въ Стародубскомъ полку находилось въ связи съ стрѣлецкими и раскольничьими движеніями въ Москвѣ при царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ, такъ какъ эти движенія находили откликъ и въ колоніи Московскихъ раскольниковъ въ Стародубьѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, напр. на Дону, и среди стрѣльцовъ, находившихся въ малороссійскихъ городахъ, и грозили безпорядками въ самой Малороссіи, тогда еще далеко не успокоенной.

5) Удаленіе это не было однако общимъ, а частнымъ, такъ какъ оно повидимому коснулось только тѣхъ раскольниковъ, которые жили на полковыхъ и магистратскихъ земляхъ, находившихся въ полномъ и непосредственномъ распоряженіи высшей полковой власти, вмѣстѣ съ жившими на нихъ поселенцами. Нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы раскольники были удалены съ земель частныхъ владѣльцевъ.

6) Поселеніе раскольниковъ въ Стародубьѣ на первыхъ порахъ было немногочисленно и стало усиливаться со времени стрѣлецкихъ и раскольничьихъ движеній при царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ и послѣдующихъ конца XVII в., а особенно въ эпоху преобразовательной дѣятельности Петра Великаго.

7) Не прекратилось переселеніе раскольниковъ въ Стародубье и послѣ 1715 г., когда нельзя уже было больше заводить новыхъ слободъ ни на полковыхъ и магистратскихъ земляхъ, ни на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, а, напротивъ того, все болѣе и болѣе усиливалось, какъ съ очевидностію доказываютъ статистическія данныя четырехъ переписей Малороссіи и другія данныя XVIII в.: 1718, 1723, 1767 и 1781 гг. Фактъ этотъ, въ свою очередь, можетъ до извѣстной

степени объяснить намъ и развитіе торговой и промышленной дѣятельности у Стародубскихъ и Черниговскихъ раскольниковъ и образованіе ими новыхъ раскольничьихъ поселеній въ предѣлахъ южной и западной Россіи, Новороссіи и Бессарабіи, и даже за предѣлами Россіи—въ Австріи и Турціи.

Слушали предложеніе объ избраніи *графа Ивана Давыдовыча Делянова*, Министра Народнаго Просвѣщенія, въ званіе Почетнаго члена Общества. *Единогласно опредѣлено*: поднести Его Сіятельству, графу И. Д. Делянову, дипломъ на званіе Почетнаго члена Общества.

Былъ подвергнутъ баллотировкѣ для избранія въ дѣйствительные члены проф. Дм. Г. Тальбергъ и избранъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

(КЪ ПРОТОКОЛУ ЗАСѢДАНІЯ 20-ГО НОЯБРЯ).

Чтеніе Ѳ. И. Кнауэра о произведенной имъ раскопкѣ кургановъ въ южной Бессарабіи.

Бессарабія, особенно ея южная половина, приблизительно отъ Кишинева до устьевъ Дуная, представляется съ исторической точки зрѣнія, несомнѣнно, однимъ изъ любопытнѣйшихъ уголковъ міра. Правда, эта область никогда не дѣлалась самостоятельнымъ и исключительнымъ владѣніемъ какого-либо народа, а, напротивъ, всегда входила въ составъ другихъ государствъ [1]); но въ качествѣ пограничной земли служила имъ, благодаря своему географическому положенію между рѣками Днѣстромъ и Прутомъ, сильнымъ оплотомъ противъ нападавшихъ народовъ. Такъ какъ далѣе эта страна справедливо считается главными вратами, чрезъ которыя проходили варварскіе народы въ эпоху своего переселенія съ востока на западъ, а частью и наоборотъ, такъ какъ наконецъ Бессарабія или, по крайней мѣрѣ, ея южная часть входила въ продолженіе многихъ вѣковъ въ міръ классической культуры, то она имѣетъ полное право, помимо внушаемаго ею общаго интереса, и на наше особенное вниманіе. Такого вниманія эта страна заслуживаетъ, впрочемъ, не столько въ политическомъ, сколько въ этнологическомъ, археологическомъ и вообще культурномъ отношеніяхъ. Ее, по сказаніямъ исторіи, попеременно занимали народы различнаго происхожденія, но вопросъ о томъ, съ какимъ изъ извѣстныхъ намъ племенъ они находились въ болѣе или менѣе близкомъ родствѣ по крови и языку, ждетъ еще

---

[1]) Ср. Исторія Бессарабіи съ древнѣйшихъ временъ Ал. Накко, Одесса 1873 г.

окончательнаго рѣшенія. Мы знаемъ, что тамъ жили и господствовали какъ варварскіе, такъ и болѣе или менѣе цивилизованные племена и народы, но спрашивается, какова была ихъ культура, образъ жизни, домашній бытъ, религіозныя воззрѣнія, суевѣрія, законы, нравы, обычаи, чѣмъ они питались, какъ одѣвались и т. д.? На эти, въ высшей степени интересные, вопросы весьма трудно отвѣтить по неимѣнію достаточнаго матеріала и твердыхъ данныхъ.

На прошлое Бессарабіи, быть можетъ, прольетъ новый свѣтъ археологія при помощи раскопокъ; но, къ сожалѣнію, тамъ не сохранилось почти никакихъ слѣдовъ жизни прежнихъ поколѣній. Тѣмъ ярче бросаются въ глаза проѣзжающему по Аккерманскому уѣзду такіе памятники былыхъ временъ, какъ развалины Аккерманской крѣпости на берегу Днѣстровскаго лимана, Траяновы валы и многочисленные курганы различной вышины, разбросанные по всему краю и находящіеся большею частью на возвышенныхъ пунктахъ страны и лишь изрѣдка въ долинахъ. Эти курганы возвышаются какъ живые памятники давно минувшихъ временъ и исчезнувшихъ поколѣній и какъ будто говорятъ: раскройте насъ, и вы найдете наше сердце!

Въ концѣ апрѣля сего года, во время праздниковъ Пасхи я посѣтилъ свою родину Бессарабію, и здѣсь въ окрестностяхъ села Сараты Аккерманскаго уѣзда, въ 60 вер. къ западу отъ г. Аккермана, на земляхъ мѣстныхъ нѣмецкихъ колонистовъ раскопалъ съ археологическою цѣлью пять кургановъ, расположенныхъ къ сѣверу отъ села. Насколько мнѣ извѣстно, въ Бессарабіи, по крайней мѣрѣ въ ея южной части, до сихъ поръ еще не производили раскопокъ кургановъ съ научною цѣлью; слѣдовательно, мой опытъ раскопокъ въ той мѣстности можно считать первымъ.

Описаніе раскопанныхъ кургановъ (дневникъ).

Курганъ № 1.

Въ шести верстахъ къ сѣверу отъ села Сараты, къ западу отъ Саратской рѣки, текущей съ сѣвера къ югу, на горѣ, расположенъ одинъ изъ самыхъ большихъ кургановъ какъ по вышинѣ, такъ и по окружности. Высота его 5,25 метра. Окружность 310 шаговъ.

Сѣверная сторона кургана почти вдвое короче и круче южной; западная и восточная по длинѣ и крутизнѣ одинаковы; слѣдовательно, съ востока и запада онъ кажется продолговатымъ. Діаметръ вершины 7 метровъ. Окружность вершины 27 шаговъ.

Въ срединѣ вершины находилась верхушка, вокругъ которой шла канавка (впадина) шириною въ 1 шагъ и глубиною вершка въ 3.

Вырытая въ видѣ колодца яма имѣла около 8 метровъ въ діаметрѣ и 35 шаговъ въ окружности.

На глубинѣ 0,5 м. показались известковые камни, расположенные полукругомъ. Эти камни значительной величины, очевидно, были взяты изъ каменоломень, еще и теперь находящихся недалеко отъ этого кургана на склонѣ горы.

0,3 метра ниже камней найдены обломки сосудовъ: нѣсколько обломковъ сосуда изъ обожженной глины и одинъ изъ необожженной (полагаю, что было только два сосуда). Нѣсколько ниже появились лошадиные зубы и кости, занесенные сюда звѣрками (бабуками или хомяками).

На глубинѣ 1 м., въ самой срединѣ кургана, лежалъ человѣческій скелетъ, а рядомъ съ нимъ, влѣво отъ него, части лошадинаго. Оба скелета, имѣвшіе одинаковое направленіе, находились, очевидно, въ тѣсномъ соприкосновеніи, голова съ головой. Человѣкъ былъ обложенъ сверху, съ боковъ и снизу деревомъ (бревнами?), а также и конь судя по нѣкоторымъ признакамъ и результатамъ, добытымъ раскопками остальныхъ кургановъ. Возлѣ лошадинаго скелета найдено два желѣзныхъ стремени: одно—цѣлое, при выниманіи распавшееся однако на три куска, другое-только въ частяхъ. На первомъ, въ одномъ мѣстѣ, замѣтны слѣды бронзы. Скелетъ человѣка настолько сохранился, что возможно было его измѣрить. Длина его 1,55 м. Положеніе костей было не вполнѣ нормальное, такъ что можно допустить, что при жизни человѣкъ былъ нѣсколькими центиметрами выше. Направленіе скелета обыкновенное: ноги къ востоку, голова къ западу, лицо на востокъ; впрочемъ, вслѣдствіе давленія сѣвшей или обрушившейся земли, лицо было повернуто къ югу. Распавшійся черепъ имѣлъ форму продолговатую; лобъ его не былъ высокъ; типъ черепа такой же какъ и типъ черепа, уцѣлѣвшаго въ курганѣ № 2. Обѣ руки прямо и тѣсно были прижаты къ бокамъ, при чемъ однако конечность лѣвой руки ле-

жала на нижней части живота.—На правой рукѣ, отъ концовъ пальцевъ до локтя, сохранились части по виду золотистой, шелковой ткани (военной рукавицы?). Анализомъ, сдѣланнымъ проф. И. Шмальгаузеномъ, констатировано, что то былъ чистый шелкъ, безъ всякой примѣси золота Эта ткань у ручного сустава придерживалась серебрянымъ браслетомъ, не вполнѣ, впрочемъ, сохранившимся. Такъ какъ одинъ конецъ этого браслета снабженъ ушкомъ, то другой, отпавшій, конецъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ крючекъ для застегиванія.—Вблизи человѣка, къ югу отъ его правой руки, было найдено большое кольцо изъ чистаго массивнаго золота съ головкой, простой работы и безъ спайки, быть можетъ, служившее украшеніемъ для человѣка. Возможно, что кольцо это было отброшено туда, гдѣ было найдено, неосторожнымъ копаніемъ.

На глубинѣ 1,6 м замѣтны были слѣды поперекъ или на-крестъ положенныхъ балокъ или досокъ. Кромѣ выше-названныхъ вещей, ничего больше не было найдено за исключеніемъ скелета зайца, трудно сказать какимъ образомъ попавшаго туда.

Вырытая земля была вездѣ одинакова: состояла изъ чернозема, смѣшаннаго съ глиною. Курганъ, какъ и остальные, безъ всякаго сомнѣнія, насыпной.

Курганъ этотъ былъ воздвигнутъ, несомнѣнно, въ честь лица, занимавшаго видное мѣсто среди своего народа, въ честь какого-нибудь предводителя, героя, витязя, князя, о чемъ свидѣтельствуютъ значительная высота кургана, качество найденныхъ вещей и то обстоятельство, что въ немъ былъ погребенъ только одинъ человѣкъ со своимъ любимымъ конемъ (ср. однако ниже).

Курганъ № 2.

Въ 150 шагахъ къ востоку отъ перваго. Высота 0,5 метра. Окружность 40 шаговъ.

Въ самой срединѣ вершины находилось углубленіе (впадина). Южная сторона была немного длиннѣе остальныхъ.

Вырытая яма имѣла въ діаметрѣ 3 м.

На глубинѣ 0,4 м. было найдено нѣсколько камней—такихъ-же, какъ и въ первомъ курганѣ. 0,35 м. ниже этихъ камней показались мелкіе обломки желѣза [отъ стремени, какъ въ № 1? или отъ

уздечки (см. ниже)? или же отъ кинжала, ножа, какъ въ № 5?] и части дерева, а кромѣ того и нѣсколько обломковъ глиняныхъ сосудовъ, какъ въ предыдущемъ.

На глубинѣ 1 м., въ самомъ центрѣ кургана, найдены были скелеты человѣка и лошади. Человѣкъ былъ положенъ правильно—лицомъ къ востоку; обѣ руки одинаково прямо и тѣсно были прижаты къ бокамъ. Черепъ, продолговатый съ низкимъ лбомъ, весьма типичный, сохранился.

Ростъ человѣка 1,55 м. Оба скелета имѣли одинаковое направленіе и касались головами Слѣды дерева были видны вокругъ обоихъ скелетовъ со всѣхъ сторонъ. Кости лошади такъ тѣсно касались костей человѣка, что оба какъ будто лежали въ одномъ гробѣ, что́, можетъ быть, и дѣйствительно, было. Возлѣ лошади была найдена половина желѣзной узды.

Для погребенія труповъ человѣка и лошади сначала вырыли неглубокую яму въ объемѣ, какъ разъ достаточномъ для обоихъ, какъ это было замѣтно по болѣе твердой и мягкой землѣ; потомъ насыпали небольшой курганъ изъ чистаго чернозема.

Курганъ № 3.

Находится въ $1^1/_2$ верст. къ сѣверо-западу отъ села на горѣ. Курганъ этотъ имѣлъ всѣ признаки предыдущихъ: на вершинѣ углубленіе (впадина); южная сторона вдвое длиннѣе сѣверной и болѣе полога, чѣмъ остальныя. Высота 2,75 м. Окружность 180 шаговъ.

Вырытая мною яма имѣла 10 м. въ діаметрѣ.

На глубинѣ 0,3 м. и ниже найдено нѣсколько обломковъ сосудовъ изъ обожженной и необожженной глины. Далѣе, на глубинѣ отъ 0,2 до 1,1 м., найдено сравнительно много известковыхъ камней, расположенныхъ не полукругомъ, а кучами, безъ всякаго опредѣленнаго порядка. Затѣмъ, на глубинѣ 0,9 м. въ срединѣ кургана оказалось два скелета: человѣческій и лошадиный, лежавшіе рядомъ, голова съ головою. Направленіе ихъ было обыкновенное: лицомъ къ востоку. Оба были обложены деревомъ (бревнами?—сохранились довольно большіе куски, какъ и въ № 1). Черепъ человѣка распался, лошадиный же былъ вынутъ почти неповрежденнымъ. Нѣкоторыя части обоихъ этихъ скелетовъ были унесены (бабуками, хомяками?), такъ что измѣрить ихъ длину оказалось невозможнымъ.

0,3 м. ниже перваго былъ найденъ второй человѣческій скелетъ безъ лошади, лежавшій частью подъ камнями, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ средины и къ югу отъ перваго. Сохранились также только части; но измѣрить длину его и опредѣлить положеніе было возможно: направленіе онъ имѣлъ обыкновенное, лицомъ къ востоку; длина его была 1,7 м. Такъ какъ кости отъ давленія тяжелыхъ камней немного отклонились отъ нормальнаго положенія, то можно полагать, что человѣкъ при жизни былъ нѣсколькими центиметрами выше. Такимъ образомъ ростъ его, сравнительно съ другими, былъ великъ. Черепъ развалился. Замѣтны были и слѣды дерева.

На глубинѣ 1,65 м., нѣсколько въ сторонѣ отъ центра къ западу оказались части третьяго человѣческаго скелета, обложеннаго, какъ и остальные, деревомъ. Скелетъ этотъ, имѣвшій приблизительно 1 м.. принадлежалъ человѣку невзрослому, о чемъ, по мнѣнію присутствовавшаго мѣстнаго врача, свидѣтельствовало качество костей; сомнительно, чтобы этотъ скелетъ былъ женскій. Черепъ распался.

Типъ череповъ очевидно одинаковый, такой-же какъ и въ остальныхъ курганахъ.

Вещей или какихъ-нибудь слѣдовъ вещей кромѣ названныхъ не было. Земля кургана-насыпная, смѣшанная большею частью съ глиною, но кое-гдѣ попадался и чистый черноземъ.

Курганъ № 4.

Находится въ 230 шагахъ къ сѣверу отъ № 3. Высота 0,75 м. Окружность 84 шага.

На вершинѣ углубленіе (впадина). Вырытая яма имѣла 6 метровъ въ діаметрѣ.

Найдены:

1) на глубинѣ 0,3 м. обломки муравленыхъ сосудовъ, пепелъ и угольная пыль, попавшіе сюда, безъ сомнѣнія, въ самое позднѣйшее время и, конечно, не имѣющіе, вслѣдствіе того, никакого археологическаго значенія.

2) Обломки сосудовъ изъ глины обожженной и необожженной.

3) На глубинѣ 0,65 м. скелеты человѣка и лошади; послѣдняя лежала, какъ обыкновенно, непосредственно возлѣ человѣка, слѣва. Черепа и скелеты совершенно распались. Направленіе имѣли, несомнѣнно, обычное: лицомъ къ востоку. Были видны слѣды дерева.

На этотъ разъ трупы человѣка и коня, очевидно, были положены прямо на землю, а не въ сдѣланную предварительно яму, какъ въ № 2, или на возвышеніе какъ въ №№ 1 и 3; затѣмъ надъ ними былъ насыпанъ курганъ изъ чернозема, смѣшаннаго съ глиною.

Курганъ № 5.

Насыпанъ верстахъ въ трехъ къ сѣверу отъ села, въ долинѣ, нѣсколько на востокъ отъ Саратской рѣки. Высота 3 м. Окружность 205 шаговъ.

Вокругъ кургана было ясно замѣтно углубленіе (канава). Южная сторона вдвое длиннѣе и положе сѣверной. Предыдущіе курганы находятся на пастбищной землѣ, никогда, повидимому, не паханной; хотя и этотъ курганъ также стоитъ на выгонной землѣ, но еще не очень давно здѣсь была пашня, почему вершина его сдѣлалась сравнительно плоской, и ожидаемое на ней углубленіе изгладилось.

Яма была вырыта мною въ 12 м. въ діаметрѣ.

Найдены:

1) на глубинѣ 0,5 м., въ самомъ центрѣ кургана, человѣческій скелетъ, рядомъ съ лошадинымъ. Лошадь имѣла обычное направленіе, мордою къ востоку, человѣкъ напротивъ, лежалъ, головою къ востоку, лицомъ къ западу, при чемъ голова отклонилась къ сѣверу. Необыкновенное, но врядъ-ли случайное положеніе (ср. ниже). Такимъ образомъ лошадь также какъ и остальныя была положена къ сѣверу отъ человѣка, но на этотъ разъ по его правой сторонѣ. Оба были обложены деревомъ. Длина человѣческаго скелета 1,6 м. Черепъ человѣка—продолговатый съ поразительно низкимъ лбомъ; онъ представляетъ прекрасный экземпляръ, сохранившійся, къ сожалѣнію, только въ частяхъ. Изъ-подъ праваго бедра торчалъ желѣзный ножъ не цѣлый, распавшійся при вынимании въ куски. Тамъ же найдено желѣзное, также не цѣльное, кольцо съ крючкомъ, служившее, вѣроятно, для прикрѣпленія ножа. Далѣе на нижней части живота найденъ маленькій бронзовый предметъ и такой-же гвоздикъ, отпавшіе, очевидно, отъ пояса. Между человѣческимъ и лошадинымъ скелетами, тѣсно касавшимися другъ друга, нашелся еще кусочекъ желѣза (отъ стремени, узды, ножа?). Ожидаемые надъ этими скелетами камни были, вѣроятно, вынуты, такъ какъ мѣшали вспашкѣ; отъ нихъ остались только мелкіе куски.

2) На той же глубинѣ, къ юго-востоку отъ перваго, лежалъ другой человѣческій скелетъ, въ обыкновенномъ направленіи, лицомъ къ востоку. Разстояніе между черепами обоихъ скелетовъ было 1 м. Скелетъ этотъ сохранился вполнѣ, до послѣдней косточки. Длина его 1,63 м. Черепъ, круглый какъ арбузъ—съ очень высокимъ лбомъ, представляетъ совершенную противоположность всѣмъ остальнымъ найденнымъ черепамъ. Кости были сравнительно очень свѣжи. Вокругъ этого скелета не было слѣдовъ ни желѣза, ни дерева. На основаніи этихъ данныхъ можно съ вѣроятностію предположить, что скелетъ этотъ не изъ древнихъ, но попалъ сюда неизвѣстно какъ, въ позднѣйшее время. Признаковъ насильственной смерти скелетъ не обнаружилъ; нѣтъ и преданія въ народѣ, чтобы тамъ былъ похороненъ въ наше время человѣкъ. Какъ бы то ни было, древность этого скелета весьма подозрительна, и его никакъ нельзя отнести къ той эпохѣ, къ которой несомнѣнно принадлежатъ остальные скелеты, найденные какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ курганахъ.

3) На полметра ниже этихъ лежали параллельно другъ другу на разстояніи 1 метра два другіе человѣческіе скелета. Ноги ихъ были направлены къ юго-востоку, головы къ сѣверо-западу, лица, вѣроятно, къ юго-востоку. Слѣды дерева (и желѣза?) констатированы. Кости оказались гнилыми и хрупкими, а частью были унесены. Длина сѣвернаго скелета 1,75 м. (больше всѣхъ остальныхъ); измѣрить южный уже не было возможности.

4) На глубинѣ отъ 1,1 до 2 м. находилась куча большихъ известковыхъ камней, подъ которыми на глубинѣ 2 м. къ юго-востоку отъ центра кургана оказался человѣческій скелетъ, совсѣмъ распавшійся и мучнистый. Видны были слѣды желѣза и дерева, нашлись также остатки желѣза. Опредѣлить направленіе или длину скелета было нельзя.

5) На самой линіи горизонта, слѣдовательно на глубинѣ около 3-хъ метровъ появилось опять нѣсколько громадныхъ, продолговатыхъ, четырехугольныхъ камней; эти камни были также известковые, за исключеніемъ одного-песчанаго, который однако сдѣлался весьма твердымъ, вѣроятно вслѣдствіе сыроватой земли (ср. ниже). Подъ этими камнями находилась могила длиною въ 1,9 м., шириною 0,7 м. и глубиною 1,3 м. Камни частью лежали въ косомъ направленіи, но

первоначально, очевидно, были положены горизонтально надъ этой могилой, какъ разъ достаточной для одного человѣка. Найденный въ ней человѣческій скелетъ, находившійся такимъ образомъ на 1,3 м. ниже линіи горизонта (ср. еще № 2), былъ ростомъ въ 1,7 м. Онъ былъ мучнистъ и при разрываніи совсѣмъ распался; тоже случилось и съ черепомъ. Впрочемъ, его типъ былъ такой-же какъ и остальныхъ череповъ, за исключеніемъ второго, найденнаго въ этомъ курганѣ. Направленіе скелета было замѣчательное, такое-же какъ и перваго скелета въ этомъ курганѣ: голова къ востоку, лицо къ западу. Случайности здѣсь допустить нельзя, такъ какъ этотъ человѣкъ былъ похороненъ безспорно съ осторожностью, надлежащимъ вниманіемъ и уваженіемъ; слѣдовательно мы должны смотрѣть на этотъ фактъ какъ на необъяснимое пока исключеніе въ обычаѣ погребенія. У лѣваго плеча найдена кучка красильнаго вещества кирпично-краснаго цвѣта. По опредѣленію проф. П. Армашевскаго, сдѣлавшаго анализъ, это-охра. Черепъ оказался совершенно краснымъ (потому ли, что была намазана голова?). Слѣдовъ желѣза или дерева замѣчено не было. Между тѣмъ какъ во всѣхъ курганахъ земля была суха какъ порохъ, въ этой могилѣ земля (чистый черноземъ) оказалась сыроватой; можетъ быть вслѣдствіе этого обстоятельства, если здѣсь и находилось дерево, то оно сгнило безслѣдно. Въ виду узкости вырытой могилы и въ виду того, что гнилистыя кости лежали на твердой землѣ, надо предположить, что если и этотъ трупъ былъ обложенъ деревомъ какъ остальные, то во всякомъ случаѣ—не бревнами, а досками, вообще тонкимъ деревомъ.

Весь курганъ былъ насыпанъ изъ чистаго чернозема, безъ всякой примѣси глины.

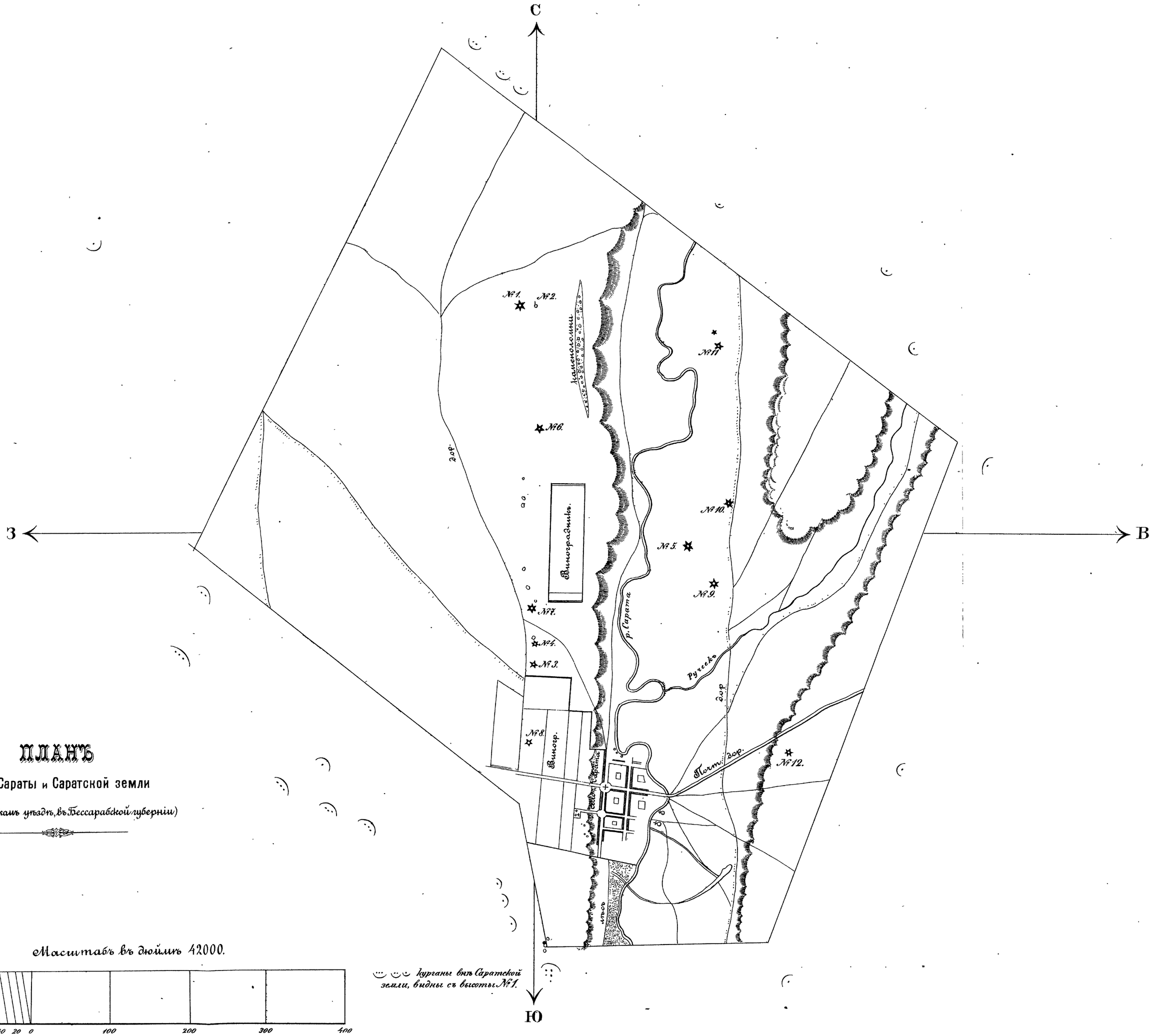
Ошибки, допущенныя при раскопкахъ.

Изъ предыдущаго дневника видно, что изъ пяти кургановъ три, самые большіе, не были разрыты мною въ достаточномъ объемѣ. Это можно сказать главнымъ образомъ о № 1. Величина вырытыхъ ямъ была слишкомъ мала сравнительно съ величиной самыхъ кургановъ. Такъ, окружность ямы въ № 5 была въ 3 раза, въ № 3 въ 4, а въ № 1 даже въ 8 разъ меньше окружности кургана. Кромѣ того,

ПЛАНЪ

села Сараты и Саратской земли

(въ Аккерманскомъ уѣздѣ, въ Бессарабской губерніи)



Масштабъ въ дюймѣ 42000.

100 80 60 40 20 0 100 200 300 400

вслѣдствіе трудности выбрасыванія земли изъ ямъ, послѣднія къ низу суживались; поэтому легко могло случиться, что, хотя я и раскопалъ самые центры кургановъ и притомъ до линіи горизонта и ниже, я все-таки не попалъ на другіе скелеты и предметы, которые могли тамъ находиться. Въ свою защиту я долженъ сказать слѣдующее: 1) южная сторона каждаго изъ нашихъ кургановъ, полагаю, вслѣдствіе болѣе быстраго таянія накоплявшагося за зиму снѣга, сдѣлалась гораздо длиннѣе остальныхъ сторонъ; поэтому и окружность ихъ основанія въ настоящее время, несомнѣнно, длиннѣе, чѣмъ была первоначально. Принимая, далѣе, во вниманіе, что основаніе кургановъ могло расширяться и отъ проливныхъ дождей, мы найдемъ при вычисленіи отношенія между окружностями вырытыхъ ямъ и основаній кургановъ болѣе благопріятный для себя результатъ; 2) обыкновенно, насколько мнѣ извѣстно, курганы раскапываются не болѣе, чѣмъ на половину объема, что́ мнѣ представляется также недостаточнымъ, въ особенности относительно изолированныхъ кургановъ: ихъ нужно каждый разъ разрывать совсѣмъ, или, по крайней мѣрѣ, на три четверти площади основанія. По моему мнѣнію, это необходимо и тогда, когда въ извѣстной мѣстности уже установленъ опредѣленный типъ, ибо обычай насыпать курганы могъ существовать у различныхъ народовъ, жившихъ въ одной и той же мѣстности, и поэтому мы не можемъ заранѣе знать, какому именно народу имѣемъ право приписать извѣстный курганъ; 3) чтобы установить типъ для названной мѣстности, я хотѣлъ разрыть нѣсколько кургановъ въ разныхъ мѣстахъ, но сдѣлать это въ желаемомъ объемѣ не могъ, такъ какъ срокъ моего отпуска истекъ, и я долженъ былъ вернуться въ Кіевъ; 4) наконецъ, бѣда не велика, такъ какъ въ слѣдующемъ году я намѣренъ продолжать тамъ-же свои раскопки, при чемъ постараюсь докончить раскопку уже разрытыхъ кургановъ №№ 1, 3 и 5. Такимъ образомъ для науки ничего не пропало.

Другая, къ сожалѣнію непоправимая, ошибка заключается въ томъ, что при изслѣдованіи скелетовъ я обращалъ вниманіе преимущественно на черепъ, ростъ и положеніе человѣка, почти совсѣмъ оставляя въ сторонѣ другія части человѣческихъ скелетовъ и скелеты лошадей. Такъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ возможно было измѣрить разстояніе между плечами, ростъ лошади (хотя только приблизительно) и. т. д., т. е. опредѣлить, былъ-ли человѣкъ широкоплечъ или нѣтъ,

принадлежала-ли лошадь къ крупной или мелкой породѣ, и тому подобное.

Такія измѣренія могутъ имѣть и историческое значеніе (ср ниже).

Общіе результаты.

Общіе результаты произведенныхъ мною раскопокъ сводятся къ слѣдующему:

1) Всѣ курганы насыпные; насыпаны они изъ чернозема, взятаго въ ближайшей окрестности; въ курганахъ, находящихся на горѣ, черноземъ смѣшанъ съ глиной. Послѣднее обстоятельство объясняется тѣмъ, что на возвышенностяхъ слой чернозема вообще тоньше, чѣмъ въ долинахъ (на первыхъ до $1^1/_2$ фут., въ послѣднихъ около 2 арш.).

2) Канавы окружали какъ № 5, такъ несомнѣнно и остальные курганы. Хотя возлѣ послѣднихъ онѣ и не замѣтны, но существованіе ихъ доказываетъ окружающій курганы слой чернозема, гораздо болѣе толстый, чѣмъ на мѣстахъ, отстоящихъ нѣсколько дальше отъ кургановъ. Въ этомъ отношеніи я, впрочемъ, сдѣлалъ только два опыта— у кургана № 1 на горѣ и у № 5 въ долинѣ. Хотя ямы вырыли до 2-хъ арш. глубины, но до глины не докопались. Значитъ, бывшія канавы съ теченіемъ времени заносились черноземною пылью степи.

3) Каждый курганъ (см. выше о № 5) имѣлъ на вершинѣ углубленіе, т. е. впадину. Эти впадины образовались, вѣроятно, не вслѣдствіе одного сгниванія человѣческихъ и лошадиныхъ труповъ—для этого онѣ слишкомъ велики—, но и вслѣдствіе того, что дерево, положенное можетъ быть въ видѣ небольшой камеры надъ покойникомъ и лошадью, обрушилось, чему могли содѣйствовать своею тяжестью и лежавшіе тутъ-же камни. Какъ-бы то ни было, на образованіе впадинъ въ срединѣ вершины непосредственно надъ человѣческими и лошадиными трупами не могли имѣть вліянія трупы, расположенные нѣсколько въ сторонѣ и ниже, а лишь одни верхніе.

4) Во всѣхъ курганахъ около скелетовъ, за исключеніемъ одного, крайне подозрительнаго въ № 5, были найдены остатки сгнившаго дерева; только въ одномъ курганѣ № 1 были открыты слѣды дерева

не только возлѣ скелетовъ, но однажды и тамъ, гдѣ не было никакихъ слѣдовъ скелета и вообще ничего кромѣ дерева. Это еще не даетъ намъ права заключать, что курганы сооружались при помощи дерева; несомнѣнно только то, что трупы сначала покрывались, точнѣе обкладывались, деревомъ, а затѣмъ уже засыпались землей. По сдѣланному проф. И. Шмальгаузеномъ анализу, найденное дерево оказалось ясеневымъ, дубовымъ и вязовымъ. Такъ какъ эти виды деревьевъ въ южной Бессарабіи уже не встрѣчаются, а съ другой стороны, нельзя думать, чтобы варварскій народъ привозилъ дерево издалека, то остается предположить, что въ прежнія времена оно росло тамъ.

5) Во всѣхъ курганахъ оказались камни известковые и одинъ песчаный, взятые изъ вышеупомянутыхъ каменоломень. Камни эти были найдены въ разныхъ мѣстахъ кургановъ, но только тамъ, гдѣ находились и скелеты. Если ихъ было много, то они были расположены въ видѣ полукруга; если мало, то не изображали опредѣленной фигуры, а лежали одинъ подлѣ другого, или кучами. Отсюда видно, что камни имѣли одно только значеніе: значеніе почетнаго памятника. Кажется, чѣмъ значительнѣе было лицо, тѣмъ больше въ его могилѣ было камней (очень много въ № 1, меньше въ №№ 3 и 5, въ № 2 и 4 только 2—3, а у скелета невзрослаго человѣка въ № 3 ни одного; почему не оказалось камней около верхняго скелета въ курганѣ № 5, объяснилъ я выше.

6) Во всѣхъ курганахъ, вблизи скелетовъ человѣческихъ и лошадиныхъ и нѣсколько выше ихъ, находились обломки сосудовъ изъ обожженной и необожженной глины. Такъ какъ въ каждомъ курганѣ ихъ было только по нѣскольку и никакихъ слѣдовъ отъ разломавшихся въ самыхъ курганахъ сосудовъ не оказалось, то можно думать, что туда зарывались не цѣлые сосуды, а только одни черепки. Конечно, они попали туда не случайно, но каково ихъ назначеніе—догадаться трудно. Принимая въ соображеніе, что они лежали около лошадиныхъ и человѣческихъ скелетовъ и что одни—изъ обожженной, другіе изъ необожженной глины, можно полагать, что первые были брошены туда въ честь человѣка, послѣдніе въ честь его любимаго коня. Такое-же значеніе имѣли, можетъ быть, и сосуды, если ихъ оставляли цѣлыми. Въ послѣднемъ случаѣ оставляли, вѣроятно, два сосуда, совершивши

предварительно двѣ жертвы (?): одну въ честь человѣка—въ сосудѣ изъ обожженной глины, другую въ честь лошади—въ сосудѣ изъ необожженной глины; послѣдній обычай, конечно, былъ бы безпримѣренъ. Словомъ, догадкамъ большой просторъ!

7) Во всѣхъ курганахъ были констатированы человѣческіе и лошадиные скелеты, лежавшіе рядомъ, касаясь другъ друга, голова съ головой. Занимали они высшую часть кургана. Надо полагать, что самый верхъ представляетъ наиболѣе почетное для погребенія мѣсто; далѣе—что чѣмъ выше курганъ, тѣмъ онъ почетнѣе для похороненнаго въ немъ, что̀ имѣетъ мѣсто и тогда, когда въ немъ помѣщается нѣсколько человѣкъ. Въ послѣднемъ случаѣ курганъ, вѣроятно, представляетъ семейную могилу и насыпался постепенно, по мѣрѣ надобности, сначала для другихъ лицъ семейства (отца, брата etc.), а наконецъ и для барина съ любимымъ его конемъ. Семейными курганами могли быть №№ 3 и 5. Другіе насыпаны сразу (№№ 2 и 4 несомнѣнно; по всей вѣроятности и № 1) для отдѣльныхъ знатныхъ лицъ, а не цѣлаго семейства. На основаніи этихъ соображеній, а также найденныхъ вещей, я полагаю, что курганъ № 1 насыпанъ для одного только знатнаго человѣка, какого-нибудь витязя, и что дальнѣйшее раскапываніе врядъ-ли дастъ другіе результаты.

8) Всѣ черепа (числомъ 11), за исключеніемъ одного (о которомъ см. выше), представляютъ одинаковый типъ, по опредѣленію проф. *И. А. Сикорскаго*—типъ среднеголовыхъ, очень близкій къ длинно-головымъ.

На основаніи этихъ, общихъ всѣмъ курганамъ, чертъ можно смѣло утверждать, что всѣ 5 разрытыхъ мною кургановъ насыпаны съ погребальною цѣлью однимъ и тѣмъ-же народомъ, и я увѣренъ, что дальнѣйшее разрытіе трехъ недокопанныхъ кургановъ не будетъ имѣть отрицательнаго вліянія на этотъ результатъ, а напротивъ, подтвердитъ его.

Историческіе выводы.

Положительныхъ историческихъ выводовъ изъ результатовъ, добытыхъ моими раскопками, пока еще сдѣлать нельзя, не столько потому, что три кургана разрыты не въ достаточномъ объемѣ, сколько

потому, что разрытіе лишь пяти кургановъ изъ массы ихъ вообще не можетъ дать матеріала, достаточнаго для твердыхъ историческихъ выводовъ. Если я, тѣмъ не менѣе, уже теперь коснусь этого вопроса, то лишь для того, чтобы намѣтить путь, могущій привести насъ къ знакомству съ народомъ, которому обязаны своимъ существованіемъ, быть можетъ, всѣ курганы южной Бессарабіи.

Въ историческую эпоху эту область попеременно занимали, какъ извѣстно, слѣдующіе главные народы: скиѳы, геты или даки, готы, гунны, авары, болгары, хозары, славяне, угры или мадьяры, печенѣги, куманы или половцы, монголы, татары и турки.

Эти народы распадаются на двѣ расы: такъ наз. средиземную (бѣлую) и монгольскую. Къ первой принадлежатъ народы арійской (индоевропейской) семьи: готы, славяне, вѣроятно также скиѳы (говорю о западныхъ), можетъ быть и геты; ко второй всѣ остальные народы чудско-алтайской (туранской) вѣтви, состоящей изъ трехъ главныхъ семействъ: монгольскаго (въ тѣсномъ смыслѣ), тюрко-татарскаго и угро-финскаго (финскаго). По этимъ тремъ семействамъ означенные народы распредѣляются приблизительно такъ: къ монгольскому принадлежатъ монголы, къ угро-финскому—угры, вѣроятно также гунны и авары, остальные относятся ко второму или третьему. Гунны и авары находились, кажется, въ ближайшемъ родствѣ между собою, а съ уграми въ болѣе близкомъ, чѣмъ съ остальными; иначе трудно себѣ уяснить, отчего они въ Венгріи въ такое сравнительно короткое время ассимилировались, сдѣлались мадьярами.

Такимъ образомъ, если поставить вопросъ, какому изъ вышеупомянутыхъ народовъ мы можемъ приписать наши курганы, то, прежде всего, нужно исключить всѣ народы арійскаго происхожденія уже на одномъ томъ основаніи, что найденные черепа представляютъ, безъ сомнѣнія, типъ не арійскій; приходится, слѣдовательно, исключить готовъ, славянъ, вѣроятно также скиѳовъ, можетъ быть и гетовъ.

Типъ череповъ, по утвержденію проф. *И. А. Сикорскаго*, несомнѣнно монгольскій въ обширномъ смыслѣ, точнѣе—типъ монголовъ не восточной (китайской), но западной (алтайской) вѣтви. Это вполнѣ согласуется съ моими предположеніями, основанными на историческихъ соображеніяхъ, и заставляетъ насъ приписать наши курганы одному изъ народовъ чудско-алтайской вѣтви монгольской расы. Но которому изъ нихъ? Врядъ-ли татарамъ (ужъ не говоря о туркахъ), монго-

ламъ, куманамъ, печенѣгамъ, уграмъ и хозарамъ, потому что найденные предметы: металлическія вещи безъ спайки, черепки сосудовъ примитивной работы, распавшіеся скелеты, сгнившее дерево какъ бы указываютъ на болѣе древнюю эпоху; кромѣ того ничего неизвѣстно, какую роль играли въ южной Бессарабіи всѣ эти народы, за исключеніемъ пожалуй угровъ. Въ пользу этихъ народовъ, какъ и болгаръ, я по крайней мѣрѣ ничего указать не имѣю. По моему мнѣнію, главное вниманіе слѣдуетъ обратить на аваровъ, гунновъ, готовъ и скиѳовъ; на послѣднихъ двухъ, впрочемъ, лишь потому, что вопросъ о національности скиѳовъ еще не рѣшенъ окончательно, а вопросъ о національности готовъ остается открытымъ.—Сначала, конечно, останавливаешься на скиѳахъ. Но хотя скиѳы, по убѣдительнымъ историко-лингвистическимъ изслѣдованіямъ Вс. Миллера,—вѣроятно иранскаго происхожденія, скиѳскіе погребальные обряды, какъ ихъ описываетъ Геродотъ, если и не прямо противорѣчатъ добытымъ нами результатамъ, то, во всякомъ случаѣ, не подтверждаютъ ихъ. Уже одного отсутствія какого бы то ни было оружія достаточно, чтобы высказаться противъ скиѳскаго происхожденія нашихъ кургановъ. Въ подробности здѣсь не буду входить, позволю себѣ только сдѣлать теперь нѣкоторыя указанія на гунновъ, оставляя въ сторонѣ готовъ и аваровъ по неимѣнію о нихъ достаточныхъ свѣдѣній для рѣшенія поднятаго нами вопроса.

Преданіе говоритъ, что Баламіръ, разгромившій готское господство, расположился станомъ въ Буджакѣ т. е. въ нынѣшнемъ Аккерманскомъ уѣздѣ. Гунны долго господствовали въ Бессарабіи, которая благодаря Днѣстру, Пруту, Дунаю и берегамъ Чернаго моря представляла природную крѣпость, почему можетъ быть и называлась Гунниваромъ (общепринято истолковать—варъ какъ слово венгерскаго, мадьярскаго происхожденія; можетъ быть однако, что варъ= иранскому или зендскому vara, означало т. е. огороженное, укрѣпленное мѣсто, городъ въ древнемъ смыслѣ этого слова, нѣчто въ родѣ крѣпости, происходя отъ индоиранскаго корня var—окружать, огораживать; если такъ, то названіе „Гунниваръ“ дано, конечно не самими гуннами, а народомъ, по всей вѣроятности, иранскаго происхожденія, быть можетъ, потомками прежнихъ скиѳовъ). Изъ этого ясно, что Бессарабія, а главнымъ образомъ ея южная часть, считалась и дѣйствительно была

центромъ гуннскаго владычества въ юго-западной Россіи, по крайней мѣрѣ до Аттилы.

По Іорнанду (VI ст.) „лицо у гунна было ужасающей черноты и походило, если можно такъ выразиться, на безобразный кусокъ мяса съ двумя дырами вмѣсто глазъ“; конечно, это преувеличено; но не подтвердятъ ли здѣсь кое-что найденные нами черепа?— „Ростомъ гунны не велики“: ср. средній ростъ нашихъ скелетовъ.— „Они широкоплечи“;—къ сожалѣнію, на измѣреніе разстоянія между плечами выкопанныхъ скелетовъ я не обратилъ вниманія.— По Амміану Марцеллину (IV в.) „они толстошеи, тѣла ихъ крѣпки, тверды, сутуловаты“: изслѣдованіе скелетовъ врядъ-ли можетъ привести къ положительнымъ результатамъ въ этомъ направленіи.— „Они употребляютъ полотняныя одежды (или одежды, сшитыя изъ кожи полевыхъ мышей)“; ср. нашу шелковую ткань у знатнаго лица.—„Они какъ будто прикованы къ своимъ лошадямъ, сильнымъ и безобразнымъ. Нѣтъ среди нихъ ни одного, который не могъ бы провести день и ночь на лошади; сидя на ней онъ продаетъ и покупаетъ, ѣстъ и пьетъ, припадаетъ къ узкой шеѣ своего животнаго и въ глубокомъ снѣ ему грезятся всевозможныя сновидѣнія. Также верхомъ на лошади они разсуждаютъ сообща о дѣлахъ важныхъ“: не можетъ ли лошадиный черепъ дать намъ нѣкоторыя понятія о ихъ „безобразныхъ“ лошадяхъ? Но главное: нѣтъ, насколько намъ извѣстно, другого народа, который бы питалъ такую удивительную привязанность къ лошадямъ, а кто въ жизни никогда не разставался со своимъ конемъ, тотъ, понятно, и послѣ смерти пожелаетъ его имѣть возлѣ себя, какъ и было въ нашихъ курганахъ.

Именно это обстоятельство служитъ, по моему, главнымъ указаніемъ на то, что разрытые мною курганы гуннскаго происхожденія.

Я могъ бы указать и на нѣкоторые другіе признаки, быть можетъ говорящіе въ пользу гуннскаго происхожденія нашихъ кургановъ, но пока ограничиваюсь приведенными, такъ какъ не стремлюсь, въ настоящее время доказать что-нибудь положительно и своимъ историческимъ указаніямъ придаю значеніе лишь предварительное.

По выслушаніи этого сообщенія:

а) д. чл. *В. Б. Антоновичъ* отмѣтилъ слѣдующія характеристическія черты кургановъ, изслѣдованныхъ г. Кнауэромъ, сравнительно съ курганами, изслѣдованными въ сосѣднихъ съ Бессарабіею мѣстностяхъ.

1) Въ раскопкахъ г. Кнауэра встрѣтились человѣческіе скелеты рядомъ со скелетами лошадей, но безъ оружія. Скелеты лошадей встрѣчались въ двухъ другихъ мѣстностяхъ, но при другихъ условіяхъ. Въ Херсонской губерніи на берегу Буга находили (курганы у с. Мигеи) рядомъ съ покойниками только однѣ головы лошадей, взнузданныя желѣзными удилами, и четыре копыта, при совершенномъ отсутствіи другихъ костей лошадинаго скелета. Въ бассейнѣ Днѣпра, на территоріи древнихъ Полянъ встрѣчались много разъ скелеты всадниковъ, верхомъ на лошади, при чемъ всадники бывали въ полномъ вооруженіи (мечъ, копье, кольчуга) и лошади въ полной сбруѣ (удила, стремена, украшенія уздечки).

2) Въ раскопкѣ г. Кнауэра найдено золотое сплошное, весьма грубой работы, кольцо; подобныхъ ему г. Антоновичъ не встрѣчалъ въ раскопкахъ южно-русскихъ кургановъ; на сколько помнитъ, золотыя издѣлія подобнаго типа находятся въ значительномъ количествѣ въ Пештскомъ музеѣ, гдѣ они отнесены къ категоріи предметовъ времени великаго переселенія народовъ.

3) Г. Кнауэръ нашелъ въ курганѣ комокъ краски (охры). Въ курганахъ такъ называемыхъ скиѳскихъ, въ Новороссійскомъ краѣ, въ Кіевской и Полтавской губ., встрѣчаются весьма часто куски краски, но это всегда мышьяковистыя соединенія: реальгаръ или аурипигментъ. Въ иныхъ случаяхъ (напр. въ раскопкахъ графа Бобринскаго и г. Осовскаго) встрѣчалась охра, но не въ видѣ массы, а въ видѣ тонкаго слоя, окрашивавшаго всѣ кости скелета.

Подробности эти могутъ служить матеріаломъ для сравнительнаго опредѣленія погребальнаго обряда въ курганахъ, изслѣдуемыхъ г. Кнауэромъ

б) Д. чл. *И. А. Сикорскій*, изслѣдовавшій въ антропологическомъ отношеніи черепа, найденные г. Кнауэромъ при раскопкахъ, сообщилъ измѣрительные и описательные признаки этихъ череповъ. Одинъ изъ череповъ вполнѣ сохранился; онъ не носитъ на себѣ никакихъ слѣдовъ патологическихъ измѣненій; въ измѣрительномъ отношеніи онъ стоитъ на границѣ *длинноголовыхъ* (dolichocoephali) и среднего-

ловыхъ (mesocoephali); лобъ покатый, убѣгающій назадъ; лицо широкое, плоское; скулы сильно выдающіяся. Лицевой скелетъ носитъ всѣ типическія черты монгольской расы. Принимая же во вниманіе размѣры головы, проф. Сикорскій полагаетъ, что черепъ принадлежитъ одной изъ производныхъ отъ монгольскаго типа расъ, именно одной изъ западныхъ урало-финскихъ вѣтвей ея. Въ этомъ отношеніи антропологическія данныя подтверждаютъ собою историческіе выводы, сдѣланные проф. Кнауэромъ.

Личный составъ Историческаго Общества Нестора лѣтописца въ 1888 году.

—

Почетные члены:

Николай Христіановичъ *Бунге*, предсѣдатель Комитета Министровъ.

Графъ Иванъ Давыдовичъ *Деляновъ*, Министръ Народнаго Просвѣщенія.

Высокопреосвященный *Платонъ*, митрополитъ Кіевскій и Галицкій.

Князь Александръ Михайловичъ *Дондуковъ-Корсаковъ*.

Аѳанасій Ѳеодоровичъ *Бычковъ*, академикъ и Директоръ Императорской Публичной Библіотеки.

Владиміръ Владимировичъ *Вельяминовъ-Зерновъ*, Попечитель Кіевскаго Учебнаго округа.

Александръ Николаевичъ *Веселовскій*, академикъ и профессоръ С.-Петербургскаго университета.

Игнатій Викентьевичъ *Ягичъ*, академикъ и профессоръ Вѣнскаго университета.

Францъ *Рачкій*, членъ Академіи Наукъ въ Загребѣ.

Владиміръ Ивановичъ *Ламанскій*, профессоръ С.-Петербургскаго университета.

Константинъ Николаевичъ *Бестужевъ-Рюминъ*, бывшій профессоръ С.-Петербургскаго университета.

Михаилъ Владимировичъ *Юзефовичъ*, предсѣдатель Кіевской археографической коммиссіи.

О. Антоній *Петрушевичъ*, каноникъ церкви св. Юра во Львовѣ.

Иванъ Игнатьевичъ *Малышевскій*, профессоръ Кіевской духовной академіи.

Евгеній Евсигніевичъ *Голубинскій*, профессоръ Московской духовной академіи.

О. Петръ Гавриловичъ *Лебединцевъ*, каѳедральный протоіерей Кіево-Софійскаго собора.

Петръ Васильевичъ *Знаменскій*, профессоръ Казанской духовной академіи.

Михаилъ Осиповичъ *Кояловичъ*, профессоръ С.-Петербургской духовной академіи.

Совѣтъ Общества:

Предсѣдатель: Михаилъ Флегонтовичъ *Владимирскій-Будановъ*, ординарный профессоръ Университета св. Владимира.

Кандидатъ предсѣдателя: И. И. *Малышевскій*.

Секретарь: Николай Павловичъ *Дашкевичъ*, профессоръ университета св. Владимира.

Библіотекарь: Ѳеодоръ Яковлевичъ *Фортинскій*, ординарный профессоръ университета св. Владимира.

Казначей: Степанъ Тимоѳеевичъ *Голубевъ*, доцентъ Кіевской духовной академіи и пр.-доц. университета св. Владимира.

Остальные члены Совѣта:

Петръ Гавриловичъ *Лебединцевъ*.	
Владиміръ Степановичъ *Иконниковъ*	Профессоры универс. св. Владимира.
Владиміръ Бонифатьевичъ *Антоновичъ*	
Иванъ Васильевичъ *Лучицкій*	
Петръ Александровичъ *Лашкаревъ*	Проф. Кіевской дух. академіи.
Алексѣй Васильевичъ *Розовъ*	
Орестъ Ивановичъ *Левицкій*	

Дѣйствительные члены:

Хрущовъ, Иванъ Петровичъ, членъ Учебнаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Майковъ, Леонидъ Николаевичъ, помощникъ директора Императорской Публичной Библіотеки и адъюнктъ Императорской Академіи Наукъ.

Преосвященный *Поликарпъ*, епископъ Екатеринбургскій.

Романовичъ-Славатинскій, Александръ Васильевичъ
Демченко, Василій Григорьевичъ
Павловъ, Платонъ Васильевичъ
Флоринскій, Тимоѳей Дмитріевичъ
Кулаковскій, Юліанъ Андреевичъ
Сикорскій, Иванъ Алексѣевичъ
Праховъ, Адріанъ Викторовичъ
Кнауэръ, Ѳедоръ Ивановичъ
Владимировъ, Петръ Владимировичъ
Тальбергъ, Дмитрій Германовичъ
} Профессоры университета св. Владимира.

Соболевскій, Алексѣй Ивановичъ, профессоръ С.-Петербургскаго университета.

Мищенко, Ѳеодоръ Герасимовичъ, бывшій доцентъ университета св. Владимира.

Модестовъ, Василій Ивановичъ, бывшій профессоръ университета св. Владимира.

Савваитовъ, Павелъ Ивановичъ, членъ Имп. Русскаго Археологическаго Общества.

Ждановъ, Иванъ Николаевичъ, профессоръ Историко-филологическаго Института въ С.-Петербургѣ.

Лавровскій, Николай Алексѣевичъ, ректоръ Варшавскаго университета.

Поповъ, Нилъ Александровичъ, профессоръ Московскаго университета и управляющій Архивомъ Министерства Юстиціи въ Москвѣ.

Кочубинскій, Александръ Александровичъ
Успенскій, Ѳеодоръ Ивановичъ
} Професс. Новороссійск. университета.

Петровскій, Мемнонъ Петровичъ, бывшій професс. Казанскаго университета.

Будиловичъ, Антонъ Семеновичъ
Любовичъ, Николай Николаевичъ — Професс. Варшавскаго университета.

Багалѣй, Дмитрій Ивановичъ, професс. Харьковскаго университета.

Голубовскій, Петръ Васильевичъ, приватъ-доцентъ университета св. Владимира.

Соколовъ, Матвѣй Ивановичъ
Бережковъ, Михаилъ Николаевичъ — Профес. истор.-филол. инстит. въ Нѣжинѣ.

Брандтъ, Романъ Ѳеодоровичъ, профессоръ Московскаго университета.

Линниченко, Иванъ Андреевичъ, приватъ-доцентъ Московскаго университета.

Малининъ, Василій Николаевичъ, профессоръ Кіевской духовной академіи и пр.-доцентъ университета св. Владимира.

Ястребовъ, Митрофанъ Филипповичъ, профессоръ Кіевской дух. академіи.

Завитневичъ, Владиміръ Зеноновичъ
Дмитріевскій, Алексѣй Аѳанасьевичъ
Покровскій, Ѳеодоръ Яковлевичъ
Булгаковъ, Аѳанасій Ивановичъ — Доценты Кіевской дух. академіи.

Исаевъ, Иванъ Петровичъ, секретарь совѣта Кіевской духовной академіи.

Андріяшевъ, Алексѣй Ѳомичъ
Воскресенскій, Константинъ Николаевичъ — Директоры Кіевскихъ гимназій.

Ничипоренко, Иванъ Ивановичъ, директоръ коллегіи П. Галагана.

Князь *Голицынъ*, Н. Н.

Житецкій, Павелъ Игнатьевичъ, преподаватель коллегіи П. Галагана.

Истоминъ, Михаилъ Павловичъ.

Ефименко, Петръ Савичъ.

Лазаревскій, Александръ Матвѣевичъ.

Каманинъ, Иванъ Михайловичъ.

Науменко, Владиміръ Павловичъ
Трегубовъ, Елисей Кипріановичъ
Иващенко, Петръ Семеновичъ
Ярмоховичъ, Яковъ Клементьевичъ
Щербина, Владиміръ Ивановичъ
Ляскоронскій, Владиміръ Григорьевичъ — Преподав. Кіевскихъ гимназій.

Люба-Радзиминскій, Сигизмундъ Владимировичъ, землевладѣлецъ Волынской губерніи.

Пономаревъ, Степанъ Ивановичъ.

Лилеевъ, Михаилъ Ивановичъ.

Ханенко, Александръ Ивановичъ.

Козубскій, Е. И.

Стороженко, Андрей Владимировичъ.

Степовичъ, Андроникъ Іоанникіевичъ.

Андріевскій, Алексѣй Александровичъ.

Каменскій, Иванъ Ѳедоровичъ.

Михальчукъ, Константинъ Петровичъ.

Прохаска Антоній, во Львовѣ.

Кулишеръ, Михаилъ Игнатьевичъ.

Горленко, Василій Петровичъ.

Синицкій, Александръ Даниловичъ.

Лашкевичъ, Александръ Степановичъ, редакторъ журнала „Кіевская Старина“,

Похилевичъ Лаврентій.

Крыжановскій, Поликарпъ Николаевичъ.

Бехъ, Степанъ Ивановичъ, приватъ-доцентъ университета св. Владимира.

Николайчикъ, Ѳедоръ Даниловичъ.

Турчаковскій, Климентъ Ивановичъ.

Оглоблинъ, Николай Николаевичъ.

Мазараки, Сергѣй Аркадьевичъ, землевлад. Полтавской губерніи.

Vigfusson Gudbr. М. А. въ Оксфордѣ († 31 янв. 1889 г.).

Голышевъ, Иванъ Александровичъ.

Стороженко, Николай Васильевичъ, магистрантъ С. Петербургскаго университета.

Красносельцевъ, Николай Ѳомичъ, профессоръ Казанской духовной академіи.

Выбылъ:

† Д. чл. прот. А. Ѳ. *Хойнацкій*.

ОТДѢЛЪ II.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Къ вопросу о происхожденіи русскихъ былинъ.—Былины объ Алешѣ Поповичѣ и о томъ, какъ перевелись богатыри на святой Руси.

(Читано въ годичномъ собраніи Историческаго Общества Нестора лѣтописца 20 марта 1883 года).

Историческое Общество, празднующее нынѣ десятую годовщину своей дѣятельности, носитъ имя почившаго въ здѣшней Печерской обители инока, которому преданіе изстари усвояетъ составленіе лѣтописи первыхъ временъ Русской земли. Кто бы ни былъ ея составитель, —удалившись отъ міра, онъ сохранялъ горячій интересъ къ судьбамъ родной земли и занесъ въ свою „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ все, что узналъ о старинѣ, не только изъ книгъ и старыхъ записей, но и отъ людей, хранившихъ преданія о ней въ своей памяти. Быть можетъ, онъ слышалъ и пѣсни о „старомъ Владимірѣ“, о „старомъ Ярославѣ, храбромъ Мстиславѣ“ и мн. др. Такія пѣсни несомнѣнно были у насъ въ началѣ XII-го столѣтія. Подъ вліяніемъ крупныхъ военныхъ столкновеній двухъ или нѣсколькихъ народностей, развивается обыкновенно героическая поэзія. Она является лучшимъ достояніемъ эпохъ энтузіазма и героизма и вмѣстѣ наивности и пылкаго воображенія. Вѣка постоянныхъ столкновеній съ кочевниками, наступавшими съ востока и юга, вѣка храбрости, удальства и кипучаго молодечества должны были вызвать и у насъ, какъ повсюду, пышный разцвѣтъ былевой поэзіи.

Съ той поры у насъ не умолкала историческая народная пѣсня. Она откликалась на всѣ важнѣйшія событія нашей исторической жизни. Сохраняя постоянно сказанія о времени нашей народной

юности, о дняхъ Владимира Краснаго Солнышка, поминая въ лицѣ богатырей тѣхъ „храбрыхъ", которые грудью стояли за русскую землю и охраняли ее отъ Печенѣговъ, Половцевъ и затѣмъ легли костьми въ тяжелую годину татарскаго нашествія, наша народная эпика присоединяла и примѣняла къ этому начальному повѣствованію воспоминанія о временахъ позднѣйшихъ, о татарскомъ лихолѣтьѣ, о Грозномъ царѣ, о смутномъ времени, о подвигахъ южнорусскаго козачества въ борьбѣ съ татарами, о невзгодахъ, пережитыхъ южной Русью, о великомъ преобразователѣ Россіи и т. д.

Такъ составилось довольно полное повѣствованіе о судьбахъ нашей земли, доселѣ живущее въ памяти народа,—лѣтопись, какой не можетъ похвалиться никакая другая нація: ни у какого другого народа нѣтъ эпики, которая совмѣщала бы въ *живой* передачѣ всѣ важнѣйшіе моменты народной жизни, начиная съ основанія національнаго государства, которая помнила бы всѣ главнѣйшія событія стольких вѣковъ многострадальной народной и государственной жизни.

Въ день празднованія годовщины Общества, названнаго по имени, славному въ исторіи нашего отечественнаго лѣтописанія, мнѣ показалось не совсѣмъ неумѣстнымъ занять ваше вниманіе, мм. гг., нѣсколькими соображеніями о происхожденіи этой живой пѣсенной лѣтописи нашего народа. Она возникла здѣсь, на югѣ, и восходитъ своимъ началомъ ко времени, предшествовавшему Нестору. Она въ значительной степени повліяла на сказанія перваго лѣтописца и не уступаетъ ему въ величавомъ изображеніи нашей древней жизни, озаренной поэтическимъ свѣтомъ народнаго самосознанія. Устная лѣтопись, по своему общенародному значенію, не ниже книжной. Послѣдняя содѣйствовала храненію и распространенію повѣствованій о старинѣ, болѣе или менѣе соотвѣтствовавшихъ дѣйствительности; лѣтопись же народная, нѣсколько возвеличивъ прошлое, поддерживала тѣмъ въ нѣкоторой степени крѣпость народнаго духа въ настоящемъ. Начальная лѣтопись передавала правду жизни, лѣтопись былевая выражала вмѣстѣ съ тѣмъ правду творчества и нравственнаго міровоззрѣнія.

Въ частностяхъ сказаній о времени минувшемъ, какія хранилъ въ своей памяти народъ, онъ, естественно, не могъ строго придерживаться дѣйствительности. Это обстоятельство и послужило причиной появленія взглядовъ на происхожденіе нашего былеваго эпоса, которые страдали односторонностью и умаляли его значеніе.

Подъ вліяніемъ нѣмецкой науки о старинѣ и народности, и въ нашихъ былинахъ вздумали отыскивать отголоски далекой индо-европейской старины и полагали начало и основу нашего былеваго эпоса въ преданіяхъ, относящихся еще къ до-исторической эпохѣ совмѣстной жизни арійскихъ народовъ. Такимъ образомъ, первенствующее значеніе въ нашихъ былинахъ приписали древнимъ миѳическимъ вѣрованіямъ. Самыми видными представителями этой теоріи были Ѳ. И. Буслаевъ и О. Ѳ. Миллеръ [1]), нѣсколько умѣрившіе крайности ея по выходѣ надѣлавшихъ столь много шуму статей г. Стасова, впавшаго въ противоположную крайность [2]).

Г. Стасовъ былъ первый изъ тѣхъ, которые предположили, что сказанія нашихъ былинъ были занесены къ намъ въ позднѣйшее время и развились преимущественно подъ вліяніемъ чуждаго намъ эпоса. Сторонники такого мнѣнія, понятно, должны были допустить въ нашемъ былевомъ эпосѣ гораздо менѣе самостоятельности, чѣмъ сколько ея есть на самомъ дѣлѣ, и предположить, что нашему народу принадлежало только пріуроченіе заимствованныхъ разсказовъ къ нѣкоторымъ именамъ нашей исторіи, да нѣсколько народная раскраска и распространеніе частностей.

Ошибки г. Стасова были скоро замѣчены, и изслѣдователи, запявшіеся послѣ него нашимъ былевымъ эпосомъ, обнаружили болѣе осторожности въ своихъ заключеніяхъ.

Вмѣсто татарскаго эпоса предположили иную основу для нашихъ былевыхъ пѣсенъ. Отъ востока обратились къ югу и отчасти къ западу [3]). Замѣтивъ сходство отдѣльныхъ эпизодовъ нашего эпоса

---

[1]) Къ нимъ присоединился извѣстный изслѣдователь славянской миѳологіи Аѳанасьевъ.

[2]) Въ послѣднемъ изложеніи своего взгляда въ статьѣ о былинахъ, помѣщенной въ „Исторіи русской словесности“ Галахова, О. Ѳ. Миллеръ отступилъ нѣсколько отъ прежнихъ своихъ воззрѣній на частности вопроса.

[3]) Въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ 1876 г. мы встрѣтили заявленіе Александра Никол. Веселовскаго, что онъ готовитъ монографію о „западныхъ отношеніяхъ русскихъ былинъ“. Нѣкоторые изъ фактовъ западнаго вліянія на нашу былевую поэзію освѣтила монографія И. Н. Жданова: „Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи“, Кіевъ 1881.

со сказаніями византійскими и южно-славянскими, предположили, что на созданіе его повліяли эти послѣднія [1]). Теперь начинаютъ все болѣе и болѣе заниматься выясненіемъ книжной стихіи нашего эпоса, и теорія позднѣйшаго литературнаго воздѣйствія становится модной [2]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ обращаютъ вниманіе на такъ наз. странствующіе мотивы и цѣлые разсказы, которые встрѣчаются въ народной словесности и въ отражающихъ ея вліяніе литературныхъ памятникахъ многихъ народовъ и которые вошли въ обиліи и въ нашъ эпосъ [3]).

Наконецъ, раздаются голоса въ защиту *историческаго* содержанія нашихъ былинъ, стараются отстоять ихъ историческую основу, выдвигая преимущественно историческіе элементы ихъ повѣствованій.

---

[1]) Въ нашей ученой литературѣ начало такого рода разысканіямъ было положено статьею А. Н. Веселовскаго: „Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ“, помѣщенною въ апрѣльской книгѣ „Вѣстника Европы“ 1875 г.; здѣсь указанъ византійскій сюжетъ народныхъ пѣсенъ объ Аникѣ воинѣ. Проф. И. В. Ягичъ, по поводу эпитета „красное солнышко“, прилагаемаго въ нашихъ былинахъ ко Владиміру, указалъ на употребленіе подобнаго эпитета въ средневѣковой Византійской поэзіи. Arch f. slav. Philol., I Bd. S. 159—160.

[2]) В. Ѳ. Миллеръ видитъ отголоски сказаній объ Александрѣ въ былинахъ о Волхѣ Всеславьевичѣ (Ж. М. Н. Пр. 1877, № 10, стр. 126 и д.). Въ статьѣ „Отголоски Александріи въ болгаро-русскихъ былинахъ“ В. Ѳ. Миллеръ „старался показать, что нашъ Вольга—перелицовка Александра, что его походъ въ Индію Богатую есть походъ Александра и что наша былина представляетъ такой рядъ совпаденій съ извѣстными чертами Александріи“, которыя устраняютъ, на взглядъ г. Миллера, мысль „о ея независимомъ происхожденіи и національно-русской основѣ“ (Ж. М. Н. Пр. 1878, № 12, стр. 261). Въ статьѣ „По поводу Трояна и Бояна „Слова о полку Игоревѣ“ (Ж. М. Н. Пр. 1878, № 12) г. Миллеръ старается „свести на книжный сюжетъ типъ еще одного quasi-національнаго богатыря, именно Микулушки Селяниновича. Онъ сводитъ „чешскаго Премысла и русскаго Микулу Селяниновича къ классическому типу пахаря и будущаго царя Гордіаса“ (стр. 261—267).

[3]) Одною изъ первыхъ монографій въ этомъ направленіи была статья А. Н. Веселовскаго „Объ одномъ эпизодѣ въ былинахъ о Святогорѣ“ (Филологич. Записки 1876, вып. VI). См., далѣе, книгу Волльнера: „Untersuchungen über die Volksepik der Grossrussen“, Leipzig 1878.

Л. Н. Майковъ указалъ на то, что въ былинахъ „встрѣчаются лица, относимыя по лѣтописямъ къ X, XI, XII и XIII вѣкамъ“, и что многія былины подтверждаются лѣтописями. Трудъ г. Майкова былъ нѣсколько восполненъ работами другихъ ученыхъ. Н. И. Костомаровъ подвергъ обстоятельному анализу преданія начальной лѣтописи и видитъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ отголоски былевыхъ пѣсенъ. Г. Кватшнинъ-Самаринъ въ рядѣ статей пытался отмѣтить всѣ историческія данныя, отражающіяся въ былинахъ. По поводу одного изъ его мнѣній была написана замѣтка объ Ильѣ Муромцѣ покойнымъ Максимовичемъ. Разбирая диссертацію О. Ѳ. Миллера въ 1871 г., Ѳ. И. Буслаевъ постарался „сильнѣе прикрѣпить русскій эпосъ къ родной старинѣ и къ его родной землѣ“.

Къ исторической точкѣ зрѣнія склоняется повидимому проф. И. В. Ягичъ въ своей монографіи о народной славянской исторической поэзіи [1]). Онъ коснулся здѣсь выдающихся былинныхъ героевъ и въ небольшомъ очеркѣ представилъ весьма удачно исторію постепеннаго развитія сказаній о нихъ.

Но историческая теорія имѣетъ, кажется, менѣе всего сторонниковъ. Историки (напр., Д. И. Иловайскій), продолжаютъ отрицать историческую основу былинъ, нѣкоторые совсѣмъ отвергаютъ самобытное происхожденіе нашего былеваго эпоса, и даже покойный И. И. Срезневскій выразился: „не нахожу силы настаивать ни на древности былинъ, прославляющихъ богатырей русскихъ, ни на древности богатырей этихъ былинъ“ [2]).

Среди такого разнобразія мнѣній теряется иногда отчетливое представленіе о томъ процессѣ, какимъ возникли наши былины. Сами изслѣдователи, подъ преобладающимъ вліяніемъ той или иной точки зрѣнія, не всегда соблюдаютъ надлежащую мѣру. Тѣмъ легче читатель, лишенный полнаго знакомства съ научными методами изслѣдованія, можетъ впасть въ преувеличеніе, усвоить односторонній взглядъ и

---

[1]) Gradja za historiju slovinske narodne poezije, prvi dio: Historijska svjedočanstva o pjevanju i piesničtva slovinskih naroda. U Zagrebu 1876. Русскій переводъ помѣщенъ Задерацкимъ въ изданной имъ третьей книжкѣ „Славянскаго Ежегодника“ (Кіевъ 1878).

[2]) Филологическія Записки 1873 г., вып. I, Ученыя Извѣстія, стр. 23—24.

примкнуть къ тому или другому объясненію по преимуществу, между тѣмъ какъ не слѣдуетъ забывать, что каждый изъ этихъ методовъ можетъ имѣть значеніе не для всего эпоса, но только для частностей его; къ объясненію былинъ приложимы всѣ теоріи относительно сходныхъ мотивовъ въ эпосѣ различныхъ народовъ. Отдѣльныя частныя изслѣдованія отодвигаютъ въ большинствѣ случаевъ на второе мѣсто основной вопросъ о методѣ изслѣдованія былинъ, хотя въ тоже время высказаны весьма цѣнныя замѣчанія о частныхъ сторонахъ общаго вопроса учеными, разрабатывающими нашъ эпосъ, въ особенности А. Н. Веселовскимъ, О. Ѳ. Миллеромъ, Ѳ. И. Буслаевымъ, И. В. Ягичемъ, А. И. Кирпичниковымъ, И. Н Ждановымъ.

Труды этихъ ученыхъ настолько уже выяснили исторію нашего былеваго эпоса, что можно теперь поставить рядъ общихъ замѣчаній и приступить къ стройному возсозданію послѣдовательнаго развитія этого эпоса.

Я рѣшился предложить нѣсколько такихъ общихъ наблюденій и постараюсь затѣмъ подтвердить ихъ разъясненіемъ возникновенія нѣкоторыхъ былинъ. Подобранные мною примѣры, сдается мнѣ, покажутъ, что нашъ былевой эпосъ хранитъ въ обиліи несомнѣнно живыя историческія воспоминанія, но только они переданы въ духѣ, отличающемъ въ большей или меньшей степени всякую народную эпику.

Сплавъ различныхъ стихій въ былинахъ не даетъ права на односторонніе заключенія, на преувеличеніе значенія заимствованій, которыми переполнены будто бы наши былины.

Все знаніе и искусство подчиняются закону припоминанія; вся умственная жизнь человѣчества слагается изъ воспоминаній и впечатлѣній. Не можетъ быть и рѣчи о полной оригинальности. Всякое произведеніе умственной дѣятельности коренится въ ближайшемъ прошломъ, за которымъ тянутся цѣлые ряды вѣковъ: оно заключаетъ въ себѣ частности, возникшія въ разное время. Всякое произведеніе, при внимательномъ разборѣ, оказывается сплавомъ, и автору его принадлежитъ преимущественно распорядокъ данныхъ, добытыхъ или переданныхъ другими, объединеніе ихъ и претвореніе, при чемъ бываетъ возможно и творчество—не только въ формѣ, но и въ идеяхъ, движеніе ихъ впередъ. Современная наука признала въ поэзіи постоянное повтореніе извѣстныхъ мотивовъ, и заимствованіе таковыхъ уже не ставится въ укоръ поэтическимъ геніямъ. Поэтическіе замыслы и

произведенія первостепенныхъ поэтовъ, Данте, Шекспира, Мольера, Гёте (Фаустъ) имѣютъ своимъ исходнымъ пунктомъ бродячія сказанія, но это не уменьшаетъ цѣны созданій этихъ поэтовъ; мы признаёмъ оригинальность ихъ таланта и полное значеніе ихъ твореній.

Туже справедливость должно соблюдать и въ отношеніи къ произведеніямъ народной словесности.

Они отличаются отъ литературы искусственной, между прочимъ, тѣмъ, что различные отдѣльные мотивы подвергаются въ нихъ иной разъ не совсѣмъ строго логическому сплоченію, и соединеніе ихъ бываетъ не такъ продумано, не столь необходимо обусловлено, какъ въ произведеніяхъ индивидуальнаго творчества. Народное творчество лишено нерѣдко сознательнаго единства и полноты. Сліяніе различныхъ стихій происходитъ въ силу особыхъ наклонностей народнаго ума и особенностей народнаго міросозерцанія.

Зерно всякаго *былеваго* эпоса—историческія сказанія. Если не всѣ, то большая часть былинъ возникаютъ непосредственно подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ извѣстныхъ событій. Вспомнимъ относящійся сюда тезисъ Миклошича: „всякая героическая пѣсня, въ своихъ главныхъ чертахъ, современна воспѣваемому событію[1])“. Но, по общему закону народнаго творчества, историческая истина не можетъ уцѣлѣть въ чистотѣ въ былевомъ эпосѣ и подвергается переработкѣ, причемъ важное значеніе имѣетъ та среда, въ которой вращается эпосъ. Оттуда возвеличеніе крестьянства въ нашемъ былевомъ эпосѣ въ лицѣ Ильи и дочерей Микулы Селяниновича. Въ сильной степени на осложненіе первоначальнаго содержанія историческихъ пѣсенъ вліяютъ сложившіеся традиціонные мотивы народнаго творчества, какъ оказываютъ вліяніе установившіеся пріемы и на литературное творчество. Вырабатываются частности, которыя становятся какъ бы матеріаломъ, красками и общими мѣстами народнаго творчества. Далѣе, историческое содержаніе подпадаетъ вліянію всего содержанія народнаго міросозерцанія; въ эпосѣ народъ сосредоточиваетъ и хранитъ всѣ свои свѣдѣнія, это кладовая народныхъ знаній, въ которой находитъ мѣсто всякій новый добытокъ народнаго ума и фантазіи. Позднѣйшія иноземъ-

[1]) Въ западномъ эпосѣ есть много примѣровъ подобнаго возникновенія былевыхъ пѣсенъ.

ныя сказанія, перейдутъ ли они путемъ устной передачи, или изъ книгъ, вростаютъ въ народный былевой эпосъ и содѣйствуютъ, съ одной стороны, изукрашенію исторической истины, а съ другой искаженію ея. При этомъ видное значеніе имѣетъ чисто внѣшняя ассоціація, иной разъ совершенно, на первый взглядъ, случайная. Въ данную пѣсню вносятся элементы другихъ, къ извѣстной личности пріурочиваются повѣствованія, передававшіяся объ иныхъ [1]), сводятся разсказы, относившіеся первоначально къ различнымъ эпохамъ, по закону развитія эпическихъ цикловъ [2]). Къ доисторической эпохѣ могутъ восходить только отдѣльныя частности, но никакъ не былевыя сказанія въ ихъ цѣломъ, или даже въ цѣльныхъ отдѣлахъ. Необходимо помнить, что народныя сказанія не пребываютъ въ неизмѣнномъ состояніи, но постоянно терпятъ передѣлку и примѣненіе, первобытныя повѣствованія раздробляются и, наоборотъ, отдѣльныя частности ихъ сливаются въ новыя построенія. Первобытныхъ миѳовъ мы не встрѣтимъ у народовъ, у которыхъ начинаетъ развиваться былевой эпосъ.

Таковы стихіи, которыя сливаются обыкновенно въ былевомъ эпосѣ. Для правильнаго пониманія послѣдняго необходимо тщательно разграничивать ихъ и выдѣлять различные элементы смѣси. О. Ѳ. Миллеръ первый указалъ вполнѣ отчетливо на необходимость такого выдѣленія [3]). Послѣ того наша научная литература обогатилась цѣлымъ рядомъ превосходныхъ попытокъ анализа различныхъ наслоеній нашихъ былинъ.

---

[1]) Къ имени Вольги, напр., весьма легко могли привязаться позднѣе мотивы Александріи.

[2]) Въ русскомъ былевомъ эпосѣ такую смѣсь признаетъ Д. И. Иловайскій. Исторія Россіи, ч. I, стр. 79.

[3]) Заслуга книги О. Ѳ. Миллера „Илья Муромецъ и богатырство Кіевское“ заключается, далѣе, въ богатомъ накопленіи данныхъ для сравненія и въ выясненіи отличій духа нашего былеваго эпоса по сравненію съ эпическими сказаніями другихъ народовъ. Н. А. Лавровскій также отмѣтилъ необходимость „точнаго и научно доказательнаго выдѣленія многочисленныхъ наслоеній въ нашихъ былинахъ и таковаго же ихъ объясненія“ (стр. 237 статьи его „Замѣтка о текстѣ русскихъ былинъ“, помѣщенной въ „Извѣстіяхъ Историко-филологическаго Института князя Безбородко въ Нѣжинѣ“ за 1877 г.).

При такомъ выдѣленіи составныхъ частей былеваго эпоса, не должно упускать изъ виду исторической основы, которая, конечно, могла нерѣдко совсѣмъ затемняться и почти исчезать. Напротивъ, должно начинать именно съ нея [1]). Слѣдуетъ при этомъ помнить, что первоначально возникали былины, воспѣвавшія отдѣльныхъ лицъ или отдѣльныя событія. Подобныя пѣсенныя прославленія князей, отличавшихся подвигами военнаго мужества, были несомнѣнно въ обычаѣ въ древней Руси, какъ были они и на Западѣ. Въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ встрѣчаемъ указаніе на „пѣснь старымъ княземъ“, свидѣтельствующее о процвѣтаніи исторической эпики. Неизвѣстно только, насколько общенародной была эта эпика. Восхвалялись не только князья, но и витязи [2]). То было время богатырства. Подвиги „храбрыхъ“ отмѣчаютъ даже лѣтописи [3]); тѣмъ болѣе должна была помнить ихъ былевая пѣсня. И у насъ, какъ въ Германіи, выработалось понятіе воинской чести, которая добывалась одновременно со славою для князя. Пріобрѣтенная честь могла воздаваться и въ пѣсняхъ, распѣваемыхъ въ средѣ дружинниковъ [4]).

Былевой эпосъ долженъ былъ состоять изъ пѣсенъ двоякаго рода: о подвигахъ отдѣльныхъ витязей и объ общихъ предпріятіяхъ.

---

[1]) Совершенно справедливо замѣтилъ А. И. Кирпичниковъ (Поэмы Ломбардскаго цикла, Москва 1873 г., стр. 88), что „при разборѣ такъ называемаго историческаго эпоса, къ какой бы школѣ ни принадлежалъ изслѣдователь, онъ не можетъ игнорировать фактовъ и собственныхъ именъ“.

[2]) О происхожденіи этого слова, которое было извѣстно Адаму Бременскому, см. соображенія въ ст. г. Великанова, помѣщенной въ „Филологическихъ Запискахъ“ 1880 г. Ср. мнѣніе Миклошича (Die Fremdwörter).

[3]) Въ Никоновской лѣтописи уже подъ 1148 г. упоминается *богатырь* Демьянъ Куденевичъ (П. с. р. л. IX, 177—178); къ сожалѣнію, упоминаніе это поздне; соображенія о немъ см. въ „Исторіи Сѣверской Земли“ Багалѣя (Кіевъ 1882), стр. 209. Я не касаюсь здѣсь другихъ общеизвѣстныхъ упоминаній Никоновской лѣтописи о богатыряхъ Владимира и эпическихъ сказаній начальной лѣтописи.

[4]) Ср. мѣста „Nibelungenlied“ объ êre съ нѣкоторыми выраженіями „Слова о полку Игоревѣ“, Бояна съ Фолькеромъ, который въ изданіи Барча (стр. 196) названъ „der starke spileman, Volkêr der herre“, а въ изданіи Царнке (4 Aufl., s. 30) „Volker der küene der starke videlære“.

Однѣ изъ этихъ пѣсенъ такъ и сохраняли свою отдѣльность; другія сводились постепенно въ одинъ циклъ, который началъ образовываться вокругъ Кіева и ласковаго князя Владимира; онѣ примыкали къ этому кругу неодновременно. Такое сведеніе отдѣльныхъ сагъ и легендъ отдѣльныхъ мѣстностей встрѣчаемъ въ нѣмецкомъ героическомъ эпосѣ (напр., въ Нибелунгахъ) и въ эпосѣ французскомъ; было оно и у насъ [1]). Сообразно всему сказанному, кругъ былинъ, какъ и всѣхъ народныхъ произведеній, нельзя разсматривать, какъ цѣльное произведеніе, сразу сложившееся; при изслѣдованіи былеваго эпоса, необходимо отправляться отъ него, не какъ отъ стройнаго цѣлаго, но отъ частныхъ эпизодовъ, и начинать съ анализа былинъ о каждой личности отдѣльно. Употребивъ въ дѣло всѣ средства историческаго анализа и отдѣливъ все, что относится къ общимъ пріемамъ *нашего* былеваго творчества и былеваго эпоса вообще,—тогда только можно приступать къ опредѣленію позднѣйшихъ иноземныхъ элементовъ, которые были введены въ общее содержаніе былинъ неорганически.

Опредѣляя источники иноземныхъ примѣсей, необходимо искать ихъ прежде всего въ представленіяхъ и сказаніяхъ, вращавшихся въ томъ тѣсномъ кругу культуры, къ которому русскіе принадлежали наряду съ Византійцами, жителями Кавказа, южными славянами и Румынами [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо имѣть въ виду и другой путь притока къ намъ иноземныхъ сказаній—западный.

Какъ скоро не можетъ быть установлено на основаніи несомнѣнныхъ признаковъ такое ближайшее заимствованіе, или какъ скоро та или иная подробность составляетъ общее достояніе былинъ и вообще поэзіи различныхъ народовъ, распространеніе котораго не можетъ быть допущено въ историческое время, придется предположить существованіе ея и обращеніе въ болѣе раннее время.—Путемъ такой сложной работы будетъ указано отношеніе текстовъ и различныхъ пересказовъ и вмѣстѣ будетъ приведено въ распорядокъ все содержаніе былинъ.

---

[1]) На него указалъ отчасти уже Ѳ. И. Буслаевъ въ статьѣ о книгѣ г. Миллера, помѣщенной въ „Журн. Минист. Нар. Просв.“ 1871, № 4, стр. 238.

[2]) Такой тезисъ выдвинулъ въ послѣднее время А. Н. Веселовскій. См. замѣчаніе его въ Отчетѣ втораго отдѣленія Академіи Наукъ, помѣщенномъ во 2-й книжкѣ „Журн. Минист. Нар. Просв.“ настоящаго года.

Сводя къ одному все сказанное, мнѣ кажется, можно съ полнымъ правомъ стоять за несомнѣнно историческую основу былинъ, за то, что она должна быть точкой отправленія всѣхъ изслѣдованій о былевомъ эпосѣ, и принимать въ тоже время цѣлый рядъ послѣдовательныхъ переработокъ ея и разнородныхъ наслоеній, изъ которыхъ многія возникли подъ вліяніемъ общаго содержанія народнаго эпоса, наполнявшагося и сказаніями книжными и иностранными.

Я желалъ бы теперь подтвердить эти общія соображенія примѣромъ анализа современныхъ былинъ объ Алешѣ Поповичѣ и о томъ, какъ перевелись богатыри на святой Руси. Извѣстно содержаніе этихъ былинъ: Алеша—единое чадо соборнаго попа Ростовскаго. Испросивъ у отца благословеніе, онъ ѣдетъ съ Екимомъ Ивановичемъ во стольный Кіевъ градъ ко князю Владимиру. По дорогѣ онъ убиваетъ змѣя Тугарина и еще разъ сражается съ нимъ на пиру у Владимира. Онъ вступилъ въ братство названное съ Ильей и Добрыней, но не всегда ладитъ съ ними; особенно онъ обидѣлъ Добрыню, попытавшись жениться на женѣ брата, котораго постарался услать въ богатырскую поѣздку. Онъ же былъ виновникомъ и того, что витязи Владимира, отразивши встрѣченную ими силу несмѣтную басурманскую, послѣ гордаго вызова Алешей силы нездѣшней, не справились съ нею, и съ той поры перевелось богатырство на Руси. Эти былины въ особенности интересны съ точки зрѣнія историческаго объясненія нашихъ былевыхъ пѣсенъ и ярче другихъ разъясняютъ только что высказанныя соображенія. За ними можетъ быть признано особое методологическое значеніе. Разсматривая эти былины въ связи съ лѣтописными свидѣтельствами, можно ощутительно наглядно представить себѣ, какъ постепенно слагался нашъ былевой эпосъ. Даже завзятые миѳологи не могли подыскать Алешѣ миѳическій первообразъ [1]). Съ другой сто-

---

[1]) О. Ѳ. Миллеръ ограничился лишь предположеніемъ, что въ Алешѣ скрывается сила первоначально враждебная, „можетъ быть соотвѣтственная той, какую представляетъ въ сонмѣ сѣверныхъ боговъ враждебный Локки“. И. Муромецъ, стр. 315. Г. Квашнинъ-Самаринъ ставитъ вопросъ, не играетъ ли въ имени Алеши роль славянское имя собственное Лешко или Ляшко, которое „восходитъ къ языческимъ временамъ“. Н. И. Костомаровъ называетъ Алешу просто „лицомъ преданія, лицомъ, миѳическимъ, прилагаемымъ къ разнымъ временамъ“.

роны, объ Алешѣ сохранились весьма раннія упоминанія. Ему посчастливилось въ этомъ случаѣ болѣе другихъ богатырей: его имя встрѣчается въ цѣломъ рядѣ лѣтописей и лѣтописныхъ сводовъ. Это богатырь, постепенное видоизмѣненіе пѣсенъ, о которомъ можно прослѣдить хоть сколько-нибудь. Историческое существованіе Алеши Поповича (такъ былъ переименованъ потомъ лѣтописный Александръ Поповичъ[1]) въ высшей степени вѣроятно, хотя не можетъ быть подтверждено современными ему извѣстіями, каковыя, напр., имѣются о Добрынѣ, Ставрѣ, Садкѣ, вслѣдствіе чего его отрицаетъ Д. И. Иловайскій[2]). Можно видѣть, какъ постепенно вырабатывался поэтическій образъ Алеши и вмѣстѣ, какъ возникалъ весь Владимировъ циклъ.— Въ самой тѣсной генетической связи съ былинами объ Алешѣ должны быть поставлены былины о томъ, какъ перевелись богатыри на святой Руси: и тѣ и другія возникли одновременно. Былины о гибели богатырей представляютъ весьма наглядный примѣръ того, какъ можетъ историческая дѣйствительность скрываться подъ обманчивою наружностію фантастическаго сказанія, и вообще предъ нами откроется весьма занимательная картина.—Излагая исторію былинъ объ Алешѣ Поповичѣ и о кончинѣ богатырей, я далекъ отъ притязанія на полную оригинальность и новизну добытыхъ мною результатовъ: мнѣ пришлось во многихъ случаяхъ прійдти къ выводамъ, до которыхъ доходили мои почтенные предшественники въ разсмотрѣніи этого вопроса[3]). Но мнѣ показался нелишнимъ новый пересмотръ его. Онъ не былъ еще затронутъ во всей его полнотѣ, и, кажется, еще не были представлены вполнѣ отчетливо всѣ моменты развитія былинъ объ Алешѣ, не были

---

[1]) Тожество лѣтописнаго Александра Поповича и былиннаго Алеши Поповича несомнѣнно. На это указалъ Л. Н. Майковъ, и его мнѣніе принято другими учеными, напр. О. Ѳ. Миллеромъ. Обоснованіе такого отожествленія см. ниже.

[2]) Исторія Россіи, ч. I, М. 1876, стр. 79.

[3]) Историческое существованіе Александра Поповича признаютъ: Л. Н. Майковъ, Д. А. Корсаковъ и г. Квашнинъ-Самаринъ. Что былины о гибели богатырей повѣствуютъ о Калкскомъ побоищѣ, думаетъ Квашнинъ-Самаринъ и, повидимому, къ тому склоняется теперь О. Ѳ. Миллеръ. Н. И. Костомарову принадлежитъ подробный анализъ лѣтописныхъ сказаній объ Алешѣ. Общаго хода развитія былинъ объ Алешѣ касался И. В. Ягичъ въ своемъ изслѣдованіи о народной славянской поэзіи.

обстоятельно и надлежаще-критически разобраны всѣ мѣста лѣтописей о немъ, не выяснено взаимное отношеніе ихъ; не были, далѣе, собраны въ значительномъ количествѣ и сравнительныя данныя, объясняющія миѳическую часть названныхъ былинъ и нѣкоторые ихъ эпизоды; наконецъ, не были извлечены всѣ возможные выводы. При томъ въ наукѣ важна прежде не новизна взглядовъ, а установленіе прочныхъ доказательствъ и строго научное обоснованіе мнѣній, хотя бы и высказанныхъ прежде.

Начиная съ древнѣйшихъ изводовъ сказаній объ Алешѣ, мы должны обратиться прежде всего не къ былинамъ, которыя дошли до насъ въ позднихъ записяхъ, а къ лѣтописнымъ свидѣтельствамъ, которыя почти цѣликомъ являются отголоскомъ древнѣйшихъ былинъ.

Посмотримъ же, что даютъ лѣтописи для выясненія генезиса былинъ объ Алешѣ и для исторіи этихъ пѣсенъ до XVII-го столѣтія.

Сообщенія лѣтописей объ Александрѣ Поповичѣ могутъ быть названы драгоцѣнными при скудости историческихъ свидѣтельствъ, по которымъ можно было бы возсоздать развитіе нашего былеваго эпоса, какъ то можно сдѣлать по даннымъ, собраннымъ Вильгельмомъ Гриммомъ для нѣмецкаго эпоса.

Извѣстія лѣтописей объ Александрѣ Поповичѣ не совсѣмъ сходны, иногда они даже прямо противорѣчатъ другъ другу, а одинъ варіантъ занимаетъ какъ бы срединное положеніе.

Интересно, что Александръ названъ впервые въ чисто мѣстныхъ сѣверо-восточныхъ лѣтописяхъ.

Первое упоминаніе объ Александрѣ находимъ въ такъ называемомъ Академическомъ спискѣ Суздальской лѣтописи, рукопись которой относится къ XV-му столѣтію. Тамъ читаемъ въ повѣствованіи о Калкскомъ побоищѣ: „и Александръ Поповичь ту убиенъ бысть съ инѣми 70 храбрыхъ“ [1]). Слѣдовательно, по сказанію этой лѣтописи, Александръ Поповичъ жилъ въ XIII столѣтіи и принадлежалъ къ „храбрымъ“, которые выдѣлялись изъ ряда остальныхъ ополченій, составляли какъ бы особую дружину и *погибли на Калкѣ*. Въ приведенномъ мѣстѣ лѣтописи этой дружинѣ усвоено древнее названіе „храбрыхъ“, между тѣмъ какъ въ послѣдующее время, съ XIV-го вѣка, вошло въ упо-

[1]) Лѣтоп. по Лаврент. сп., стр. 482.

требленіе другое слово для обозначенія подобныхъ храбрецовъ—*богатырь*, быть можетъ—подъ вліяніемъ татаръ [1]). Это обстоятельство можетъ быть признано хотя въ нѣкоторой степени свидѣтельствующимъ въ пользу древности приведеннаго извѣстія. Вмѣстѣ съ тѣмъ можно думать, что это послѣднее было внесено въ сказаніе о Калкскомъ побоищѣ не при составленіи его, но нѣсколько времени спустя, и было заимство-

---

[1]) У татаръ это слово было въ большомъ употребленіи. См. Hammer Purgstall'я Geschichte der Goldenen Horde. Галицко-волынская лѣтопись XIII-го в. употребляла слово *богатырь* при обозначеніи именъ *татарскихъ* вождей (Ип. 522 и 528). Въ одномъ мѣстѣ это слово употреблено въ качествѣ собственнаго имени одного татарскаго предводителя: подъ 1262 г. лѣтопись говоритъ, что Василько опустошалъ Литву съ *богатыремъ* (Ип. 565). Карамзинъ и Sjögren разумѣли подъ Богатыремъ Бурондая. Изъ этой формы очевидно, что русскіе могли передѣлать татарское имя по образцу готоваго слова, бывшаго въ употребленіи. Можетъ быть также, что они встрѣчались съ этимъ словомъ уже у Половцевъ, въ словарѣ которыхъ находимъ *bahatur*. Куманское *bahatur* обозначало potentem. По мнѣнію издателя словаря, Kuun'a, это слово „ex mongolico baghator deprompтum est" (Cod. Cumanicus 1880, p. XXXVIII).—Какъ извѣстно, существуетъ разногласіе относительно происхожденія нашего слова *богатырь*: одни приписываютъ ему арійское происхожденіе, другіе—тюркское. — Въ параллель упоминаніямъ галицко-волынской лѣтописи можно поставить нѣсколько подобныхъ другихъ. Въ Архангелогородской лѣтописи подъ 6770 г. (1262) встрѣчаемъ разсказъ объ „ясащикѣ Бугѣ богатырѣ" (Москва 1781 г., стр. 59). Повидимому, лѣтописецъ передалъ мѣстное Устюжское преданіе. Разсказъ объ основаніи церкви на Сокольей горѣ заключаетъ въ себѣ довольно распространенный эпическій мотивъ. Интересно, что и въ повѣсти о разореніи Рязани Батыемъ говорится объ Евпатіи: „И многихъ тутъ нарочитыхъ богатырей Батыевыхъ побилъ". Срезневскій, Свѣдѣнія и замѣтки, прилож. къ XI-му тому Зап. Имп. Ак. Н., № 2, Спб. 1867, стр. 87. Батый говоритъ тамъ: „да многихъ (нарочитыхъ) богатырей сильной орды побилъ еси" (тамъ-же, 88). Послѣ XIII-го столѣтія слово богатырь встрѣчается нерѣдко въ историческихъ памятникахъ. Въ лѣтописяхъ подъ 6932 г. читаемъ: „тогдыжъ убили Ногаю богатыра великомъ тѣломъ". Хронографъ 1-й редакціи, перечисляя погибшихъ въ Куликовской битвѣ, говоритъ: „сними-же Александръ Пресвѣтъ и Чернецъ Ослябя *богатыри*. и инѣхъ множество бесчисленно. а тамо оу нихъ же бяше *богатырь* же былъ татаринъ. его же уби

вано изъ народныхъ сказаній. Извѣстіе объ Александрѣ и 70 богатыряхъ едвали можетъ считаться строго историческимъ свидѣтельствомъ. Оно стоитъ въ Суздальскомъ сводѣ лѣтописей особнякомъ, безъ всякой связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ разсказомъ, и не поясняетъ, кто былъ Александръ: этотъ послѣдній представляется какъ бы лицомъ извѣстнымъ. Изъ словъ лѣтописи можно вывести только, что онъ былъ изъ числа тѣхъ особенныхъ „храбрыхъ", которые выдѣлялись чѣмъ-то изъ прочаго ополченія и гибель которыхъ была замѣчена. 70 храбрыхъ—дружина богатырей въ родѣ той, какая является въ былинахъ. Самое число 70 указываетъ на пріемы народнаго эпоса: число 7 и производныя отъ него принадлежатъ къ излюбленнымъ числамъ народнаго эпоса [1]), и въ былинѣ о томъ, какъ перевелись богатыри на святой Руси, выведены 7 богатырей Владимира. Болѣе древній изводъ сказанія о Калкскомъ побоищѣ въ галицко-волынской лѣтописи не говоритъ ничего объ Алешѣ и его товарищахъ. Слѣдовательно, объ Алешѣ не говорили въ мѣстѣ составленія сказанія, или авторъ его не интересовался подвигами сѣверянина. Это понятно: Александръ, какъ Ростовецъ, былъ особенно дорогъ своимъ землякамъ, и упоминаніе о немъ могло войдти раньше всего въ Ростовскую лѣтопись. Къ сожалѣнію, Ростовскія лѣтописи не дошли до насъ въ первоначальномъ видѣ, и мы не можемъ настаивать на томъ, что Академическій списокъ заимствовалъ именно изъ этихъ лѣтописей упоминаніе объ Александрѣ, хотя составитель пользовался Ростовскою лѣтописью. Во всякомъ случаѣ, откуда бы ни было взято это упоминаніе, оно основы-

---

Ослябя. да и самъ отъ его ранъ умре". А. Поповъ, Обзоръ хронограф., вып. I, 205. Лѣтопись, изданная Н. Львовымъ, II (Спб. 1792 г.), стр. 165: „а богатырь былъ у Мамая Бигичъ".—Въ XV-мъ столѣтіи еще не миновалъ богатырскій вѣкъ на Руси. Подъ 1435 г. читаемъ въ Софійскомъ временникѣ: „Тогда убили Коща богатыря велика тѣломъ" (изд. Строева стр. 455). Въ половинѣ XVI-го стол. у Черемисъ упоминается Ахметекъ богатырь.—Неизвѣстно точно, когда слово богатырь вошло въ нашъ эпосъ. Въ лѣтописи по сп. Лаврент., при описаніи битвы подъ 1263 г., говорится: „Здѣ же явишася 6 мужь *храбрыхъ* (стр. 456). Выраженіе „храбрый" встрѣчаемъ и въ разсказѣ объ убіеніи Юрія Всеволодовича Батыемъ.

[1]) См., напр., Kulturgeschichtliche Studien von Johannes Blochwitz, Leipz. 1882, статью: „Sieben".

валось на народномъ преданіи. Въ XV-мъ столѣтіи, къ которому относится Академическій списокъ, не было другаго повода пріурочить Александра къ Калкской битвѣ и упомянуть о гибели его тамъ, кромѣ того, что участникомъ Калкскаго боя представляло Александра народное преданіе, которое говорило вмѣстѣ съ тѣмъ о гибели 70 богатырей. Это преданіе видимо обращалось въ Суздальской землѣ и выдающимся дѣяніемъ Александра считало участіе его въ Калкскомъ побоищѣ. Быть можетъ, названіе Калки явственно значилось въ преданіи, если лѣтопись признала возможнымъ такъ опредѣленно отмѣтить время гибели Александра. Нѣтъ основаній сомнѣваться въ возможности существованія такого преданія: вѣдь было же сказаніе о Рязанскомъ богатырѣ Евпатіи Коловратѣ.

Любопытно, что, по разсказу Іордана, который былъ viceminister францисканцевъ въ Чехіи и современникъ татарскаго нашествія, татарами были убиты въ Россіи въ 1241 г. 72-князя [1]). Это число интересно, если сопоставить его съ 70 богатырями, убитыми на Калкѣ. Не отразился ли въ извѣстіи Іордана слухъ о Калкскомъ побоищѣ? Еслибы было такъ, то мы имѣли бы весьма раннее свидѣтельство о существованіи сказанія о гибели на Калкѣ.

Въ томъ же видѣ [2]), въ какомъ включено въ Суздальскій лѣтописный сводъ, или съ прибавками [3]) древнѣйшее изъ дошедшихъ до насъ упоминаній объ Александрѣ Поповичѣ вошло въ другія мѣстныя лѣтописи, или въ позднѣйшіе лѣтописные своды.

---

[1]) „....et in Ruscia *septuaginta* et duos principes pertransierunt". Erben, Regesta, 485 (заимствовано изъ Матѳея Парижскаго Hist. Angliae Additam). На Западѣ быстро распространилась вѣсть о 1-мъ нашествіи татаръ. См. ст. г. Куника въ Ученыхъ Запискахъ Имп. Ак. Н. по 1 и 3 отд., т. II. (Спб. 1854) стр. 760.

[2]) Новгор. IV (П. с. л. IV, 28).—Тверская лѣт. П. с. р. л. XV, 342. —Лѣтописецъ Рускій, изд. Н. Львовымъ, ч. I, Спб. 1792, стр. 397. Степенная лѣт. Лѣтопись по списку Типографской Библіотеки (Кирѣевскій. II, XIX).

[3]) Архангелогородская лѣтопись (Лѣтописецъ, содержащій въ себѣ Россійскую Исторію отъ $^{6360}/_{852}$ до $^{7106}/_{1598}$ года, Москва 1781) подъ 6731 г.: „Тогда убиша Александра Поповича *и съ Торопомъ*, и иныхъ *такихже богатырей* многихъ" (стр. 55). Торопъ взятъ изъ извѣстія, стоящаго выше въ той же лѣтописи, подъ 6725 г.—Царственный лѣтописецъ (Спб. 1772 г.),

Существуетъ, далѣе, въ лѣтописяхъ и позднѣйшихъ сводахъ отрывочное упоминаніе о томъ, что Александръ Поповичъ, предварительно гибели на Калкѣ, служилъ вмѣстѣ съ Добрынею князю Константину Всеволодовичу Ростовскому и помогъ ему въ боѣ съ братомъ его Юріемъ, и, такимъ образомъ, объ Александрѣ передается біографическая подробность [1]). Источникъ ея могъ быть двоякій: упоминаніе о Добрынѣ, если только первоначально не разумѣлся Тимоня, названный въ лѣтописномъ сводѣ, наименованномъ Тверскою лѣтописью, какъ бы указываетъ на былины: въ былинахъ Алеша ставится въ тѣсную связь съ Добрынею, и при немъ также есть слуга; но, съ другой стороны, могла быть отрывочная лѣтописная запись, въ которую потомъ было вставлено имя Добрыни; ее зналъ составитель такъ наз. Тверской лѣтописи и воспользовался ею. Быть можетъ, эта запись относилась къ участію Александра въ битвѣ на Авдовой горѣ (1216 г.).

стр. 98: „Убиша же на томъ бою и Александра Поповича *и съ слугою его Торопомъ и Добрыню Рязанича златаго пояса*, и седмдесятъ *великихъ и* храбрыхъ *богатырей*"; Никон. лѣтопись, II, 354.—Воскресенская (П. с. р. л. VII, 132). Хронографъ: изборникъ Попова, 38. Соф.

[1]) Хронографъ 1-й редакціи, составленный, по мнѣнію Попова, въ 1512 г., стр. 195: „В лѣто ҂ѕ҃.ѱ҃кє (1217) бысть бой князю Юрью Всеволодовичу со княземъ Константиномъ Ростовскимъ на рецѣ на Гдѣ и поможе Богъ Константину Всеволодовичу брату. а правда его же пришла, и было со княземъ Константиномъ два храбра. Добрыня златыи поасъ, да Александръ Поповичь с'своимъ слоугою с'Торопомъ". А. Поповъ, Обзоръ хроногр. русск. ред., вып. 1, М. 1866, стр. 196. Почти буквально тоже читаемъ въ Архангелогородской лѣтописи подъ 6725 г., но въ этой послѣдней замѣтно нѣкоторое подновленіе языка: вмѣсто „два храбра" читаемъ „два богатыря": *Весьма сходенъ* разсказъ, занесенный въ повѣсть объ Александрѣ Поповичѣ въ Тверской лѣтописи безъ означенія года (П. с р. л. XV, 337), но есть въ немъ и нѣкоторыя существенныя отличія: вмѣсто Добрыни Златаго Пояса названъ „Тимоня Золотой Поясъ"; о Константинѣ говорится, что онъ побѣдилъ „молитвами Пречистыя, *своею правдою* и тѣми же храбрыми"... а въ хронографѣ встрѣчаемъ какъ бы эпическое выраженіе: „а правда его же пришла". Повидимому, приведенное извѣстіе относится къ 1216 г: ср. въ Тверской лѣтописи подъ тѣмъ годомъ (стр. 323) и въ Никоновской (II, 323), въ которой при именахъ Александра и Добрыни стоитъ эпитетъ „славныя богатыри".

Въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ спискахъ встрѣчаемъ новую подробность: Александръ, который „бѣ силенъ и славенъ богатырь“, чуть-было не убилъ Мстислава и остановился только тогда, когда тотъ назвалъ себя. „И рече ему Поповичъ: „то ты не дерзай, но стой и смотри. Егда убо ты глава убіенъ будеши, камо другимъ дѣти [1])“. Кажется, должно признать въ этомъ случаѣ несообразность: трудно предположить, чтобы Александръ, одинъ изъ самыхъ видныхъ дружинниковъ Константина, не зналъ Мстислава, его союзника, да и наставленіе, преподанное Мстиславу, нѣсколько странно.—Невозможно рѣшить, заимствованъ ли этотъ разсказъ изъ древняго лѣтописнаго сказанія (эпическихъ подробностей не видно), или же присоединенъ позднѣе. Въ первомъ случаѣ онъ указывалъ бы на не дошедшій списокъ лѣтописи, или на одно изъ тѣхъ „описаній“, на которыя ссылался составитель такъ наз. Тверской лѣтописи (см. ниже), и которыя не всѣ были ему извѣстны, потому что онъ не передаетъ только что приведеннаго эпизода.

Въ высшей степени важна цѣльная повѣсть объ Александрѣ, занесенная въ лѣтописный сборникъ, носящій названіе Тверской лѣтописи и составленный въ 1534 году. Эта повѣсть подтверждаетъ выводъ, сдѣланный изъ разсмотрѣнія извѣстія Суздальскаго свода лѣтописей объ Александрѣ подъ 1224 г., именно,—что въ Суздальской землѣ обращались *народныя* преданія объ Александрѣ Поповичѣ (онъ же и „Олешка“), пріурочивавшія его къ началу XIII-го вѣка. Изъ Тверской лѣтописи видно также, что на основаніи народныхъ сказаній и лѣтописныхъ извѣстій въ Ростовской землѣ были составлены письменныя повѣсти объ Александрѣ. Составитель сборника ссылается на найденныя имъ сказанія, которыя онъ называетъ „описаніями“ [2]). Неизвѣстно, были ли они включены въ лѣтописи, или-же переписывались отдѣльно, но ихъ могло быть нѣсколько, и могли быть они написаны до 1512 г., когда былъ составленъ хронографъ 1-ой редакціи, передающій одно изъ извѣстій, внесенныхъ въ Тверскую лѣтопись. Повидимому, сказанія объ Александрѣ были составлены именно въ Ростовской землѣ [3]).

---

[1]) Никон. лѣт. II, 330—331.

[2]) П. с. р. л. XV, 335.

[3]) Ж. М. Н. Пр. 1876, № 12, ст. г. Тихомирова: „О сборникѣ, именуемомъ Тверскою лѣтописью“, стр. 270—271. Д. А. Корсаковъ, Меря и Ростовское княжество, Казань 1872, стр. 232.

Повѣсть объ Александрѣ Поповичѣ въ Тверской лѣтописи отличается цѣльностію и видимо представляетъ сводъ нѣсколькихъ данныхъ. Весьма важно опредѣлить источники ея. Она вставлена подъ 1224 годомъ, но передаетъ исторію Александра начиная съ княженія Всеволода и разсказываетъ затѣмъ объ участіи нашего витязя въ междоусобіи Всеволодовичей. Въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ необходимо, быть можетъ, предположить заимствованіе изъ лѣтописей или древнихъ письменныхъ сказаній [1]). Конечно, у книжника могла явиться охота пріурочивать къ имени былиннаго Александра битвы, участіе въ которыхъ не могло быть доказано древними свидѣтельствами. Но въ такомъ случаѣ предварительно долженъ былъ быть какой-нибудь поводъ къ тому въ народныхъ преданіяхъ: они должны были сообщать что-нибудь о богатырскихъ подвигахъ Александра въ защиту Ростова, который дорожилъ своимъ старѣйшинствомъ и потому могъ тщательно сохранять преданія о своихъ славныхъ защитникахъ И дѣйствительно, нельзя не замѣтить въ повѣствованіи Тверской лѣтописи, наряду съ книжными извѣстіями, слѣдовъ Ростовскихъ *народныхъ* сказаній, запись которыхъ вполнѣ понятна, если вспомнимъ, что составителемъ этого сборника былъ Ростовскій селянинъ, а Александръ также считался Ростовцемъ [2]). Въ сказаніи объ Александрѣ читаемъ о могилахъ воиновъ Юрія Всеволодовича, убитыхъ Александромъ: „Александръ же выходя многы люди великаго князя Юріа избиваше, ихже костей накладены могыли великы и *донынѣ* на рѣцѣ Ишнѣ, а иніи по ону страну рѣки Усіи .... а иніи побіени отъ Александра же подъ Угодичами, на Узѣ [3])“. Александръ „вскорѣ смысливъ посылаетъ своего слугу, ихже знаше храбрыхъ, прилучившихся въ то время, и съзываетъ

---

[1]) Изъ лѣтописей могли быть взяты точныя историческія подробности и частности, напр.,—о томъ, что въ бою на рѣкѣ Гзѣ „убиша у великого князя храбраго Юряту“. Вообще въ подробностяхъ нѣтъ анахронизмовъ.— Составитель сборника пользовался Суздальскою лѣтописью (ст. г. Тихомирова, стр. 265 и 266) и *не дошедшими до насъ Ростовскими лѣтописями* (тамъ-же, стр. 285). О Ростовскихъ лѣтописяхъ см. у Корсакова стр. 162, 230—231. Ростовская лѣтопись первой половины XIII стол. была ведена, по мнѣнію Д. А. Корсакова, современниками.

[2]) Только немногія былины выводятъ Алешу изъ Рязани.

[3]) П. с. р. л. XV, 337.

ихъ къ собѣ въ городѣ, обрытъ подъ Гремячимъ колодяземъ на рѣцѣ Гдѣ, иже и *нынѣ* той сопъ (насыпь) стоитъ пустъ [1])". Мы видимъ, что лѣтописецъ, передавая сказанія объ Александрѣ, дѣлалъ собственныя вставки, что имя Александра было пріурочиваемо къ нѣсколькимъ мѣстностямъ Суздальской земли. Мы не можемъ предположить въ послѣднемъ случаѣ подлогъ, можемъ вѣрить вполнѣ ссылкамъ автора на разсказы, ходившіе въ его время, не можемъ слѣдовательно усомниться въ народномъ происхожденіи переданныхъ имъ легендъ. Вопросъ можетъ быть только о томъ, насколько довѣрять преданіямъ? Въ исторіи былевыхъ и романическихъ цикловъ извѣстно немало примѣровъ подобнаго прикрѣпленія именъ дѣйствительныхъ и небывалыхъ героевъ къ различнымъ мѣстностямъ. Иной разъ подобныя мѣстныя легенды возникаютъ въ позднѣйшее время подъ вліяніемъ популярности извѣстнаго героя и какого-нибудь повода къ такому пріуроченію. Извѣстенъ у насъ цѣлый рядъ такихъ легендъ объ Ольгѣ. Не такъ было, можно думать, въ настоящемъ случаѣ. Здѣсь пріуроченіе вело начало, по всей вѣроятности, съ XIII-го столѣтія. Эти легенды не могли возникнуть книжнымъ путемъ, потому что древнѣйшія лѣтописи не говорили подробно объ Александрѣ и сказанія о немъ были составлены по народнымъ разсказамъ. Само собою разумѣется, нельзя думать, что всѣ эти преданія были справедливы, что они указывали мѣста дѣйствительныхъ подвиговъ Александра. Эти сказанія видимо получили въ нѣкоторыхъ случаяхъ уже эпическую окраску въ тотъ моментъ, когда по нимъ была составлена повѣсть объ Александрѣ: иначе какимъ образомъ въ народѣ могла держаться такъ долго память о мѣстѣ совѣщанія Александра съ другими „храбрыми" и рѣшенія отправиться на службу къ Кіевскому князю? Самый фактъ не возбуждаетъ сомнѣнія: отъѣздъ существовалъ и въ позднѣйшее время, тѣмъ легче могъ случиться до татарскаго нашествія. Замѣчательна и выдающаяся роль, какая усвоялась Александру въ преданіяхъ о бояхъ ратей Константина и Юрія; нельзя не замѣтить преувеличенія: на Александра видимо были перенесены подвиги, имъ не совершенные, иначе всѣ современныя Александру лѣтописи или большинство ихъ отмѣтили бы его замѣчательную храбрость, рѣшавшую исходъ битвъ.

---

[1]) П. стр. л. XV, 338.

Алешу должно считать потому витяземъ, поразившимъ народное воображеніе, но не настолько выдававшимся, чтобы обратить на себя вниманіе лѣтописцевъ. Такъ бываетъ нерѣдко въ народной поэзіи: народъ примется иной разъ за пѣсенное прославленіе лица, имя котораго не пользуется громкою извѣстностію въ документальной исторіи.

Замѣчательна еще одна подробность въ сказаніи Тверской лѣтописи объ Александрѣ Поповичѣ. По смерти князя Константина, Александръ позвалъ на совѣщаніе другихъ богатырей; рѣшено было оставить службу удѣльнымъ князьямъ, „понеже княземъ въ Руси велико неустроеніе и части боеве; тогда же рядъ положивше, яко служити имъ единому великому князю въ матери градомъ Кіевѣ“. Этотъ разсказъ пріобрѣтаетъ особую важность, если сопоставить его съ Мезенскою былиною, изданною г. Ефименкомъ, по которой Алеша отправился въ Кіевъ съ Ростовскою дружиною своего отца, освободилъ Кіевъ отъ Василія Прекраснаго и тогда только „познакомился“ съ Ильей Муромцомъ и Добрынею [1]). Совпаденія, замѣчаемыя въ лѣтописномъ разсказѣ и былинѣ, указываютъ на единство источниковъ. Вѣроятнѣе предположить, что составитель повѣсти зналъ былину объ Александрѣ, а не наоборотъ, т. е. что былина составлена на основаніи лѣтописи. Если справедливо первое предположеніе, то получается весьма важный выводъ: *Ростовскія* былины объ Александрѣ Поповичѣ были извѣстны составителю повѣсти о немъ и говорили о пріѣздѣ Александра въ Кіевъ, гдѣ онъ оказался заѣзжимъ богатыремъ, а не давнимъ членомъ богатырской дружины; тотчасъ Алешѣ по пріѣздѣ къ Кіеву пришлось сражаться съ врагами, подступившими къ городу. Подъ послѣдними былина могла разумѣть татаръ. Разсказъ Тверской лѣтописи разъясняетъ путь перехода Алеши въ циклъ Кіевскихъ былинъ. При обычномъ стремленіи былеваго эпоса къ объединенію, легко могъ быть сдѣланъ въ былинахъ объ Александрѣ шагъ впередъ: *кратковременность* пребыванія Александра въ Кіевѣ была постепенно забыта, утрачены были и пѣсенныя воспоминанія о подвигахъ Александра въ Ростовской землѣ, и его представили постояннымъ какъ бы богатыремъ Кіевскаго князя, а такъ какъ былевой эпосъ

---

[1]) Труды этнографическаго отдѣла Импер. Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при Московскомъ Университетѣ, кн. V, вып. II, М. 1878, стр. 25—32.

не зналъ другаго князя кромѣ Владимира, то Александръ превратился, наконецъ, въ одного изъ дружинниковъ Владимира.

Отсюда-то, вѣроятно, двоякія извѣстія объ Александрѣ Поповичѣ въ Никоновской лѣтописи: Александръ Поповичъ упоминается въ ней и при Владимирѣ I, и въ началѣ XIII-го столѣтія. На этомъ основаніи г. Квашнинъ-Самаринъ предположилъ, что Александра Поповича, Ростовскаго богатыря XIII-го столѣтія, должно отличать отъ богатыря, о которомъ говоритъ Никоновская лѣтопись [1]). Но существованіе Александра Поповича при Владимирѣ въ высшей степени сомнительно: о такомъ богатырѣ упомянули бы древнѣйшія лѣтописи, тѣмъ болѣе, что тогда имъ пришлось бы назвать лицо, весьма извѣстное народному былевому эпосу, да и разсказъ Никоновской лѣтописи невѣроятенъ, какъ то доказалъ Н. И. Костомаровъ. Притомъ въ лѣтописныхъ сводахъ встрѣчаемъ нерѣдко отнесеніе извѣстій объ одномъ лицѣ къ нѣсколькимъ. Правильнѣе будетъ думать, что, говоря объ Александрѣ при описаніи событій XIII-го столѣтія, авторъ Никоновской лѣтописи переписалъ извѣстія, встрѣченныя въ болѣе древнихъ лѣтописяхъ, а Александра, какъ богатыря Владимира, заимствовалъ изъ былинъ [2]). Говоря о княженіи Владимира, Никоновская лѣтопись приписываетъ Александру вмѣстѣ съ Усмошвецомъ двѣ побѣды надъ Печенѣгами и одну надъ *Половцами*. По мнѣнію Н. И. Костомарова [3]), „событія, въ которыхъ, по Никоновскому списку, участвуетъ Александръ Поповичъ, вымышлены книжникомъ“. Но извѣстіе о разбитіи Половцевъ, какъ на то указалъ затѣмъ и самъ Н. И. Костомаровъ, представляетъ интересъ, если сопоставить его съ былинами о борьбѣ Алеши съ Тугариномъ, въ которомъ видятъ Тугоркана, половецкаго хана [4]). Не было ли въ источникахъ, по которымъ составлено

---

[1]) Русскій Вѣстникъ 1874, № 10, стр. 786.

[2]) За это послѣднее предположеніе стоятъ многіе. Напр., Н. И. Костомаровъ думаетъ, что извѣстія о подвигахъ Александра включены въ разсказъ о Владимирѣ потому, что „уже существовалъ въ народномъ преданіи образъ богатыря временъ Владимира подъ такимъ названіемъ“. Историч. монографіи и изслѣд., т. XIII, стр. 204.

[3]) Ист. моногр. и изслѣд., XIII, 205.

[4]) Если уцѣлѣли на югѣ сказанія о Бонякѣ, то почему бы не остаться въ эпосѣ и имени Тугоркана?—Интересно, что существуютъ мѣстныя на-

повѣствованіе Никоновской лѣтописи, т. е. въ былинахъ того времени, упоминаній о борьбѣ богатырей съ Печенѣгами и Половцами? Когда Алеша былъ включенъ во Владимировъ циклъ, то и ему стали усвоять побѣды надъ кочевниками, подобно другимъ богатырямъ [1]).

Раздвояя извѣстія объ Александрѣ и раздѣляя ихъ промежуткомъ въ два столѣтія, называя Александра *богатыремъ* Владимира, Никоновская лѣтопись вводитъ насъ въ представленіе нынѣшнихъ былинъ, пріурочивающихъ Алешу ко времени Владимира и ко временамъ татарщины, и указываетъ въ тоже время на связь былиннаго героя съ личностію, которая, по древнимъ лѣтописямъ, жила въ XIII стол. Первоначально былины объ Алешѣ не выставляли его постояннымъ богатыремъ Владимира, но потомъ въ нихъ могло явиться колебаніе: однѣ продолжали изображать Алешу мѣстнымъ Ростовскимъ богатыремъ XIII-го столѣтія, а другія включали его уже въ составъ богатырской дружины Владиміра. Во всѣхъ лѣтописяхъ до Никоновской отразилось преимущественно первое представленіе, хотя встрѣчаются и намеки на связь Алеши съ Добрынею, въ Никоновскомъ лѣтописномъ сводѣ встрѣчаемъ отголоски того и другаго извода.

Мезенская былина про поѣздку Алеши въ Кіевъ устраняетъ предположеніе о томъ, что разсказъ Тверской лѣтописи о рѣшеніи Александра Поповича и остальныхъ храбрыхъ служить Кіевскому князю *придуманъ* для объясненія участія ихъ въ Калкскомъ побоищѣ: это сказаніе вело начало изстари и издавна обращалось въ народѣ; на то указываетъ и ссылка лѣтописи на „сопъ“.

Мы разобрали всѣ лѣтописныя свидѣльства объ Александрѣ Поповичѣ. Разсмотрѣніе ихъ приводитъ къ слѣдующимъ соображеніямъ. Въ XIII—XVI столѣтіяхъ въ Суздальской землѣ и преимущественно въ Ростовѣ обращались *народныя* эпическія (пѣсенныя и прозаическія [2]) сказанія о Ростовскомъ „храбромъ“ первой четверти XIII в.—

званія, напоминающія Тугарина, напр. *Тугариново* въ Новгородской губерніи. Колосовъ, Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области сѣверно-великорусскаго нарѣчія. Спб. 1876, стр. 28.

[1]) Ср. ниже иное объясненіе извѣстія Никоновской лѣтописи.

[2]) Пѣсню можно предположить въ основѣ сказанія о совѣщаніи Александра съ другими „храбрыми“ и о рѣшеніи ихъ отправиться въ Кіевъ. Напоминаетъ былины и лѣтописное извѣстіе о гибели *дружины семидесяти*

Александрѣ Поповичѣ. Эти сказанія представляли Александра мѣстнымъ удальцомъ, стоявшимъ во главѣ цѣлой дружины храбрыхъ [1]). Онъ былъ извѣстенъ подвигами личнаго мужества, какъ выдающійся дружинникъ Ростовскаго князя. Имя Александра было прикрѣплено къ могильнымъ насыпямъ въ различныхъ мѣстахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Суздальскія преданія считали важнымъ подвигомъ Александра участіе въ Калкской битвѣ и гибель за общерусское дѣло въ сонмѣ храброй дружины, съ которою раньше онъ отправился на югъ служить Кіевскому князю. То былъ единственный не мѣстный подвигъ Александра.—Популярность его имени и народныя преданія подали поводъ къ занесенію имени Александра въ Суздальскія лѣтописи. Невозможно опредѣлить, когда это случилось впервые, тотчасъ ли, вскорѣ ли послѣ Калкскаго боя, или же позднѣе. Нѣкоторыя извѣстія объ Александрѣ могли явиться въ лѣтописяхъ не позже 1224 г. Во всякомъ случаѣ въ XV-мъ столѣтіи, къ которому относится Академическій списокъ, въ Суздальской землѣ держалось еще отчетливое преданіе о гибели цѣлой дружины Суздальскихъ богатырей *на Калкѣ*, и, слѣдовательно, они не отожествлялись еще съ богатырями Владимира. Съ этимъ какъ бы согласуется то обстоятельство, что, повидимому, первенствующее значеніе въ этой дружинѣ усвоялось не Ильѣ, но Александру, а за нимъ Добрынѣ. Въ сообществѣ съ Добрыней Александръ является уже въ хронографѣ 1-й редакціи, т. е. до 1512 г. Это упоминаніе обоихъ богатырей рядомъ показываетъ, что къ началу XVI-го столѣтія Александръ вошелъ во Владимировъ циклъ и былъ поставленъ въ связь съ общерусскою дружиною богатырей Владимирова времени, которые были представлены также погибшими на Калкѣ. Одновременно съ Добрынею въ нѣкоторыхъ изводахъ взамѣнъ послѣдняго могъ быть называемъ Тимоня, соотвѣтствующій въ Тверской лѣтописи Добрынѣ другихъ лѣтописей. Вѣроятно, Добрыня былъ подставленъ вмѣсто Тимони позже, потому что въ современныхъ былинахъ о Добрынѣ

храбрыхъ въ бою съ татарами. Преданія, пріуроченныя къ извѣстнымъ мѣстностямъ, могли передаваться въ прозѣ.

[1]) Имена нѣкоторыхъ изъ нихъ названы въ Никоновской лѣтописи подъ 1216 г. (II, 326). Неизвѣстно точно, откуда они заимствованы. Нельзя ли видѣть въ нихъ слѣдъ Суздальскихъ сказаній о цѣломъ рядѣ богатырей? Ср. Ник. II, 320.

не встрѣчаемъ ни прозвища „Золотой поясъ“, ни намековъ на какія-нибудь обстоятельства, имѣющія отношеніе къ такому прозванію. Рѣшеніе Суздальскихъ храбрыхъ служить Кіевскому князю, какъ представителю *общихъ* интересовъ русской земли, и отказаться отъ служенія частнымъ интересамъ князей какъ бы указываетъ на то, что уже до 1534 г. (годъ составленія свода, именуемаго Тверскою лѣтописью) былевой эпосъ и въ Суздальской землѣ проникся общерусскимъ земскимъ характеромъ, составляющимъ, какъ то обстоятельно выяснено О. Ѳ. Миллеромъ, отличіе нашихъ былинъ отъ подобныхъ произведеній другихъ народовъ.—Имя Александръ уже замѣнено было въ нѣкоторыхъ пересказахъ именемъ Алешки, но Алеша еще не имѣлъ той дурной славы, какая досталась ему въ позднѣйшихъ былинахъ. Правда, упоминаніе объ Александрѣ въ связи съ Добрыней можетъ намекать на извѣстность въ то уже время святовства Алеши за Настасью Микулишну, но подобное предположеніе устраняется тѣмъ освѣщеніемъ, какое придано въ Тверской лѣтописи образу Александра: авторъ повѣсти не намекаетъ ни единымъ словомъ на какія-нибудь неблаговидныя похожденія Александра; напротивъ, поступки послѣдняго рисуютъ намъ его въ величавомъ видѣ, чуждымъ лукавства. Алешѣ принадлежало первенство въ дружинѣ Суздальскихъ храбрыхъ, и еще не было отведено ему то мѣсто, какое онъ занимаетъ въ позднѣйшихъ былинахъ: полнаго включенія Александра въ кругъ богатырей Владимира еще не было. О томъ свидѣтельствуетъ повѣсть объ Александрѣ, занесенная въ Тверскую лѣтопись. Впрочемъ, повѣсть могла быть составлена по древнимъ сказаніямъ, записаннымъ до XVI-го столѣтія.

Таковымъ, кажется мнѣ, можно представлять содержаніе былинъ объ Александрѣ (онъ же и Алеша) Поповичѣ до половины XVI-го столѣтія, насколько оно можетъ быть возстановлено по лѣтописнымъ извѣстіямъ.

Возникаетъ вопросъ: насколько эти народныя и лѣтописныя сказанія были согласны съ дѣйствительностію? Какъ понимать отношеніе общерусской и мѣстной стихій этихъ сказаній, т. е. была ли основана и та и другая на дѣйствительныхъ событіяхъ, или же которая-нибудь изъ нихъ явилась послѣ другой, привзошла потомъ въ сказанія объ Александрѣ? Другими словами: развились ли сказанія объ Алешѣ пер-

воначально въ Суздальской землѣ, или же были занесены туда извнѣ, съ юга, и нашли тамъ воспріимчивую почву? Далѣе: на самомъ ли дѣлѣ участвовалъ Алеша въ Калкской битвѣ, или же былъ потомъ включенъ Суздальцами въ кругъ общерусской богатырской дружины, погибшей на Калкѣ по представленію народнаго эпоса?

Мнѣ кажется, что Александръ Поповичъ былъ храбрымъ Ростовскимъ дружинникомъ первой четверти XIII-го вѣка. Невозможно утверждать безъ всякихъ оговорокъ историческое существованіе Александра, потому что нельзя *доказать*, что древнѣйшія лѣтописныя свидѣтельства о немъ современны ему, но, съ другой стороны, нѣтъ основаній отрицать возможность весьма ранней записи преданій объ Александрѣ: они могли войдти въ ту Ростовскую лѣтопись, которой до насъ дошли только отрывки. Но и безъ этого послѣдняго предположенія личность Александра не возбуждаетъ сомнѣній; она въ высшей степени вѣроятна, насколько можетъ быть приписываемо историческое существованіе героямъ преданій, прикрѣпленныхъ съ самаго начала къ мѣстнымъ памятникамъ крупныхъ историческихъ событій. Невозможно думать, что богатырь времени Владимира былъ перенесенъ нѣсколькими лѣтописцами въ XIII-е столѣтіе [1]) въ угоду мѣстному патріотизму. Если они помѣщали Александра въ Ростовской землѣ начала XIII-го вѣка, то толжны были имѣть поводъ и основаніе въ довольно отчетливомъ народномъ преданіи, если не въ документальныхъ данныхъ. Преданіе, которымъ они могли воспользоваться, не было слишкомъ удалено отъ 1223 года и могло вести начало съ того времени [2]). Оно должно было живо сохраняться въ Ростовской землѣ, потому что связывалось съ лучшими днями Ростова, съ годами его самостоятельнаго значенія и правленія въ немъ любимаго князя Константина. Должно признать потому за преданіемъ объ Александрѣ историческую основу и съ полнымъ правомъ можно думать, что ска-

---

[1]) Отрицаетъ подобную возможность и Н. И. Костомаровъ: Ист. мон. XIII, 204.

[2]) Рѣшеніе „храбрыхъ“ отправиться на югъ, которое могло быть передано авторомъ повѣсти объ Александрѣ со словъ народныхъ преданій, могло явиться въ былевомъ эпосѣ сѣверо-востока въ то время, когда Кіевъ сохранялъ еще свое значеніе.

занія о немъ возникли историческимъ путемъ, и личность его историческая [1]).

Невозможно установить съ несомнѣнною достовѣрностію, участвовалъ ли Александръ Поповичъ въ Калкскомъ боѣ, такъ какъ нѣтъ современныхъ указаній, но всѣ соображенія приводятъ къ утвердительному рѣшенію этого вопроса. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ разсказѣ о переходѣ Александра не задолго до Калкской битвы на службу къ Кіевскому князю. Неизвѣстно, гдѣ впервые возникли былины о гибели русскихъ витязей на Калкѣ, но несомнѣнно, что онѣ были извѣстны въ Суздальской землѣ: это подтверждается не только разсмотрѣнными нами лѣтописными извѣстіями объ убіеніи 70 богатырей, но и записанною недавно былиною про бой Ильи Муромца съ Мамаемъ: татарская рать была вся изрублена, но похвальба братьевъ *Суздальцовъ* воскресила силу Мамаеву, которая все возрастала подъ ударами Русскихъ богатырей, пока не принесъ покаянія Илья Муромецъ [2]). Можно признать въ этой былинѣ остатокъ *Суздальскихъ пѣсенъ* о боѣ витязей съ татарами: онѣ могли относиться ко второму татарскому нашествію и потомъ слиться съ пѣснями о Калкскомъ боѣ, но могли и сразу относиться къ этому послѣднему: судьба Александра Поповича и его товарищей, столь извѣстныхъ въ Ростовской землѣ, могла интересовать ихъ земляковъ и послѣ ухода витязей на югъ [3]), и былины объ Але-

---

[1]) Интересно, что въ разсказѣ объ убіеніи Василька Константиновича Ростовскаго татарами упоминается какой-то „боголюбивый Андреянъ *Поповичъ*“. Впрочемъ, это прозвище было распространено, и въ числѣ новгородцевъ, убитыхъ во время Липецкаго сраженія, названъ „Иванко *Поповичъ*“.

[2]) Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи, собранные Ефименкомъ, стр. 35.

[3]) По мнѣнію Н. И. Костомарова (Историч. моногр. и изслѣд., XIII, 203), „нѣтъ основаній принимать, чтобъ“ Александръ Поповичъ, падшій въ битвѣ при Калкѣ, „было историческое лицо одно и тоже съ Александромъ Поповичемъ, богатыремъ Ростовскимъ. На Калкѣ участвовали только южнорусскіе князья съ ихъ дружинами и ратью“. Это возраженіе устраняется извѣстіемъ о предварительномъ переходѣ Александра на югъ, которое не можетъ возбуждать сомнѣній и которое Д. А. Корсаковъ считаетъ вполнѣ заслуживающимъ вѣры. Нѣтъ нигдѣ намековъ на то, чтобы можно было принимать въ данномъ случаѣ двухъ одноименныхъ витязей.

ксандрѣ и другихъ Суздальцахъ могли сложиться въ народѣ вскорѣ послѣ побоища. Замѣтимъ, что изъ всѣхъ сѣверныхъ князей только одинъ *Ростовскій* обнаружилъ готовность присоединиться къ южному ополченію, собиравшемуся противъ татаръ. Онъ опоздалъ и воротился домой, узнавъ о злополучномъ исходѣ боя, но важно было, что въ Ростовѣ должны были немало говорить о бѣдствіяхъ, постигшихъ русскую землю.

Мы знаемъ теперь, каковы были древнѣйшія народныя сказанія объ Александрѣ и о боѣ витязей съ татарами, знаемъ также историческую основу ихъ.

Во время составленія Никоновскаго свода лѣтописей Александръ былъ рѣшительно причисленъ къ витязямъ Владимира, а эти послѣдніе были названы богатырями, каковое обозначеніе было распространено въ XVI-мъ столѣтіи и на югѣ. Тѣмъ не менѣе, Алешѣ приписывались важные *отдѣльные* подвиги въ защиту Кіева отъ кочевниковъ. Разсказъ Никоновской лѣтописи, какъ было уже сказано, представляетъ какъ бы переходъ къ современнымъ былинамъ объ Алешѣ, въ которыхъ имѣются весьма скудные отголоски древнѣйшаго извода сказаній объ Александрѣ, занесеннаго въ Тверскую лѣтопись. Такіе отголоски сохранились въ былинѣ, гдѣ Алеша со своей Ростовской дружиной оказывается стоящимъ особнякомъ отъ богатырей Владимира и поздно вступаетъ въ ихъ кругъ [1]). Повѣсть этой былины объ освобожденіи

---

[1]) „Матеріалы“ Ефименка, стр. 25 и сл.

[2]) Въ „Старинѣ про Илью Муромца“ Василій Прекрасный названъ любимымъ зятемъ Мамая (тамъ же, стр. 32). Ср. разсказъ Никоновской лѣтописи подъ 1000 годомъ (П. с. р. л. IX, 68) объ отраженіи Александромъ отъ *Кіева* Володаря съ Половцами. Интересно, что и въ былинѣ, и въ лѣтописи предводитель нападающихъ носитъ христіанское имя. По лѣтописи, „Александръ множество Половецъ изби, а иныхъ въ *поле прогна*“; по былинѣ Алеша и его спутники, „*прибили* тое силу рать великую, кое сами, кое кони топчутъ, и разбѣжалась рать сила великая по тому *полю* широкому“. По словамъ лѣтописца „Володимеръ возрадовася зѣло, и возложи на нь *гривну злату*, и сотвори и вельможа въ *палатѣ* своей“; былина сообщаетъ, что Апраксія „брала Алешиньку за бѣлу руку и вела его *въ гридни столовыя*.... и стали Алешиньку тутъ жаловать: села съ приселками, города съ пригородками, а *казна* то была ему не закрыта“. Заим-

Алешею Кіева отъ Василія Прекраснаго, т. е. отъ татаръ [2]), напоминаетъ разсказъ Никоновской лѣтописи объ отраженіи Александромъ Половцевъ отъ Кіева, а съ другой стороны является однимъ изъ пересказовъ былинъ о подвигахъ, совершенныхъ Александромъ съ Суздальцами на югѣ, можетъ быть—на Калкѣ.

Записанныя въ прошломъ и настоящемъ столѣтіяхъ былины представляютъ Алешу въ большинствѣ случаевъ однимъ изъ богатырей Владимира, притомъ не главнымъ; Александръ сражается съ татарами въ дружинѣ, въ которой немного Суздальцевъ, а по другимъ изводамъ и совсѣмъ нѣтъ. Нынѣшнія былины не знаютъ битвы на *Калкѣ*: онѣ говорятъ о боѣ богатырей съ татарами на *Сафатъ рѣкѣ* и въ другихъ мѣстностяхъ и приписываютъ этотъ подвигъ не 70 богатырямъ XIII вѣка, а богатырямъ Владимира: *эти послѣдніе* не устояли въ боѣ съ татарами. Современныя былины излагаютъ это событіе довольно фантастично и даютъ ему особый исходъ.

Тѣмъ не менѣе, современныя „старины“ объ Алешѣ несомнѣнно связаны съ древними пѣснями и преданіями объ Александрѣ Поповичѣ и представляютъ дальнѣйшую переработку ихъ. На то указываетъ не только единство имени героя тѣхъ и другихъ [1]), одинаковость происхожденія, но и нѣкоторыя другія частности. Алеша все тотъ же удалецъ, какимъ изображаетъ его Тверская лѣтопись: былины называютъ его „напускомъ смѣлымъ“. Этому качеству Алеши завидуетъ и Добрыня и, жалуясь матери на свою безталанность, говоритъ ей о себѣ:

Ты бы смѣлостью спородила
Въ Олешеньку Поповича.

ствуя матеріалъ изъ былины, лѣтописецъ могъ вмѣсто татаръ или вообще „силы невѣрной“ поставить Половцевъ.

[1]) Въ разсказѣ Тверской лѣтописи о Липецкой битвѣ Александръ Поповичъ названъ Олешкой; что при этомъ разумѣлся Александръ, видно изъ упоминанія Торопа и Тимони рядомъ съ Олешкою (П. с. р. л. XV, стр. 323). Торопъ упоминался въ былинахъ еще въ прошломъ столѣтіи. Ср. у Л. Н. Майкова, О былинахъ Владимірова цикла, Спб. 1863, стр. 25—26.

Только Алеша отличается отъ другихъ богатырей горячностію и задоромъ, доходящимъ иногда до безразсудства.

Равнымъ образомъ въ нынѣшнихъ былинахъ о гибели витязей можно признать позднѣйшую передѣлку древней пѣсни о Калкскомъ побоищѣ: въ былинахъ, какъ и въ древнемъ сказаніи, выступаетъ небольшая богатырская дружина; и тамъ, и здѣсь выдаются Алеша и Добрыня, но современныя былины выводятъ еще Илью; оканчивается бой съ татарами гибелью возгордившихся витязей или ихъ кончиною; гнѣвъ Божій погубила, по лѣтописямъ, и Калкскихъ храбрецовъ [1]).

Попытаемся разсмотрѣть, какъ сложились интересующія насъ здѣсь современныя былинныя повѣствованія. Займемся сначала пѣснями о томъ, какъ перевелись витязи на святой Руси, а затѣмъ былинами, относящимися къ Алешѣ въ частности.

Былины о кончинѣ богатырей должны занять насъ прежде всего, потому что онѣ изначала имѣли первенствующее значеніе въ ряду сказаній объ Алешѣ [2]) и скрѣпили связь его съ богатырями Владимира; впервые эти былины ввели Алешу въ кругъ исконныхъ защитниковъ Русской земли, и тѣмъ было положено начало новому направленію въ развитіи пѣсенъ объ Алешѣ.

Современныя былины о гибели богатырей получаютъ надлежащій смыслъ и объясненіе только при совмѣстномъ изученіи всѣхъ пересказовъ.

По этимъ былинамъ, богатыри Владимира (по нѣкоторымъ пересказамъ вмѣстѣ съ ними былъ и Василій Буслаевичъ [3]) поразили

---

[1]) Царств. лѣт., стр. 98; Ник. II, 354.

[2]) На то какъ бы указываетъ раннее и самое распространенное упоминаніе лѣтописей объ участіи Александра въ битвѣ при Калкѣ и то, что въ настоящее время почти нѣтъ былинъ о подвигахъ Алеши на сѣверѣ.

[3]) Въ былинахъ, называющихъ Василія, можно видѣть новгородскій изводъ сказанія о гибели богатырей, которое рано сдѣлалось извѣстнымъ въ Новгородскихъ земляхъ, если только указаніе на то сохранилось въ упоминаніи Новгородской лѣтописи о гибели Александра при Калкѣ.

силу бусурманскую, но потомъ нѣкоторые (Алеша, Илья, Суздальцы) возгордились, стали похваляться, что могутъ справиться и съ силою піздѣшнею (по другимъ варіантамъ—небесною), и тотчасъ же воскресла сила побитая (по др. пересказамъ—явились двое воителей), и сколько ни разили ее богатыри, она росла подъ ихъ ударами, увеличивалась вдвое или впятеро и шла все на витязей съ боемъ. Богатыри не устояли. Судьба ихъ передается различно: то они побѣжали въ каменныя горы и окаменѣли тамъ въ темныхъ пещерахъ, то „пересѣлися", то послѣ покаянія въ „глупыхъ словахъ братьевъ Суздальцей", принесеннаго Ильей, „повалилась сила кроволитная", а „удалы садились на добрыхъ коней, поѣхали ко городу Кіеву, въ тѣже пещеры во Кіевски; тамъ всѣ они и представилися"; наконецъ, по одному изводу

Прибились они, примучились,
И другъ другаго прикололи прирѣзали,
Не осталось на Руси богатырей.

По всей вѣроятности, болѣе удалились отъ первоначальнаго вида сказаній тѣ былины, которыя пріурочиваютъ гибель или кончину богатырей къ нашествію на Кіевъ Калина царя; послѣ вызова съ его стороны богатыри отправились въ поле, и Илья съ Ермакомъ „прирубили всѣхъ татаръ да поганыихъ

На этоемъ на поли да на чистоемъ,
У этой у рѣки да у Смородины;
У того ли дуба у ши́рока,
У того ль у камени у Олатыря.

Слѣдуетъ похвальба Ильи, бой съ татарами, которыхъ не могъ одолѣть,

Да пересѣлся-то старо́й казакъ Илья Муромецъ...
Ока́менѣлъ его конь да богатырскои,
И сдѣлалися мощи да святыи
Да со старà казака Ильи Мурамца.

Другая былина того же пересказа опредѣляетъ мѣсто боя иначе:

онъ происходилъ у богатырской заставы, у дуба Невида, у Креста Леванидова, у бѣлаго камня Олатыря [1]).

Кончину богатырей, о которой повѣствуютъ эти былины, объясняли различно. Ѳ. И. Буслаевъ думалъ, что миѳъ о превращеніи богатырей въ камни или скалы „первоначально относился къ великанамъ и богатырямъ породы старшей или титанической“ и былъ перенесенъ на „младшихъ богатырей“ впослѣдствіи. Окаменѣніе изъясняли при этомъ обычнымъ способомъ, какой широко и постоянно примѣняютъ послѣдователи теоріи Куна и Шварца, и думали, что „въ основѣ всѣхъ подобныхъ преданій заключается древній общенародный миѳъ объ окаменѣніи на зимнее время“; потомъ это миѳическое сказаніе получило иной смыслъ съ примѣненіемъ его къ былевымъ героямъ (Аѳанасьевъ, О. Ѳ. Миллеръ). О. Ѳ. Миллеръ думалъ прежде, что „тѣ воители, или та нездѣшняя (небесная) сила, которая *поискала* Илью и прочихъ младшихъ богатырей, должны быть признаны ангелами“. Богатыри были сведены съ лица земли подъ вліяніемъ духовной письменности, осуждавшей богатырство, „какъ избытокъ все-же *тѣлесныхъ* силъ [2])“. Къ такому же толкованію склоняется и А. Н. Веселовскій, по мнѣнію котораго „старые герои удаляются на склонѣ дней, побѣжденные христіанской идеей, въ пещеры, въ горы, т. е. въ монастыри“ [3]). Рыбниковъ полагалъ, что „на первый разъ въ Татарщинѣ олицетворилась сила, которая „переступитъ черезъ великъ законъ“. Наши богатыри довольны мгновенной побѣдой и въ самодовольствѣ проговариваются.... Народный смыслъ придалъ ихъ наказанію за распущенность силы удивительно наглядный смыслъ“. О. Ѳ. Миллеръ соглашается теперь съ этимъ объясненіемъ и вмѣстѣ думаетъ, что пѣсни о томъ, какъ „не

---

[1]) Былины о гибели богатырей: Кирѣевскій, IV, 108—115 (перепечатка текста, помѣщеннаго Меемъ въ „Сынѣ Отечества“ 1856 г.); Шевыревъ, Ист. р. слов., I.—Рыбниковъ I, 118—119; Гильфердингъ, стр. 655—659 и 704—711; Ефименко, 32—35. Подробный разборъ нѣкоторыхъ изъ этихъ пересказовъ, въ особенности записаннаго Меемъ, см. у О. Ѳ. Миллера: И. Муромецъ, 789 и слѣд. Ранѣе О. Ѳ. Миллера заподозрилъ порчу текста, напечатаннаго Меемъ, издатель пѣсенъ, собранныхъ Кирѣевскимъ. Ср. замѣтку Колосова въ „Филологич. Зап.“ 1875 г., вып. II, стр. 41.

[2]) Илья Мур. и богат. Кіевское, 792 и сл.

[3]) Южно-русскія былины, Спб. 1881, стр. 34.

осталось на Руси богатырей", являются живымъ остаткомъ того древняго вида сказанія, слѣдъ котораго въ свое время отпечатлѣлся въ лѣтописной повѣсти о побоищѣ на Калкѣ [1])". Наиранѣе подобное сближеніе сдѣлалъ, впрочемъ—отрывочно, Л. Н. Майковъ [2]).

Кажется, что это послѣднее объясненіе можетъ быть признано наиболѣе вѣрнымъ. Историческая основа былины о томъ, какъ „не осталось на Руси богатырей", ясно виднѣется сквозь оболочку обычной былевой фантастики. Былина изображаетъ гибель всѣхъ русскихъ богатырей въ бою съ татарами: даже въ тѣхъ варіантахъ, которые говорятъ о силѣ нездѣшней, предварительно упоминается татарченокъ или огромная сила; по нѣкоторымъ пересказамъ, подъ ударами богатырей увеличивалась сила татарская. До Куликовской битвы Русь выступила противъ татаръ только одинъ разъ въ болѣе или менѣе сплоченномъ ополченіи—въ 1223 г., и скорѣе всего этотъ погромъ могъ отразиться въ нашей былинѣ. Правда, Суздальскіе князья попытались противопоставить татарамъ вооруженное сопротивленіе 14 лѣтъ спустя, но сраженіе на Сити не имѣло такого общерусскаго значенія, какъ бой Калкскій. Древнія былины, какъ мы видѣли изъ разбора лѣтописныхъ показаній, повѣствовали о гибели Александра и другихъ богатырей на Калкѣ. Многія частности современной былины съ наибольшею вѣроятностію могутъ быть отнесены также къ погрому 1223 г. Мнѣ кажется, можно признать разительное совпаденіе подробностей былины съ лѣтописнымъ сказаніемъ о Калкскомъ побоищѣ [3]). По лѣтописи при Калкѣ погибъ цвѣтъ южнорусскихъ дружинъ; лѣтописи говорятъ о многихъ храбрецахъ,

---

[1]) Галаховъ, Исторія русской словесности, т. I², стр. 89.

[2]) О былинахъ Владимірова цикла, стр. 26.

[3]) При сопоставленіи мы будемъ придерживаться преимущественно текста сказанія о Калкскомъ побоищѣ, который внесенъ въ галицко-волынскую лѣтопись и составленъ современникомъ, волынцемъ или галичаниномъ. См. К. Н. Бестужева—Рюмина „О составѣ русскихъ лѣтописей до конца XIV вѣка", стр. 154. Ср. ст. г. Куника „О признаніи 1223 года временемъ битвы при Калкѣ" въ Учен. Зап. Имп. Ак. Н. по 1 и 3 отд., т. II, стр. 765 и 779. Выраженіе, въ которомъ видѣли указаніе на то, что авторъ сказанія о Калкскомъ побоищѣ былъ современникъ его, въ новѣйшемъ изданіи Ипатскаго списка читается иначе: „всяномъ"; въ рукописяхъ стоитъ „всянамъ"; не описка ли?

падшихъ тамъ: „быть побѣда на всі князи Рускыя, такоже не бывало никогда же [1])“; по былинѣ сражались съ татарами или силою нездѣшнею и окончили затѣмъ свою жизнь *всѣ* богатыри Владимира, и послѣ того на Руси не осталось богатырей. Съ точки зрѣнія сѣверянина южнорусскіе князья, предпринявшіе походъ противъ татаръ, поступили самонадѣянно: собравшись въ Кіевѣ, они разсуждали безъ „Юрья князя великаго Суждальскаго“, котораго „не бы в томъ с(ъ)вѣтѣ [2])“. Князья, въ особенности молодые, (напр. Даніилъ, который былъ „дерзъ и храборъ, отъ главы и до ногу его не бѣ на немь порока) [3])“, относились горделиво къ татарамъ и даже бой начали съ ними не съобща: Мстиславъ Мстиславичъ ударилъ первый, желая превзойти другихъ князей, и не оповѣстилъ ихъ о томъ [4]). Та же самонадѣянность и гордыня погубили былинныхъ богатырей. По нѣкоторымъ варіантамъ, еще до боя всѣ богатыри расхвастались въ Кіевѣ на пиру у Владимира, а начало положилъ самъ князь:

Онъ похвастаё а вѣдь городомъ,
А вѣдь городомъ а вѣдь Кіевомъ;
Русскіи могучіи бога́тыри
А похвастали-то они силою,
А силою своею богатырскою [5])...

Когда послѣ пира всѣ разошлись по домамъ, ночью вдругъ была поднята тревога звономъ на княженецкомъ дворѣ: „пришолъ татаринъ

---

[1]) Ипатскій списокъ, изд. 1871, стр. 497.

[2]) Тамъ-же, стр. 495.

[3]) Ип. 497. Въ былинахъ напоминаетъ Даніила до извѣстной степени Ермакъ, который также рвался въ бой.

[4]) Даже одинъ арабскій историкъ, современный первому нашествію татаръ, приписалъ пораженіе, вѣроятно со словъ русскихъ купцовъ, тому, что Русскіе и Кыпчаки считали себя безопасными отъ Татаръ и мечтали о своемъ превосходствѣ надъ ними“. Учен. Зап. И. А. Н. по 1 и 3 отд., т. II стр. 661.

[5]) Хвастовство упоминается, впрочемъ, почти во всякомъ былинномъ описаніи пира, и хвастаютъ на пиру не только у Владимира, но и у Грознаго, у короля Политовскаго и у Водянаго царя. Богатырь не хваставшій вызывалъ удивленіе (Гильфердингъ 335).

поганыи [1])". оД извѣстной степени это мѣсто былины напоминаетъ отзывъ нѣкоторыхъ изводовъ лѣтописнаго сказанія о совѣщаніи русскихъ князей и объ ихъ гордости предъ походомъ на Калку [2]). Какъ позднѣе татарское иго считалось карой, ниспосланной намъ за наши грѣхи, такъ и на Калкское пораженіе наши предки взглянули, какъ на несчастіе, постигшее „грѣхъ ради нашихъ", „за прегрешение крестьяньское": Богъ ожидалъ „покаяния крестьяньскаго [3])". Татары представлялись „неслыханною, невиданною ратью" [4]). Болѣе подробно передается подобное впечатлѣніе и вмѣстѣ мнѣніе объ особенномъ назначеніи этого народа въ позднѣйшихъ изводахъ лѣтописей. Вотъ, напр., какъ начинается „Повѣсть о Калкацкомъ побоищѣ, и о князехъ Рускыхъ, и о храбрыхъ 70" въ Тверской лѣтописи: „По грѣхомь нашимъ, пріидоша языци незнаеми, безбожніи Моявитяне, ихже никтоже добрѣ не вѣсть ясно, кто суть, и отколѣ изыдоша, и что языкъ ихъ, и которого племени суть, и что вѣра ихъ; и зовуть я Татари, а иніи глаголють Таурмени, а друзіи Печенѣзи. Иніи же глаголють, яко сіи суть, о нихъ же Мефодій, епископь Паторомскій, свѣдительствуетъ, яко сіи суть вышли ис пустыня Ефровскіа, сущи межи въстока и сѣвера. Тако бо глаголеть Мефодій: яко въ скончаніе времени явитися имъ, ихже загна тамо Гедеонъ, и изшедше оттуду поплѣнятъ всю землю.. . Богъ же вѣсть единъ, кто суть и отколѣ изыдоша [5])...." „...и не свѣдаемъ, откуду были пришли, и камо ся дѣли; единь Богъ вѣсть, откуду приведе, за грѣхы наша, и за похвалу и гордость вели-

---

[1]) Гильфердингъ, стр. 655.

[2]) П. с. р. л. XV, 336: „...не сихъ же (т. е. татаръ) ради сіе случися, но гордости ради и величаніа Рускыхъ князь попусти Богъ сему быти. Бѣша бо князи храбры мнози, и высокоумны, и мнящеся своею храбростію съдѣловающе; имѣяхутъ же и дружину многу и храбру, и тою величающеся..." Стр. 338: „...и быша челомъ вси тыи (т. е. Суздальскіе) храбрыи великому князю Мьстиславу Романовичу, о нихже князь великій велми гордящеся и хваляшеся, донележе сіа злоба съключися....." ср. еще на стр. 343 заключеніе.

[3]) Ип. 497.

[4]) Ип. 495. Цезарій Гейстербахскій писалъ о татарахъ 1223 года: „de qua (gente) nobis non constat, quae sit, unde veniat, vel quo tendat".

[5]) П. с. р. л. XV, 335—336.

каго князя Мстислава Романовича [1])". Былинные богатыри погибли отъ „силы нездѣшней", которая, какъ уже было сказано, въ нѣкоторыхъ варіантахъ прямо отожествляется съ силою татарскою. Мнѣ кажется, что такое названіе—самое древнее былинное представленіе, относящееся къ тому же времени, что и повѣсть о Калкскомъ побоищѣ, потому что и былины, и лѣтописи въ этомъ случаѣ разительно согласны. Потомъ силу „нездѣшнюю" могли превратить легко въ „небесную", утративъ первоначальный смыслъ этого обозначенія, и тогда взамѣнъ воскресшихъ супостатовъ были выведены витязи небесные. Важно также совпаденіе болѣе мелкихъ частностей. По лѣтописямъ русское ополченіе погибло не въ одинъ день; по Архангельской былинѣ бой продолжался шесть сутокъ [2]). Далѣе, и по былинамъ невзгода постигла витязей *въ полѣ*. Быть можетъ, даже отголоски названія Калки уцѣлѣли въ нѣкоторыхъ былинахъ [3]). Итакъ, историческая основа былинъ о гибели или о кончинѣ богатырей несомнѣнна.

Какъ нельзя болѣе понятно возникновеніе подобныхъ былинъ.

Въ XII и XIII вв. предметомъ пѣсенъ, былинъ, становились всѣ замѣчательныя событія народной жизни. Былевая поэзія не только прославляла военныя удачи; въ ней отражались и невзгоды; о томъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, „Слово о полку Игоревѣ".

Первое и второе татарскія нашествія страшно поразили народное воображеніе. Даже на Западѣ народъ долго не могъ забыть имя Батыя [4]), а у насъ нѣкоторыя мѣстности и теперь носятъ его имя. Тѣмъ отзывчивѣе должна была быть народная пѣсня. Насколько ей было памятно татарское нашествіе, видно изъ множества сказаній о бояхъ съ татарами въ нашихъ былинахъ. Одиночный бой съ татарами приписывается многимъ богатырямъ, въ томъ числѣ и Алешѣ [5]).

---

[1]) Тамъ-же, 343.

[2]) „Матеріалы" Ефименка, 35.

[3]) Не явилась ли рѣка Салфа въ нѣкоторыхъ былинахъ взамѣнъ Калки? По крайней мѣрѣ, Салфу мы встрѣтили въ былинахъ, имѣющихъ отношеніе къ бою съ татарами. См. ниже. Отъ Салфы былъ легокъ переходъ къ Сафатъ рѣкѣ.

[4]) Нѣкоторые готовы допустить слѣды народной былевой пѣсни въ разсказѣ Длугоша о геройскихъ подвигахъ Іоанна Ивановича въ Лигницкой битвѣ. Girgensohn, Kritische Untersuchung über das VII. Buch der Historia Polonica des Dlugosch, Göttingen 1872, S. 81.

[5]) Гильф., 247. Кажется, что нѣкоторыя изъ этихъ былинъ о боѣ того или

Въ былинахъ, разсказывающихъ о нападеніяхъ татаръ, замѣчаются воспоминанія о нѣсколькихъ событіяхъ XIII-го столѣтія. Насъ интересуютъ здѣсь только пѣсни, относящіяся къ Калкскому побоищу, и тѣ подробности послѣднихъ, которыя затемнили первоначальную основу.

Если разсматриваемая нами пѣсня о неудачѣ при Калкѣ возникла въ Суздальской землѣ непосредственно вслѣдъ за побоищемъ, что́ весьма вѣроятно [1]), то въ ней не могли сразу выступать богатыри Владимира, и вниманіе могло сосредоточиваться не столько на отдѣльныхъ личностяхъ, сколько на общей гибели всѣхъ бывшихъ тамъ русскихъ витязей. Но сразу разсматриваемая былина могла украситься обычными въ этихъ случаяхъ поэтическими мотивами, составляющими принадлежность былеваго стиля, общую многимъ народамъ.

Мы видѣли, что современники Калкскаго побоища не только на

другаго богатыря съ татарами или татариномъ имѣютъ отношеніе къ пѣснямъ о Калкскомъ боѣ. Ср., напр., съ послѣдними пѣсни о боѣ Ильи Муромца (Кирѣевскій I, №№ 1, 2, 3); подробности тѣже: „опочивъ“, злой татарченокъ.

[1]) Послѣ 1238 г. народное воображеніе было занято новою бѣдою. Извѣстіе, переданное Матѳеемъ, также указываетъ на раннее возникновеніе сказанія о гибели *70* (у Матѳея 72) богатырей. Вѣсть о калкскомъ пораженіи быстро разнеслась по Руси и должна была поразить тѣмъ болѣе, что и приготовленія къ походу были шумны и являлись общерусскимъ предпріятіемъ. По сообщенію Генриха Латыша, зимою $12^{22}/_{23}$ „пронеслась рѣчь по всей Руси: биться съ Татарами“. По словамъ Лаврентьевскаго списка, послѣ пораженія „бысть плачь и туга въ Руси и по всей земли слышавшимъ сію бѣду“.—На составленіе въ Суздалѣ былины о Калкскомъ боѣ указываетъ не только упоминаніе Суздальцевъ въ одномъ варіантѣ, но и раннее занесеніе ея въ сѣверо-восточныя лѣтописи и первенствующее значеніе Алеши въ древнихъ изводахъ, отголоскомъ чего является и теперь варіантъ, по которому на витязей накликалъ бѣду Алеша. Въ Суздальцахъ разсматриваемой былины нельзя видѣть Сурожанъ, каковыми считаетъ А. Н. Веселовскій Пленка, отца Чурилы, и Суровца—Суздальца. Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха, VI—X, Спб. 1883, стр. 288—290. Ранѣе тоже сближеніе см. въ приложеніи къ 3-му выпуску пѣсенъ Кирѣевскаго, VII—VIII. Замѣтимъ, что въ былинахъ о Суровцѣ-Суздальцѣ онъ называется Сурожениномъ, „по роду города Суздаля“, „сыномъ отца гостя богатаго“. Кирѣевскій, 3, 110 и IX.

Руси, но и въ другихъ странахъ, объяснили пораженіе русскихъ ихъ самоувѣренностію. Та же черта была перенесена на богатырей, падшихъ въ битвѣ: они были представлены наказанными за гордость, за похвальбу, которою грѣшатъ нерѣдко былевые герои [1]). Это представленіе обусловило образное описаніе исхода боя. Былина могла воспользоваться готовыми образами, которые были примѣняемы въ эпосѣ и до того времени [2]).

Однимъ изъ видовъ неудачъ, постигающихъ въ эпосѣ (возгордившихся) богатырей, является увеличеніе враждебной силы съ каждымъ новымъ ударомъ [3]). Само собою разумѣется, что такое возрастаніе врага заставляетъ предполагать дѣйствіе какой-то особой силы. Подъ вліяніемъ христіанскаго міровоззрѣнія старый мотивъ похвальбы и высокомѣрнаго отношенія къ Божеству [4]) нѣсколько видоизмѣняется, а вмѣстѣ и наказующею силою представляется „сила небесная [5])“. Первый изъ этихъ мотивовъ могъ сразу войдти въ былину о гибели богатырей, потому что встрѣчается во всѣхъ изводахъ ея. „Сила небесная“ могла явиться дальнѣйшею ступенью въ развитіи представленія о „силѣ нездѣшней“, но могла также выступить весьма скоро въ нашей былинѣ, и двое воителей, которыхъ не узнали наши витязи, нисколько

---

[1]) См., напр., Сказки и легенды Чеченцевъ, собран. и перевед. Н. Семеновымъ, Владикавказъ 1882, стр. 5.

[2]) Уже Ѳ. И. Буслаевъ обратилъ вниманіе на традиціонный мотивъ похвальбы въ разсматриваемыхъ былинахъ.

[3]) Сравнительныя данныя указаны О. Ѳ. Миллеромъ: И. Муромецъ, стр. 791, прим. 71.—Прибавимъ преданіе объ убіеніи послѣдняго болгарскаго царя Константина. В. Качановскій, Памятники болгарскаго народнаго творчества, вып. 1, Спб. 1882, № 110.

[4]) Въ сѣверной миѳологіи встрѣчаемъ вызовъ, дѣлаемый богамъ и даже насмѣшки надъ ними. Grimm, Deutsche Myth. I[3], 6, Anmerk. Въ связи съ этимъ замѣчательно то, что говорится въ сагахъ о религіозномъ настроеніи нашего Владимира предъ принятіемъ христіанства. Извѣстно, что и древне-греческой миѳологіей были созданы образы героевъ, обладавшихъ физическою мощью и возставшихъ противъ боговъ. Ср. P. Rajna, Reali di Francia, I, 85—87.

[5]) Въ рыцарской поэзіи выработалось даже противоположеніе двухъ воинствъ, и въ романѣ о Ланселотѣ встрѣчаемъ chevalerie terrienne и célestienne.

не свидѣтельствуютъ объ искаженіи пѣсни, о переходѣ ея въ духовный стихъ. Подъ вліяніемъ христіанства у насъ рано утвердился взглядъ, что всякая похвальба и самомнѣніе влекутъ за собою наказаніе свыше, и въ лѣтописяхъ встрѣчаемъ примѣненіе этого взгляда къ различнымъ событіямъ русской жизни [1]). Такъ должны были объяснять и неудачу при Калкѣ: ее должны были усвоить силѣ нездѣшней—небесной. Этой силѣ приписывали въ тѣ времена всѣ удачи и неудачи, и какъ этотъ мотивъ былъ присущъ былевымъ пѣснямъ, показываетъ Ludwisglied, т. е. пѣсня о разбитіи Людовикомъ III Норманновъ въ 881 г. Она была составлена въ концѣ того же года или въ началѣ слѣдующаго, и однако въ ней встрѣчается легендарная прикраса—упоминаніе о божественномъ вмѣшательствѣ, вслѣдствіе чего Я. Гриммъ хотѣлъ видѣть въ ней не историческую, но миѳическую основу. Та же вѣра продолжала существовать и въ позднѣйшее время. Особенной силы она достигла на Западѣ въ періодъ крестовыхъ походовъ, когда одушевлялись глубокою вѣрой въ водительство Христа [2]). Вообще, какъ извѣстно, въ средніе вѣка постоянно признавалось сверхъ-естественное вмѣшательство даже въ самыя обыкновенныя событія. Русскіе не отличались въ этомъ случаѣ отъ народовъ Запада. Разсказъ лѣтописи о походѣ Мономаха противъ Половцевъ показываетъ, что и намъ грезилось участіе ангеловъ въ битвахъ съ невѣрными. Та же сила небесная легко могла явиться и въ былинахъ о Калкскомъ побоищѣ, потому что упоминаніе о ней стало общимъ эпическимъ пріемомъ. Ей было приписано воскрешеніе убиваемыхъ враговъ, о которомъ говорятъ нѣкоторые варіанты.

На ряду съ этимъ традиціоннымъ мотивомъ христіанской миѳологіи, пѣсня о Калкскомъ боѣ была украшена еще одною прибавкою, которая коренилась въ воззрѣніяхъ до—христіанскаго времени. Витязи, не могшіе справиться съ чудесно увеличивавшеюся невѣрною силою, были представлены окаменѣвшими. Окаменѣніе богатырей принадлежитъ къ весьма распространеннымъ эпическимъ мотивамъ [3]) и первоначально не могло

---

[1]) См., напр., разсказъ Кіевской лѣтописи о смерти Владимирка Галицкаго. Ип. 318—319.

[2]) Reuter, Geschichte der religiösen Aufklärung im Mittelalter, II, 25 и примѣч. на стр. 314.

[3]) См. „Поэтическія Воззрѣнія“ Аѳанасьева. О. Ѳ. Миллера И. Муро-

имѣть того христіанскаго значенія, какое приписываетъ ему въ нашей былинѣ А. Н. Веселовскій. Весьма вѣроятно, что заключительныя слова нѣкоторыхъ ея изводовъ, толкующія окаменѣніе въ смыслѣ удаленія въ пещеры, явились подъ вліяніемъ былинъ, говорившихъ о томъ, что Илья Муромецъ окончилъ свою жизнь въ кіевскихъ пещерахъ [1]). Весьма важно окончаніе одной былины о послѣдней поѣздкѣ Ильи:

Пріѣзжае онъ во славной во Кіевъ градъ
А ко тымъ ли онъ пещерамъ да ко Кіевскимъ,
А прилетала *невидима сила ангельска*,
А взимали-то ёго да со добра коня
И *заносили въ пещеры*-ты во Кіевски,
И тутъ же вѣдь старый опочивъ держалъ [2]).

Былины постоянно повторяютъ, что Ильѣ на бою смерть не написана. Онѣ старались согласить преданіе о гибели всѣхъ богатырей вслѣдствіе окаменѣнія съ представленіемъ о святости Ильи и о кончинѣ его въ монастырѣ. Потомъ съ Ильи тоже представленіе было перенесено и на другихъ богатырей. Народная пѣсня не могла быть проникнута изначала такимъ сознательнымъ символизмомъ. Окаменѣніе получило въ разсматриваемыхъ пѣсняхъ христіанское примѣненіе въ смыслѣ удаленія въ монастырь въ тѣхъ изводахъ, которые выводили Илью и приписывали ему первенствующее значеніе, и постепенно этотъ варіантъ началъ замѣщать первоначальный образъ такъ, что нѣкоторыя былины говорятъ объ общемъ удаленіи богатырей въ монастыри еще до нашествія силы невѣрной.

Сказаніе о гибели многихъ богатырей въ битвѣ при Калкѣ и объ

мецъ, стр. 796—797, А. Н. Веселовскаго „Опыты по исторіи христіанской легенды“ въ Ж. М. Н. Пр. 1875. Ср. у Л. З. Колмачевскаго: „Замѣтки о Гильфагиннингъ“, Казань 1881, стр. 46. Котляревскій, Старина и народность, 1861, 38—39.

[1]) Онежскія былины, 659; здѣсь вызовъ силы нездѣшней, борьба съ нею и окаменѣніе приписаны исключительно Ильѣ. Впрочемъ, народное преданіе могло говорить и объ удаленіи богатырей въ пещеры, не соединяя съ тѣмъ представленіе объ иночествѣ. См. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. II, Тифлисъ 1882, стр. 138; ср. стр. 111.

[2]) Гильферд., 313.

ихъ окаменѣніи доставило былевому творчеству возможность и удобный случай объяснить гибель и другихъ богатырей, занимавшихъ народное воображеніе. Народъ не любитъ сражать своихъ богатырей обычною смертью, и многіе богатыри были сокрыты, по народному преданію, въ горахъ. Такъ должны были окончить свой вѣкъ и наши богатыри времени Владимира. Введеніе ихъ въ былины о Калкскомъ боѣ было послѣднею ступенью въ развитіи этихъ пѣсенъ.

Народная поэзія не знаетъ точной хронологіи и оставляетъ безъ вниманія теченіе лѣтъ. Во времена злой татарщины княженіе Владимира I представлялось въ народной памяти самымъ свѣтлымъ моментомъ прошлаго и продолжало быть притягательнымъ центромъ другихъ эпическихъ сказаній. Съ другой стороны, слушая пѣсни о славныхъ подвигахъ богатырей стараго времени и сравнивая съ нимъ холопство своего, народъ не разъ могъ задаваться вопросомъ, куда же дѣвались его старые защитники, его любимые герои, куда исчезла богатырская застава, бывшая нѣкогда на границахъ русской земли? Этотъ вопросъ нерѣдко вызывала суровая дѣйствительность, такъ неприглядно отличавшаяся отъ дней славы и силы. Отвѣтъ на него давало сказаніе о гибели *всѣхъ лучшихъ богатырей* Русской земли въ битвѣ при Калкѣ. Тамъ должны были погибнуть и славные витязи Владимира наряду съ богатырями, дѣйствительно легшими въ ней. Мало по малу народъ забылъ этихъ послѣднихъ, за исключеніемъ Александра, перенесъ все сказаніе на удальцовъ, которымъ издавна ввѣрилъ въ своей фантазіи охрану русской земли, и низвелъ число участниковъ боя съ татарами съ 70, какъ было въ древнѣйшихъ изводахъ, до 7 (въ другихъ пересказахъ—до 12). Народная память не различала рѣзко время, въ которое жили богатыри Владимира, отъ момента Калкскаго побоища: вѣдь и витязи Владимира вели борьбу, по народнымъ сказаніямъ, съ Цареградомъ, съ Идолищами, со зміями, быть можетъ также—съ Печенѣгами и Половцами. Алеша, участвовавшій въ бою на Калкѣ, былъ также отнесенъ къ богатырямъ Владимира, въ ряду каковыхъ и является въ современныхъ пѣсняхъ о Калкскомъ побоищѣ.

Таковы были послѣдовательныя видоизмѣненія былины о страшной Калкской невзгодѣ, которыя можно, кажется мнѣ, возсоздать довольно вѣроятно на основаніи существующихъ данныхъ. Съ полною достовѣрностью можно выяснить исторію былинъ объ Алешѣ съ того

момента, когда этотъ витязь былъ включенъ въ кругъ богатырей Владимира.

Алеша долженствовалъ быть приведенъ теперь въ многообразныя соотношенія съ ними. Народный эпосъ постепенно вырабатываетъ до мелочей личную и совмѣстную исторію любимыхъ героевъ и вноситъ при этомъ много такого матеріала, который не имѣлъ первоначально никакого отношенія къ древнѣйшимъ былевымъ пѣснямъ. Въ этомъ случаѣ сказывается потребность эпическаго развитія и восполненія разрозненныхъ первоначально исторій. Такъ случилось и съ Алешею. Его породнили высшимъ родствомъ—названымъ братствомъ—съ Ильей Муромцомъ.

Назвался старый (т. е. Илья) братомъ старшінмъ,
А середніимъ Добрынюшка Никитичъ младъ,
А въ третьихъ Алешинька Поповичъ младъ [1]).
А крестный отъ-братъ паче роднаго [2])

Эпосъ заставилъ Алешу служить Владимиру наравнѣ съ другими богатырями, сторожить на богатырской заставѣ и ввелъ его въ былины, описывающія Батыево нашествіе [3]).

Мы видѣли, что на народный эпосъ оказываетъ сильное воздѣйствіе элементъ припоминанія, очень часто *механическаго*. Подобное механическое соединеніе должно признать во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда эпосъ усвояетъ извѣстному историческому герою похожденія, которыхъ не могло знать первоначальное преданіе о немъ. Такія приключенія приписываются почти всѣмъ былевымъ героямъ. Самый кругъ этихъ героевъ раздвигается введеніемъ въ него личностей небывалыхъ, которыя пополняютъ картину. И эти личности, и приключенія несомнѣнно историческихъ героевъ разрисовываются подъ вліяніемъ различныхъ сказаній, проникающихъ въ народъ и чуждыхъ первоначальной канвѣ эпоса.

Алеша подпалъ той же участи. Ему были приписаны подвиги миѳическаго характера и похожденія, не заключавшія въ себѣ ничего геройскаго [4]).

---

[1]) Ефименко, 28. Иначе въ др. былинахъ, напр. у Рыбникова II, 30.
[2]) Гильфердингъ, 134.
[3]) Кирѣевскій, IV, стр. 40 и слѣд. Гильферд., 706—711.
[4]) Ягичъ, Gradja, 48.

Извѣстно, какъ распространена въ сказаніяхъ различныхъ народовъ легенда о борьбѣ со змѣемъ. Слава змѣеборца досталась въ нашихъ былинахъ преимущественно Добрынѣ, но нѣкоторые ревнители Алешиной славы сдѣлали и его героемъ подобнаго подвига. Въ народномъ творчествѣ встрѣчаемъ нерѣдко отнесеніе однихъ и тѣхъ же сказаній, эпизодовъ и мотивовъ къ различнымъ лицамъ. Судя по незначительному количеству былинъ о змѣеборствѣ Алеши можно думать, что на Алешу былъ просто перенесенъ подвигъ Добрыни. Въ пользу такого предположенія свидѣтельствуетъ какъ бы названіе змѣя, убитаго Алешею: если въ его имени (Тугаринъ) скрывается отголосокъ имени Тугоркана, то, очевидно, пораженіе змѣя должно было составлять первоначально заслугу инаго богатыря. Но возможно и иное объясненіе. Народный эпосъ любитъ представлять въ образѣ змѣя народныхъ враговъ. Татары могли быть воплощены въ видѣ змѣя, получившаго древнюю кличку. Тогда былины о боѣ съ Тугариномъ слѣдовало бы толковать также, какъ и пѣсни о разбитіи Алешею Василія Прекраснаго *по пути* къ Кіеву, т. е. въ смыслѣ битвы съ татарами, и предположить, что и онѣ относятся къ Калкскому побоищу.

Въ нелестной обрисовкѣ предстаетъ Алеша въ былинѣ о коротковъ знакомствѣ съ сестрою Збродовичей, которые были опозорены признаніемъ въ томъ Алеши на одномъ пиру, когда похвастали благонравіемъ своей сестры. Отъ Алеши бѣгали красны дѣвицы съ новыхъ сѣней. Еще болѣе нечестности онъ выказываетъ въ весьма распространенныхъ пѣсняхъ о томъ, какъ онъ обвѣнчался съ женою Добрыни, котораго постарался отправить предварительно въ далекую богатырскую поѣздку [1]).

Уѣзжая Добрыня позволилъ Настасьѣ выйдти въ замужество въ случаѣ, если бы онъ не возвратился по прошествіи извѣстнаго времени [2]), но только не за Алешу, его брата названаго.

---

[1]) По другимъ изводамъ, мысль о посылкѣ Добрыни принадлежала Владимиру или Ильѣ, а по нѣкоторымъ—всѣмъ бывшимъ на пиру. По нѣкоторымъ былинамъ, Алеша и ранѣе старался взвалить на Добрыню трудныя порученія, уклоняясь отъ нихъ самъ. Гильфердингъ, 32, 475.

[2]) Срокъ возврата колеблется въ различныхъ пересказахъ между двумя и восемнадцатью годами.

Тутъ простиласи да воротиласи,
А домой пошла, сама заплакала.
День то за день будто дождь сѣкётъ,
А недѣля за недѣлей какъ трава ростётъ,
Годъ-тотъ за годóмъ да какъ рѣка бѣжитъ,
А прошло то тому времячки да 3 годы,
Не бывалъ же тутъ Добрыня изъ чиста поля.
Стала ждать Добрынюшку по друго три.

Когда Добрыня не возвратился, Алеша привезъ нерадостную вѣсть (по друг.—письмо) матери Добрыни и женѣ его, въ нѣкот. перес к — Владимиру:

А на томъ ли поли да на лыцарскомъ
Какъ видалъ Добрынюшка убитъ лежитъ,
Головой лежитъ да ко синю морю,
А и ноги рѣзвыи о ракитовъ кустъ.
Скрозь его раны да скрозь кровавыи
Проросла трава да росшелковая,
Расцвѣли цвѣты да всѣ лазуревы [1]).

Владимиръ спрашиваетъ Алешу:

И не врешь ли ты Алеша и Поповичъ?—
—И не вру, не вру, Владимиръ князь, да стольне—Кіевской [2]).

Настасья Микулична не довѣряла словамъ Алеши, отклонила его сватовство и рѣшила подождать еще:

Справила я заповѣдь-то мужнюю,
Справлю свою заповѣдь-то женскую.

Къ концу втораго (по нѣк.—третьяго) срока Алеша повторилъ домогательство ея руки и, съ помощью Владимира, принудилъ Настасью согласиться. Въ самый день свадьбы прибылъ въ Кіевъ Добрыня, переодѣлся скоморохомъ и явился на свадебный пиръ. Всѣ заслушались его игры во гуселышка яровчаты и пѣсенъ, и Владимиръ позволилъ

---

[1]) Онежскія былины, 1026.

[2]) Тамъ-же, 1324. Эта былина весьма неблагосклонна къ Алешѣ. Вообще степень виновности и низости Алеши не одинакова въ различныхъ пересказахъ, но сущность его главнаго поступка вездѣ передается сходно.

ему сойдти съ муравленой печи и занять мѣсто попочетнѣе. Добрыня усѣлся за столомъ противъ Настасьи и, когда его поподчивали виномъ, попросилъ позволенія поднести и отъ себя чару „молодой княгинѣ“. Онъ попросилъ Настасью выпить чару до дна, чтобы увидѣть себѣ добра. На днѣ она увидала перстень, которымъ была обручена съ Добрыней.

Настасья вскочила изъ-за стола:

„Ахъ же вы князи, вы бóяра,
„Сильни могучи́ вси богатыри!
„А не тотъ вѣдь мужъ, кой подли меня,
„А тотъ мой мужъ да супротивъ меня
„Прости-ко, Добрынюшка Микитиницъ...
„Не дивуй-ко ты разуму женскому....
„Ай у бабы волосъ дологъ, да умъ коротокъ.
„А не честью-то берутъ меня охвотою,
„Силою берутъ меня неволею“.
Это тутъ Добрыня расходился самъ,
Самъ говоритъ таково слово:
—Не дивую я разуму-то женскому,
—Подивую я разуму мужскому,
—А честны завѣты исполнила....
—Что ты Владимиръ топерь дѣлаешь,
—Отъ жива мужа какъ ты жену берешь!“
Разгорѣлося его да сердце богатырское,
Возсерчалъ то онъ на братца на крестоваго,
На Олешеньку Поповича.
Ухватилъ его за желты́ кудри,
Выводилъ да за почестнаго пира за свадебки,
Выводилъ его на гридню на столовую.
Ужъ какъ сталъ-то онъ по гридни да поваживать,
А въ одной рукѣ-то держитъ у него желты кудри,
А въ другой рукѣ держи́тъ гуселышка яровчаты,
И сталъ за желты кудри поваживать,
А гуселышками тутъ Олешеньку охаживать [1]).

---

[1]) По нѣкоторымъ изводамъ, Добрыня охаживалъ Алешу шалыгою подорожною.

Воспрогóворитъ Олеша таково слово:
„По Русіи-то пословица та водится:
„Ужъ какъ всякій, братцы, женится,
„А не всякому женидьба задавается [1]).
„Не дай Господи на сёмъ свѣти
„Какъ Олешеньки Поповичу"!—
Какъ клéнется Олёшка проклинается:
—А будетъ трою проклятъ на вѣку тотъ былъ,
—Кто станетъ будетъ эдакъ-то женитися,
—Отъ живого мужа жéна óтлучать [2]).—

Владиміръ также былъ пристыженъ Добрынею. Былины различно представляютъ исходъ этого печальнаго приключенія для Алеши. По однимъ [3]), „съѣзжалися Добрыня со Поповичемъ на смертный бой", и „тутъ Алеша только живъ бывалъ"; онъ былъ оставленъ „чуть въ душахъ", или же былъ изувѣченъ.

По другимъ изводамъ,
Какъ нахлысталъ Добрынюшка его тутъ дóлюби,
А дóлюби Добрыня ёго досыти,
Какъ со стыду со страмý со великого
А тутъ этотъ Олёшенька Пóповичъ—онъ
Уѣхалъ онъ безвѣстно не знаютъ гдѣ [4]).

По третьимъ сказаніямъ, за Алешу заступился Илья [5]).

По четвертымъ, Добрыня совсѣмъ его не тронулъ и только посмѣялся надъ нимъ, по нѣкот., Алеша посмѣялся самъ надъ собою [6]).

Тэма о принужденіи жены ко вступленію въ новый бракъ во время долгаго отсутствія мужа, странствующаго вдали, принадлежитъ къ числу весьма распространенныхъ [7]) и встрѣчается не только на

---

[1]) Тоже изреченіе повторяетъ Иванъ Годиновичъ: Гильф. 516—517.

[2]) Онежскія былины, 356—357, 501, 137—138, 251.

[3]) Тамъ-же, 357, 1325; Рыбниковъ III, 83 и 91.

[4]) Он. был., 251.

[5]) Тамъ-же, 584, 609—610.

[6]) Тамъ-же, 642. Кир. II, 14.

[7]) См. ст. W. Müller'a „Die Fahrt in den Osten" при „Niedersächsische Sagen und Märchen", изданныхъ имъ и Шамбахомъ, и книгу О. Ѳ. Миллера, стр. 523—545. Возраженіе противъ миѳическаго толкованія этой саги см.

Востокѣ и въ древне-греческомъ эпосѣ (въ Одиссеѣ), но даже и у сѣверо-американскихъ дикарей [1]). Этотъ мотивъ былъ извѣстенъ въ средніе вѣка въ особенности въ нѣмецкихъ земляхъ и былъ пріуроченъ къ нѣсколькимъ личностямъ былеваго эпоса, къ Карлу В., къ Рейнфриту Брауншвейгскому, къ Генриху Льву. Наши былины о Добрынѣ, Алешѣ и Настасьѣ Микуличнѣ [2]) представляютъ такія черты сходства въ *мелкихъ частностяхъ* съ нѣкоторыми изъ средневѣковыхъ нѣмецкихъ обработокъ этой саги, что является настоятельная необходимость выяснить взаимное отношеніе нашихъ пѣсенъ и нѣмецкихъ сказаній. Упомянутыя былины согласны во многомъ съ различными нижне-нѣмецкими и датскими изводами саги о Рейнфритѣ Брауншвейгскомъ (въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ онъ былъ называемъ просто Брауншвейгомъ или Брунсвикомъ) [3]), въ особенности же напоминаютъ датскія народныя пѣсни о немъ, составленныя по нижне-нѣмецкимъ, но еще не указано такое западное сказаніе, которое сошлось бы съ нашими былинами *во всѣхъ* важнѣйшихъ частностяхъ, и весьма возможно, что матеріаломъ для былинъ о женитьбѣ Алеши послужила не сага о Брауншвейгѣ, а какіе-нибудь другіе нѣмецкіе изводы основной тэмы [4]). Во всякомъ случаѣ, на нашъ взглядъ, невозможно отстаи-

---

у Wollner'a (стр. 66—70). Другія указанія см. въ ст. Фейфалика „Nachtrag zu der Abhandlung über zwei böhmische Volksbücher zur Sage von Reinfrit von Braunschweig“ въ „Sitzungsberichte d. philos.—hist. Classe der Kaiserl. Akad. d. Wissenschaften“, Bd. XXXII, II Heft, Ss. 322 fde., въ особенности—въ ст. Pio Rajna „La Novella boccacesca del Saladino e di messer Torello“ въ „Romania“ 1877, № 23. Др. указанія у Prutz'a: Kulturgeschichte der Kreuzzüge, Berlin 1883, S. 569. Подобный мотивъ встрѣчается и въ романѣ о Ренарѣ; см. у Л. З. Колмачевскаго: Животный эпосъ на Западѣ и у славянъ, Казань 1882, стр. 223—224.

[1]) Archivio per lo studio delle tradizioni popolari, Vol. I, fasc. II (Aprile—Giugno 1882), 318.

[2]) Нѣкоторыя былины называютъ иначе жену Добрыни.

[3]) См. о ней ст. Gödeke въ „Archiv“ etc. 1849 (стр. 179—281), вышедшую и отдѣльнымъ оттискомъ; далѣе,—статью Фейфалика въ XXIX томѣ „Sitzungsberichte“ Вѣнской академіи и цитованную выше дополнительную замѣтку его же. На статьи Фейфалика указалъ и А. Н. Веселовскій въ Исторіи русской словесности Галахова I², стр. 448.

[4]) Сходство между различными нѣмецкими сказаніями и нашими бы-

вать вмѣстѣ съ О. Ѳ. Миллеромъ „до сихъ поръ еще не порванную связь между нашимъ сказаніемъ и соотвѣтственными арійскими".

линами о поѣздкѣ Добрыни въ дальнюю сторону замѣчается во всемъ ходѣ разсказа тѣхъ и другихъ. Герои западныхъ сказаній, какъ и Добрыня, принадлежатъ къ рыцарскому классу или вообще къ военному сословію. Они отправляются на край свѣта или же на востокъ для борьбы съ невѣрными, просто въ походъ или для поклоненія святынямъ. Добрыня былъ посланъ Владимиромъ на „дальну службу заочную" въ „орды немирныя очистить дороги прямоѣзжія", побить силушки двѣнадцать ордъ, или же *за море* свезти дань за 12 лѣтъ, или въ татарскую землю собрать дань за 12 лѣтъ, или въ Литву за данью, при чемъ у князя былъ умыселъ погубить тѣмъ Добрыню; по другимъ пересказамъ, Добрыня поѣхалъ порубить татаръ и Литву, нападавшихъ на Кіевъ, а затѣмъ отправился за *славно сине морс*; по нѣкоторымъ былинамъ, Добрыня самъ вызвался на предложеніе Владимира или даже безъ вызова пожелалъ „съѣздить на чисто на полѣ, исполяковать, могучи плечи росталкивать". Судя по пѣснямъ, съиграннымъ Добрынею на свадебномъ пиру у Алеши, Добрыня былъ и въ Царь-градѣ, и въ Іерусалимѣ; по нѣкоторымъ былинамъ, Добрыня ѣздилъ въ Королевство Заморское. По западнымъ разсказамъ, удаляющійся мужъ поручаетъ охрану жены то своему другу, то боевому товарищу, то *einet jungen* и позволяетъ ей при отъѣздѣ взять другаго мужа только по прошествіи извѣстнаго времени; въ отсутствіе его жену *принуждаютъ* выйдти за другаго (въ нѣкоторыхъ сказаніяхъ—за друга уѣхавшаго мужа), и совершается свадьба. Мужъ узнаетъ о томъ чудеснымъ образомъ въ далекихъ краяхъ отъ *ангела*, отъ злаго духа или отъ *отшельника*. Нашего Добрыню извѣщаетъ то *калика*, то Илья Муромецъ, то „малая служаночка", которая обернулась „малой колпицей", то проязычившій конь, то *голубь* и *голубка*, которые и въ западномъ эпосѣ, и въ нашихъ сказаніяхъ являются олицетвореніемъ ангеловъ. Мужъ возвращается домой весьма быстро, большею частію—однимъ полетомъ: въ западныхъ изводахъ его переноситъ злой духъ; нашего Добрыню несъ его конь, который „съ горы на гору да перескакивалъ", „съ холмы на холму перепрядывалъ, рѣки—ты озера промежъ ногъ спускалъ" и уподобляется въ этомъ случаѣ коню Ильи Муромца и другихъ богатырей. По одному нѣмецкому сказанію, Карлъ возвратился въ Ахенъ въ три дня, и тоже говорятъ нѣкоторыя былины о Добрынѣ. Въ большей части сказаній мужъ прибылъ въ моментъ свадебнаго пира и по одной датской пѣснѣ вызываетъ жениха чрезъ привратника; по нѣмецкой поэмѣ, его не пропускали драбанты; Добрынѣ возбра-

Не встрѣчается ли въ былинѣ о Добрынѣ въ отъѣздѣ еще одинъ слѣдъ вліянія германскаго былеваго эпоса на русскій? Было бы весьма интересно выяснить, какимъ путемъ и когда проникъ въ Русь широко распространенный мотивъ о возвращающемся мужѣ и какъ онъ былъ прикрѣпленъ въ былевомъ эпосѣ къ именамъ Добрыни и Алеши. Это сказаніе могло быть занесено къ намъ *нижне-нѣмецкими* людьми чрезъ западныя окраины, чрезъ Новгородъ, который былъ естественнымъ проводникомъ западнаго вліянія въ до-татарское и татарское время. Второй путь перехода пролегалъ чрезъ юго-западъ. Сказаніе о Брунцвикѣ было извѣстно въ Чехіи въ достаточной степени уже въ концѣ XIV в. Если *оно* составило основу былинъ объ Алешѣ, то было принесено къ намъ оттуда въ пересказѣ, отличномъ отъ того, который уцѣлѣлъ въ сохранившихся чешскихъ народныхъ книгахъ о Брунцвикѣ, одна изъ коихъ была переведена на русскій языкъ [1]). Въ разсматриваемыхъ былинахъ Добрыня представленъ весьма искуснымъ скоморохомъ, и эпизодъ, передаваемый ими, могъ быть весьма по сердцу этимъ странствующимъ потѣшникамъ, которымъ А. Н. Веселовскій приписываетъ видное участіе въ распространеніи на Руси западно-европейскихъ сюжетовъ [2]).

няли входъ придверники-приворотнички, но онъ прорвался силою. Возвратившійся мужъ не узнанъ въ началѣ, и жена признаетъ его по кольцу, опущенному имъ въ поднесенную ей чару вина. Жена бросается тогда къ нему и радостно называетъ его своимъ настоящимъ супругомъ. Что до расправы Добрыни съ Алешею, то въ нѣкоторыхъ варіантахъ Добрыня прощаетъ брату названому его поступокъ, и такое поведеніе его соотвѣтствуетъ учтивому обращенію обиженнаго мужа съ насильникомъ въ нѣкоторыхъ западныхъ изводахъ, хотя поступокъ Алеши, нарушившаго братство, вполнѣ заслуживалъ того наказанія, о которомъ говорятъ другіе пересказы.—Мотивъ переѣзда на бѣсѣ въ одну ночь изъ Палестины общъ западнымъ сказаніямъ съ нашею легендою объ Іоаннѣ Новгородскомъ. У Цезарія Гейстербахскаго діаволъ, подхвативъ рыцаря, „in parte diei ab India in Theutoniam ab ortu solis in eius occasum transvexit“; ср. ст. P. Rajna p. 368.

[1]) А. Н. Пыпина Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, стр. 223 и слѣд.

[2]) Разысканія VI—X, стр. 218.

Была и еще одна возможность проникновенія занимающаго насъ мотива въ наши народныя сказанія, именно—чрезъ католическихъ проповѣдниковъ: онъ былъ включенъ въ сборники разсказовъ, которые доставляли матеріалъ для поученій. Какъ извѣстно, католическіе проповѣдники, преимущественно францисканцы и доминиканцы, пытались неоднократно начиная съ XIII-го столѣтія проникнуть на юго-западъ, и можно думать—это удавалось имъ по временамъ уже при русскихъ князьяхъ, въ особенности послѣ Даніила Галицкаго[1]).—Сказаніе о неудачной попыткѣ воспользоваться отсутствіемъ витязя для принужденія жены его ко вступленію въ новый бракъ было примѣнено къ Добрынѣ и Алешѣ въ періодъ отъ половины XIII в. до начала XVI-го, когда оба богатыря, судя по словамъ хронографа и другихъ лѣтописныхъ сводовъ, были поставлены уже въ тѣсную связь[2]); ранѣе второй половины XIII-го столѣтія это примѣненіе не могло совершиться потому, что Цезарій Гейстербахскій, у котораго сохранился одинъ изъ самыхъ древнихъ дошедшихъ до насъ нѣмецкихъ пересказовъ саги объ утѣсненіи, испытываемомъ женою въ отсутствіе мужа, писалъ въ 1222 г., а составленіе поэмы о Рейнфритѣ относится къ концу XIII в.[3]).

---

[1]) См. ст. И. И. Малышевскаго о Яцекѣ Одровонжѣ въ „Трудахъ Кіевской Дух. Акад.“ На роль проповѣдниковъ въ распространеніи сюжетовъ сказокъ и новеллъ въ славянскихъ земляхъ указалъ И. В. Ягичъ въ исторіи сербско-хорватской литературы; его мнѣніе было повторено Н. И. Петровымъ въ статьѣ „Южно-русскія легенды“ въ „Трудахъ Кіевской Духовной Академіи“ 1877 г., т. I.

[2]) Упоминаніе сѣверно-восточныхъ лѣтописей и лѣтописныхъ сводовъ о Добрынѣ, какъ о современникѣ и сподвижникѣ Александра Поповича, можетъ быть объясняемо двояко. Восточно-русскія сказанія могли знать Добрыню, какъ мѣстнаго удальца, подобнаго Александру, могли повѣствовать и о другомъ Добрынѣ; но могло быть и такъ, что Добрыня сразу слылъ однимъ изъ богатырей Владимира, и пріуроченіе его къ великорусской почвѣ и къ событіямъ XIII-го в. могло быть произвольнымъ дѣломъ позднѣйшаго книжника. Мы склоняемся къ послѣднему предположенію и думаемъ, что такъ какъ позднѣйшія былины говорили о столкновеніи Александра съ Добрынею, то позднѣйшій лѣтописецъ помѣстилъ Добрыню въ число другихъ богатырей, современниковъ Александра.

[3]) Статья Gödeke, стр. 234.

Любопытна разница въ томъ примѣненіи, какое получилъ бродячій мотивъ въ германскомъ былевомъ эпосѣ и въ нашемъ. По нѣмецкимъ былинамъ, Карлъ В., Брауншвейгъ отправляются сражаться съ невѣрными, Добрыня же ѣдетъ во чисто́ поле, или за данью въ Литву, борется съ невѣрными ордами и, если везетъ дань, то побиваетъ утѣснителей. Здѣсь выразились типическія отличія боевыхъ подвиговъ западныхъ рыцарей и нашихъ дружинниковъ: тѣ искали приключеній, боролись будто бы за гробъ Господень, но въ то же время не забывали и себя, а нашимъ витязямъ предстояла борьба съ ближайшими невѣрными и охраненіе отъ нихъ родной земли: изрѣдка цѣлью подвиговъ князей являлась помощь иноплеменнымъ единовѣрцамъ, напр. Византійцамъ, защитою которыхъ отъ Половцевъ прославился Романъ Галицкій.

Пѣсни о женитьбѣ Алеши показываютъ, какъ далеко былинный Алеша отошелъ отъ своего историческаго первообраза „удалаго добра молодца“, первенствующаго витязя въ отборной дружинѣ „храбрыхъ“. Съ теченіемъ времени онъ лишился значительной доли почтенія и славы, какою была окружена память о немъ въ Ростовской землѣ до половины XVI-го столѣт. Нынѣшнія былины называютъ Алешу смѣлымъ, но не удалымъ, иной разъ изображаютъ его даже трусомъ, который болѣе хвастаетъ, чѣмъ совершаетъ: „пустохвастъ—то есть, вѣкъ пустымъ хвастаетъ“; онъ невоздержанъ въ словахъ [1]). Въ битвѣ съ противникомъ Алеша не соблюдаетъ должной чести и не заботится о равенствѣ условій боя: онъ не брезгаетъ никакими средствами для торжества надъ врагомъ, переодѣвается каликою, убиваетъ змѣя хитростью и затѣмъ обираетъ его, а съ Добрыней бьется, захвативъ предварительно его коня; въ Илью онъ кидаетъ ножъ. Вообще Алеша любитъ изворачиваться обманомъ и лживъ. Хотя онъ богомоленъ, но не прочь соврать и любитъ нескромныя рѣчи [2]); склонностію къ лю-

---

[1]) Отголосокъ типа Алеши открываютъ въ лицѣ Фарлафа въ „Русланѣ и Людмилѣ“ Пушкина; Незеленовъ, Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, Спб. 1882, стр. 55. Изъ нашихъ новѣйшихъ поэтовъ сказаніе объ Алешѣ обработалъ гр. А. К. Толстой, обратившій Алешу въ пѣвца, очаровывающаго красавицъ чудною прелестью пѣсенъ.—Представленіе о хвастливости Алеши могло развиться изъ сказанія о самоувѣренности его, вошедшаго въ древнія пѣсни о Калкскомъ боѣ, какъ то видно изъ словъ лѣтописей о томъ, что Алеша и другіе храбрые пали за гордость.

[2]) Онежскія былины, стр. 579.

бовнымъ похожденіямъ Алеша напоминаетъ Чурилу, но лишенъ его изящества и утонченности; онъ наглъ и получилъ прозвище „бабьяго насмѣшника“: „онъ охочъ смѣяться чужимъ женамъ, молодымъ вдовамъ, краснымъ дѣвушкамъ“ и однажды чуть-было не оскорбилъ сестры. Даже внѣшность его не производитъ внушительнаго впечатлѣнія:

Смѣлый Олешенка Поповичъ онъ на ножку храмъ да на походку скоръ [1]).

Потому-то теперешнія былины выражаются объ Алешѣ весьма неуважительно, иногда даже называютъ его воромъ—собакою, и также презрительно отзываются объ Алешѣ и относятся къ нему и богатыри, какъ мы видѣли изъ поступка Добрыни, пощелкавшаго Ростовскаго витязя шалыгою подорожною, ударившаго его о кирпичный полъ и тому под.

Древнія пѣсни объ Александрѣ не могли рисовать его въ такомъ видѣ. Мѣстныя Ростовскія сказанія не могли-бы прославлять подобнаго богатыря и сохранять память о немъ предпочтительно передъ другими. *Древнѣйшая* былевая пѣсня можетъ избрать своимъ героемъ подобную непривлекательную личность только въ томъ случаѣ, если она выдавалась чѣмъ-нибудь въ дѣйствительной исторіи; позднѣе въ эпосъ проникаютъ романическіе эпизоды и въ немъ вырабатываются разнообразные типы. Вслѣдствіе того мы признаемъ нечестность Алеши позднѣе выработанною чертою и считаемъ излишнимъ объяснять ее миѳическою двоякостью нрава и миѳическою основою, на которую указываетъ О. Ѳ. Миллеръ [2]). Какимъ представляли Алешу древнія сказанія, показываетъ Тверская лѣтопись. Вообще замѣчается постоянная двойственность въ былинныхъ изображеніяхъ Алеши: смѣлости его противорѣчитъ привычка прибѣгать къ изворотливости, а съ набожностію его и съ тѣмъ, что его „молитвы доходны ко Христу“, не совсѣмъ согласуется его вольный нравъ. Ясно, что былинный типъ лишился первоначальной цѣльности и подвергся искаженію, каковое можно замѣтить отчасти и въ типѣ Ильи.

Можно ли поставить въ вину нашему эпосу подобное удаленіе

---

[1]) Онежскія былины стр. 166. Миѳологическое объясненіе хромоты Алеши см. въ книгѣ О. Ѳ. Миллера стр. 537.

[2]) Илья Муром. 443.

отъ исторической правды и считать его на основаніи переработки подобныхъ исторій не оригинальнымъ, но подражательнымъ?

Нисколько. Въ настоящее время въ каждомъ былевомъ эпосѣ открыто столько эпизодовъ и мотивовъ, общихъ другимъ, что не можетъ быть и рѣчи на основаніи ихъ о несамостоятельности содержанія какого-нибудь народнаго эпоса и его частностей. Національными во всякомъ эпосѣ являются преимущественно его построеніе, общее направленіе и типическія особенности героевъ.

Если жизнь былиннаго Алеши была прекращена въ дѣйствительности Калкской битвой, то ясно, что пріуроченіе къ его имени разсмотрѣннаго бродячаго эпизода должно было произойдти послѣ 1223 года. Слѣдовательно, развитіе былинъ до-татарскаго времени продолжалось послѣ татарскаго нашествія. Тогда, вѣроятно, совершалось наростаніе бытовыхъ чертъ, благодаря которому Алеша былъ надѣленъ особенностями, отличающими, по народному представленію, то сословіе, изъ котораго онъ вышелъ. Поводъ къ тому подало, вѣроятно, его прозвище [1]). Былины начали говорить объ Алешиныхъ „глазушкахъ поповскіихъ“ и т. п.

Переходъ былевыхъ героевъ въ типическіе бытовые образы встрѣчается и у другихъ народовъ, напр. въ эпосѣ финновъ Калевалѣ. Иногда наклонность къ такой обрисовкѣ доводитъ до совершеннаго подавленія историческихъ повѣствованій, до лишенія героевъ исторической обстановки. Это мы замѣчаемъ въ былевыхъ сказаніяхъ кавказскихъ народовъ.

Наше долгое странствованіе изъ вѣка въ вѣкъ вслѣдъ за Алешей и его сподвижниками въ Калкскомъ бою окончено: мы установили зарожденіе былинъ объ Алешѣ и о погибели богатырей изъ скорбныхъ пѣсенъ XIII столѣтія и ознакомились съ дальнѣйшей судьбою ихъ до нашихъ дней. Мы касались при этомъ отчасти и общаго хода развитія нашего былеваго эпоса. Онъ возникалъ подъ живымъ впечатлѣніемъ, которое вызывали крупныя историческія событія, и слагался постепенно въ большой циклъ, въ который входили и мѣстные богатыри, и герои бродячихъ сказаній. Но основа не утрачивалась, и исто-

---

[1]) Ягичъ, Gradja, 49. Это ясно видно изъ нѣкоторыхъ былинъ. См., напр., пѣсни Кирѣевскаго, I[2], стр. 48. Онежскія былины, 530 и т. п.

рическая наука можетъ отнестись теперь съ бо́льшимъ довѣріемъ къ былевому эпосу: она найдетъ въ немъ не только правду идеальную, но немало также и правды дѣйствительной. Точка отправленія нашего эпоса—національная, національно также основное содержаніе его, а равно въ высокой степени національненъ и духъ, его проникающій.

Мало того: нашъ былевой эпосъ сослужилъ великую службу русскому народу. Наши былины проникали весьма туго въ нашу литературу—не то, что на Западѣ,—онѣ не получили художественной литературной обработки, но все-таки эпосъ былъ самымъ живымъ и яркимъ общенароднымъ выразителемъ древнихъ основъ нашей государственной жизни, онъ рисовалъ идеалы земскаго служенія и всесословнаго общенія въ этомъ великомъ дѣлѣ. Потому-то такъ и хранилъ его русскій народъ.

На европейскомъ Западѣ давно вымеръ древній былевой эпосъ; уже прошло нѣсколько столѣтій съ той поры, какъ замолкли пѣсни о Карлѣ В., о Сидѣ, и кой-гдѣ только поются еще старыя баллады Нибелунгскаго цикла.

Не то видимъ на нашемъ востокѣ: былеваго эпоса не утратили даже кавказцы; мы же сохранили его въ замѣчательной свѣжести и полнотѣ, и нужно удивляться въ этомъ случаѣ живучести народнаго преданія.

Русскому народу на сѣверныхъ и восточныхъ окраинахъ достался счастливый удѣлъ сохранить въ древнихъ пѣсняхъ до настоящаго времени живую память о самыхъ отдаленныхъ временахъ своего историческаго существованія.

Южная Русь не можетъ похвалиться тѣмъ въ такой мѣрѣ, но отсюда нельзя выводить тѣ заключенія, какіе были провозглашены Погодинымъ и его послѣдователями.

Послѣ татарскаго нашествія наступило раздробленіе Руси на три отдѣльныя крупныя части: 1) Русь Малую, или Галицко-Волынскую, 2) Русь Бѣлую и Черную и 3) Русь Новгородскую и восточную, но древній былевой эпосъ въ первые вѣка распаденія былъ, повидимому, столь же извѣстенъ на югѣ, какъ и на сѣверѣ. Въ XVI-мъ столѣтіи здѣсь, въ Кіевѣ, хорошо знали подвиги Ильи Муромца [1]), пѣли про

[1]) Это тѣмъ менѣе удивительно, что въ настоящее время все болѣе и болѣе становится вѣроятнымъ предположеніе, что Илья былъ пріуроченъ

Михаила Игнатьевича, котораго позднѣйшій малорусскій изводъ превратилъ въ Михайлика, унесшаго Золотыя Ворота, знали былины о Соловьѣ Будиміровичѣ [1]). Всѣ эти витязи назывались здѣсь богатырями, и слово это перешло въ тогдашній польскій языкъ [2]). Въ Галичинѣ еще извѣстно имя Чурила [3]). Можно возстановить и еще нѣкоторыя

къ великорусской почвѣ впослѣдствіи и что первоначальная форма его прозвища была не Муромецъ, но Моровлянинъ, Моровлинъ, Муровецъ. См. ст. А. Н. Веселовскаго „Исполинъ Илья Муромецъ у Луиса Де-Кастильо“ въ апр. книжкѣ „Журн. Мин. Народ. Просв.“ 1883 г. Ср. прозвище Ильи въ нѣкоторыхъ былинахъ.

[1]) Веселовскій, Южно-русскія былины, Спб. 1881. Это изслѣдованіе болѣе всѣхъ предыдущихъ попытокъ другихъ ученыхъ убѣждаетъ въ справедливости взгляда, что многія изъ былинъ, уцѣлѣвшихъ въ настоящее время только на окраинахъ Великороссіи, были извѣстны довольно долго и на югѣ, гдѣ получали по временамъ своеобразное развитіе.

[2]) Клёновичъ, Flis, Gdańsk 1829 г., стр. 18, 21, 24.

[3]) См. В. Б. Антоновича и Драгоманова Историческія пѣсни, I, 54—56 и ст. Н. И. Петрова „Слѣды сѣверно-русскаго былеваго эпоса въ южно-русской народной литературѣ“ во II-мъ т. „Трудовъ Кіевской Дух. Академіи“ 1878, стр. 387. Къ извѣстнымъ указаніямъ прибавимъ найденное нами у графа Іосифа Дунина-Борковскаго въ его Pisma (Dzieła znakomitych pisarzów krajowych, t. I, We Lwowie 1857, Przypis do str. 39: „Bohatyr, którego niniejsza pieśń opiewa, nazywa się najpowszechniej Czuryło, gdzie niegdzie Drzuryło, a w Przemyskim Ciuryło, jak świadczy Loziński, w opisie ruskiego wesela. Nazwisko to, znane jest szczególniej nad Dniestrem, górale nie znają go wcale. Taniec Czuryły, w którym pieśń o nim spiewają, jest częścią tańca weselnego: Korowodu. Widziałem go w Czortkowskim nad Dniestrem. Tańczący suną jeden za drugim zwolna, poważnie, wytupując nogami i zwracając się na lewo i na prawo; co nazywają pleszeniem, pląsaniem: trzymają się przy tem za chustki, za ręce, albo je za pasy wkładają. Kto był ten Czuryło trudno odgadnąć. Niesiecki mówi, że jednego z pięciu synów Alex. Gorajskiego, któremu na imie było Cyrył, lud Czuryłem przezwał. Od Jędrzeja Czuryła podkomorzego przemyskiego zaczyna to nazwisko być rodzinnym. Marcin Czuryło rotmistrz zyjący w XVI wieku, odznaczył się w wojnach z Turkami i Wołoszą walcząc pod hetmanem Mieleckim. Z tem wszystkiem pieśń i taniec Czuryły zdają się być bardzo stare, a podobną do prawdy jest rzeczą, że Czuryło jest bohatyrem staroświeckich czasów, jakimś półbożkiem; jakoż plemionom pokrewnym Rossjan i Słowaków nie jest obcym to nazwisko,

частности тогдашнихъ малорусскихъ сказаній, напоминающія нынѣшнія былины [1]). Но, повидимому, общерусскій былевой началъ выми-

---

Kollar nazywa go boźkiem w swoim zbiorze pieśni słowackich. Pieśni o nim jest bardzo mało, i te nie zdają się być ino odmianami jednej i tej samej pieśni, która mimo to nie jest zupełna". Упомянутый здѣсь случай перехода имени былеваго героя въ хороводныя пѣсни не единиченъ: Алеша раздѣлилъ туже участь съ Чуриломъ. Имя Чурила встрѣчается въ довольно раннихъ актахъ. Въ записи 1385 г. названъ *Чурило* Бродовскій (Codex epistolaris Vitoldi, 1882, p. 41). Въ лѣтописи, изданной Н. Львовымъ (ч. II, Спб. 1792, стр. 165) упомянутъ при Пименѣ приставъ Иванъ Григорьевичь *Чуриловъ* Драница. Къ XV-му стол. относится нѣсколько записей имени Чурилы: Bibliot. Ossolińskich, t. III, Ziemia Lwowska, str. 31 (подъ 1410 г.); Akta grodzkie i ziemskie, t. VII, № XXXIII, стр. 66 („Czuriło de Stoyanicze") и пр.

[1]) То, что говорится въ современныхъ былинахъ объ удаленіи богатырей въ монастыри и пещеры и о святости Ильи, напоминаетъ слова Станислава Сарницкаго въ его Discriptio Poloniae. Подъ рубрикой Kiovia у него читаемъ: „Sedes antiqua Ducum Russiae. Et quod olim Romani de septentrionalibus et Indianis monstris et miraculis sparserunt, hoc Russi de prodigiis et heroibus suis, quos *Bohatiros*, id est semideos vocant, alliis persuadere conantur. Contumulare autem istos solent in cauernis rupium"..... Лейпцигское изданіе Длугоша, t. II, col. 1093. Интересно отожествленіе богатырей съ угодниками.—У Михалона Литвина употреблено названіе, напоминающее былинное выраженіе: „Chorobra Litwa i. e. ferox Lithuania" (De mor. Tart.); не есть ли это также слѣдъ извѣстности былинъ въ западной Руси, или же Литва называлась „хороброю" въ обыденной рѣчи?—Въ актѣ 1443 г. мы встрѣтили названіе *Wołchova dolina* (Bibl. Ossol. t. III, стр. 65).—Отмѣтимъ еще одну подробность былинъ, которая, быть можетъ, имѣла источникомъ если не Кіевское, то вообще южно-русское преданіе. Былины о татарскомъ нападеніи на Кіевъ изображаютъ участіе Богородицы къ судьбѣ этого города. Златорогіе туры, бѣжавшіе мимо,

....видѣли надъ Кіевомъ чудны́мъ чудно̀
И видѣли надъ Кіевомъ дивны́мъ дивно̀:
И по той стѣнѣ городовыя
И ходитъ—гуляетъ душа красная дѣвица,
Во рукахъ держитъ Божью книгу Евангеліе,
Сколько ни читаетъ, а въ двое плачетъ.

Турица такъ истолковала это видѣніе своимъ дѣтямъ:

рать на югѣ съ 40-хъ годовъ XVII-го стол., когда южно-русскому народу пришлось напрягать всѣ свои силы въ тяжелой борьбѣ за существованіе. Къ старымъ врагамъ, татарамъ, заступившимъ мѣсто Печенѣговъ и Половцевъ, присоединились новые—турки. Подъ вліяніемъ усиленной борьбы съ тѣми и другими былины начали переходить постепенно въ думы. Старый эпосъ могъ быть забытъ тѣмъ скорѣе, что новый являлся, по своей идеѣ, продолженіемъ его. Вѣдь и древнія былины повѣствовали преимущественно о борьбѣ со степными кочевниками, о походахъ на югъ, къ Царю-граду [1]), а нѣкоторыя изъ нихъ

Не душа та красна дѣвица гуляла по стѣны,
А ходила та Мать Пресвята Богородица,
А плакала стѣна мать городовая,
По той ли по вѣрѣ христіанскія,—
Будетъ надъ Кіевъ градъ погибельѣ:
Подымается Батыга сынъ Сергѣевичь....

Намъ неизвѣстно, было ли подобное преданіе въ Кіевѣ. Если было, то могло пріурочиваться къ *нерушимой* стѣнѣ Софійскаго собора. Въ другихъ мѣстностяхъ южной Руси уцѣлѣли слѣды подобной легенды. Такъ, намъ сообщали, что въ 8 верстахъ отъ Пирятина, на берегу рѣки Удая, между тремя дубами есть углубленіе, и по народному преданію, незадолго до прибытія Шведовъ тамъ видѣли Богородицу, которая стояла у аналоя въ траурномъ облаченіи, плакала и возвѣстила о предстоящемъ бѣдствіи. Извѣстна Почаевская легенда о заступничествѣ Богородицы во время нападенія татаръ на монастырь. Ср. образъ панночки въ одной колядкѣ. Ант. и Драг. I, 34.

[1]) См. „Богатырское слово въ спискѣ начала XVII вѣка („Сказание о кѣевски богатыре, какъ ходили во ц҃рь-градъ и какъ побили ц҃реградскихъ богатырей, ѵчинили себѣ ч҃ть), открытое Е. В. Барсовымъ", Спб. 1881, стр. 8—10. Интересна характеристика Алеши въ этой „старинѣ", въ которой обозначаются уже черты, выдвигаемыя въ немъ современными былинами (стр. 17 и 19), и въ тоже время еще не видно полнаго искаженія; напротивъ, удальство Алеши напоминаетъ лѣтописнаго Александра Поповича (см. стр. 21—22). Въ современныхъ былинахъ сохранилось сравнительно немного указаній на походы на Византію; въ былинѣ о Вольгѣ древняя основа подверглась значительной передѣлкѣ.—По словамъ Анонима Нотарія Белы, у Мадьяръ также имѣлись былины, въ которыхъ ioculatores и селяне воспѣвали „forcia facta et bella Hungarorum, usque in hodiernum diem oblivioni non tradunt, sed quidam dicunt, eos iuisse usque ad Constantinopolim, et portam auream Constantinopolis Botondium cum dolabro suo

говорили и о плаваніи по морю [1]). Съ теченіемъ времени онѣ получали въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ козацкій оттѣнокъ [2]).

Интересно было бы выяснить, подпадалъ-ли въ этомъ случаѣ богатырскій эпосъ вліянію козацкаго, или, наоборотъ, самъ составлялъ

---

incidisse". Ср. легенду о походѣ Болеслава Храбраго на Кіевъ. Упомянутыя мадьярскія былины существовали еще въ XVI в. Ios. Lad. Pič, Der nationale Kampf gegen das ungarische Staatsrecht, Lepzig 1882, s. 4.

[1]) См., напр., былины о Соловьѣ Будимировичѣ. Въ описаніи его корабля А. А. Котляревскій видѣлъ изображеніе древне-скандинавскаго корабля. См. его замѣтку „Скандинавскій корабль на Руси" въ I-мъ томѣ „Древностей, Трудовъ Моск. Археолог. Общ." и въ отдѣльномъ оттискѣ.

[2]) По нѣкоторымъ варіантамъ, на Соколѣ-кораблѣ были атаманъ, подъ-атаманъ и есаулъ; корабль этотъ столкнулся съ Турецкимъ флотомъ (Пѣсни, собр. Кирѣевскимъ, I², стр. 22—23; Онежскія былины, 284). Былины называютъ нерѣдко Илью „старымъ козакомъ" и изображаютъ козачій строй на богатырской заставѣ: богатыри избираютъ атамана. Былинные витязи, какъ и герои думъ, отправлялись „во чисто́ поле поляковать, коза́ковать", бывали и въ Царь-градѣ. Илья собирался въ Царь-Градъ „Турочекъ всѣхъ повырубать, а Турчаночекъ во полонъ взять" (Кир. I, стр. 15". По нѣкоторымъ изводамъ былины объ отъѣздѣ Добрыни, онъ отправился „на ту границу на турецкую". Въ былинѣ о взятіи Азова выступаетъ „Санталъ турецкій", какъ и въ былинѣ о Вольгѣ. Былина о взятіи Азова (Онежскія былины, 174—176) подтверждаетъ справедливость соображенія г. М. Т-ва относительно существованія великорусской пѣсни объ этомъ событіи (Кіевская Старина 1882 г., № 11, „Матеріалы и замѣтки объ украинской народной словесности", стр. 238 и 240) и въ тоже время заставляетъ согласиться съ мнѣніемъ И. П. Новицкаго (Кіевская Старина 1882, № 9, „Еще по поводу народной пѣсни: о взятіи Торческа, или же Азова") о томъ, что пѣсня о взятіи Азова могла возникнуть и распространиться въ южной Руси вслѣдствіе связей Донскаго и Запорожскаго козачества. Былина и малорусская пѣсня отправляются въ основѣ отъ одного и тогоже преданія, но развиваютъ его различно и довольно самостоятельно. Что до странствующей подробности о взятіи города посредствомъ хитраго ввоза солдатъ, то она встрѣчается уже въ древнихъ египетскихъ сказкахъ: Maspero, Les contes populaires de l'Égypte ancienne, Paris 1882, pp. XXV—XXXIII. Великорусская былина о взятіи Азова возникла на Дону и интересна, какъ одинъ изъ остатковъ исторической эпики Донскаго козачества, не лишенной, повидимому, сходства съ малорусскими думами. Связи несомнѣнно были. Въ былинахъ упоминаются, напр., чумаки. Гильф. 993, 1175 и др.

переходъ къ этому послѣднему? Кажется, что современныя былины проникли отчасти козацкимъ духомъ на Дону [1]). Въ южной Руси могло происходить такое же примѣненіе древняго эпоса и *постепенное* замѣщеніе героевъ его новыми. Рядомъ съ остатками древняго творчества должно было имѣть мѣсто новое, но и въ немъ, въ южнорусскихъ историческихъ пѣсняхъ, возникавшихъ подъ вліяніемъ борьбы съ татарами, турками и поляками, слышались по временамъ отголоски стараго эпоса княжескаго періода, повторялись нѣкоторые изъ его эпизодовъ, отзывались его пріемы изображенія [2]), какъ уцѣлѣли нѣкоторыя древнія воспоминанія въ бытовыхъ пѣсняхъ и колядкахъ [3]).

---

[1]) Въ былинахъ встрѣчаются нерѣдко упоминанія о Донскихъ козакахъ. См., напр., Онежскія былины, стр. 250.

[2]) См. рефератъ О. Ѳ. Миллера въ „Трудахъ III-го Археологическаго съѣзда“ и статью Н. И. Петрова: „Слѣды сѣверно-русскаго былеваго эпоса въ южно-русской народной литературѣ“. Замѣтимъ, что пріемы, употребляемые вторымъ изъ этихъ изслѣдователей для открытія слѣдовъ былеваго эпоса на югѣ, не всегда могутъ обезпечивать отъ ошибокъ: можно найдти въ народныхъ южно-русскихъ сказаніяхъ такіе сходные съ былинными эпизоды, которые уцѣлѣли не изъ былинъ, а существовали независимо въ силу общаго характера народнаго творчества.

[3]) См. капитальное изслѣдованіе А. А. Потебни о малорусскихъ пѣсняхъ въ „Филологическомъ Вѣстникѣ“ 1882 и 1883 гг., замѣчанія объ эпическихъ мотивахъ колядокъ въ „Разысканіяхъ VI—X“ А. Н. Веселовскаго, стр. 265 и сл. См. также рецензіи: А. А. Потебни—па „Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси, собранныя Я. Ѳ. Головацкимъ“ и А. Н. Веселовскаго—на „Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западнорусскій край“ въ „Отчетѣ о двадцать-второмъ присужденіи наградъ графа Уварова“ (Спб. 1880).—Въ колядкахъ начали открывать историческія воспоминанія уже въ 30-хъ годахъ. Приведемъ здѣсь соображеніе по поводу колядки о *русскомъ королѣ* и объ убіеніи имъ Турскаго царя, указанное намъ А. Н. Щербаномъ (во Львовѣ) въ книжкѣ, которая, по всей вѣроятности, мало извѣстна у насъ и носитъ слѣдующее заглавіе: „Costy a prócházky po Halické zemi. Sepsal Karel Wladislaw Zap, w Praze 1863 (Zrcadlo žiwota na wichodni Ewropě Wydal K. W. Zap. Nowe laciné wydáni. Swazek III). Эта колядка, перепечатанная потомъ въ собраніи Головацкаго и затѣмъ въ „Историческихъ пѣсняхъ малорусскаго народа“ В. Б. Антоновича и Драгоманова, была пропѣта пріятелю Zap'a, Вагилевичу, въ 1839 г. въ Титковѣ Станиславовскаго округа. Къ ней присоединено

Замѣчательнѣе всего, что въ южнорусскомъ эпосѣ уцѣлѣло имя Алеши Поповича [1]). И въ новомъ эпосѣ онъ остался типическимъ

слѣдующее замѣчаніе: „Ze tato koleda má jisty historycký základ každý lehko uzná. Dle zdani p. Wahylewiče ještě w 12 stoleti powstati musela, w časech po smrti halického krale Daniela († 1266) a českého krale Přemysla Otakara II († 1278). W osobě turského cara rozumí bud' nekterého z chanuw Tatarských neb Buňáka prašiwého, chana Polowcŭw. Zě se tu na bezkrali w české zemí naráži, lehko da se wyswětliti, an Daniel a Lew, králowé Haličkí, s Cěchy tehdáž časté styčnosti měli, a ruský lid o Otakorowě smrti na Moravském poli a o maloletnoste jého syna Wáclawa III. znadno známost míti mohl“ (стр. 120). Ср. объясненіе этой колядки у В. Б. Антоновича и Драгоманова (I, 29), по мнѣнію которыхъ въ разсматриваемой колядкѣ отразились позднѣйшія воспоминанія—литовскаго періода.

[1]) Безсоновъ—въ приложеніи къ IV-му выпуску пѣсенъ, собранныхъ Кирѣевскимъ, XX—XXVII. Мнѣніе его было повторено другими, напр. Л. Н. Майковымъ и О. Ѳ. Миллеромъ. Дума объ Алексѣѣ Поповичѣ и бурѣ на Черномъ морѣ помѣщена въ нѣсколькихъ варіантахъ у В. Б. Антоновича и Драгоманова, I, 176—201. Къ чертамъ сходства Олексія Поповича съ Алешею, указаннымъ г. Безсоновымъ, можно прибавить другія, напр. грамотность того и другаго и гордость. Былиннаго Алешу сближаетъ съ Олексіемъ думъ козацкое званіе перваго: онъ былъ есауломъ на богатырской заставѣ. Быть можетъ, въ такомъ званіи онъ изображался взамѣнъ Ильи Муромца участвовавшимъ въ плаваніи Сокола-корабля Соловья Будиміровича. Интересно, что, по нѣкоторымъ варіантамъ, этотъ корабль плавалъ въ ряду тридцати (или 33) „по Турецкому морю, морю Черному“, въ которое „выпадала мать Нѣпрà рѣка“, или просто по Синему морю Турецкому, или же по морю Дунайскому. Онежскія былины, 172—173; 283; 367. Рыбн. I, 54. Въ нѣкоторыхъ изводахъ во вступленіи упомянуты „широки врата да чигаринскіе“. Козацкій флотъ чуть-было не погибъ на морѣ вслѣдствіе грѣховъ Алеши, его заносчивости не только предъ людьми близкими, но и предъ святыней, отъ его гордости, какъ ею были погублены Калкскіе храбрецы. Олексій самъ говоритъ дважды о ней (Ант. и Драг. I, 179):

Либонь мене, козака, панове-молодьці,
Найбільше той гріх споткав.

Ср. характеристику Алеши въ „Богатырскомъ словѣ“ (стр. 17):

Все҃ ꙋ на҃ пꙋще ѡлеша попови҃,
Что ѿ҃ дь пья҃ или нє пья҃,

образомъ гордости и молодечества въ соединеніи съ жестокосердіемъ. Это обстоятельство показываетъ, что и послѣ разгрома 1223 г., а можетъ быть и въ позднѣйшее время, происходило общее развитіе стараго былеваго эпоса на протяженіи всей русской земли, что слава сѣверныхъ богатырей была извѣстна югу, и какъ бы подтверждаются слова былины, что объ Алешѣ

Пошла славушка не малая
Отъ того ли города Ростовскаго
До того ли до города до Кіева,
До тое ли горы до Черниговки,
До того ли шеломя окатистаго,
До тое ли березоньки кудрявыя [1]).

Изо всѣ́х на́ охочь бранитися:
Тотъ и на́ бага́тырь крячи́нова.

Дума также говоритъ о пьянствѣ Олексія, о непочтительности его рѣчей. Двойственность, какую мы отмѣтили въ Алешѣ, замѣтна и въ характерѣ Олексія, если не предполагать, что онъ уже до публичнаго покаянія на морѣ подумалъ о благочестивой жизни. Когда Олексій указалъ на себя, какъ на жертву, которою могла быть отвращена грозившая опасность, козаки сказали ему (Ант. и Др. I, 178; ср. 183):

Ей, Оликсію Поповичу,
Славній *мицарю і писарю!*
Ти ж святе письмо
По тричі на день читаеш
І нас—простих козаків
На все добре научаеш

Интересно, далѣе, что нѣкоторые варіанты думы рисуютъ сцену *выѣзда* Олексія изъ Пирятина, какъ былины говорятъ о первомъ выѣздѣ нѣкоторыхъ богатырей изъ роднаго города. По нѣкоторымъ изводамъ, и у Олексія былъ братъ (вар. Д. Е., Ж. и З) какъ имѣлъ его и Алеша (Екимъ).—Такимъ образомъ, при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи, дума объ Алексѣѣ Поповичѣ и о бурѣ на Черномъ морѣ въ образѣ Олексія и плаванія по Черному морю приближается къ былинамъ и, повидимому, заключаетъ передѣлку былиннаго образа, сохранившую много чертъ стараго эпоса.

[1]) „Матеріалы“ Ефименка, стр. 26—27.

Извѣстность былинъ объ Алешѣ на югѣ послѣ татарскаго нашествія вполнѣ понятна: югъ былъ родиной нашего древняго былеваго эпоса. Теперь уже нельзя оспаривать того, что Кіевской и Галицко-Волынской Руси принадлежитъ слава созданія большей части содержанія былинъ того періода, когда средоточіемъ Руси былъ „славный городъ Кіевъ", когда здѣсь

Заводился почестенъ пиръ
На многи князя, многи бояра,
А на всѣ поляницы на удалые.

Неизвѣстно только, каковъ былъ складъ этихъ древнихъ былинъ. Быть можетъ, и онѣ уподоблялись думамъ: „Слово о полку Игоревѣ" считаютъ древнею думой. Дошедшая до насъ позднѣйшая эпика юга запечатлѣна характеромъ, вполнѣ соотвѣтствовавшимъ кипучимъ порывомъ народной энергіи и высокому драматизму и лиризму, переполнявшимъ народную жизнь и сообщавшимъ южно-русской поэзіи высшую степень задушевности и глубины чувства. Эпосъ проникся на югѣ тѣми особенностями, которыя были присущи уже древней южно-русской поэзіи, какъ она отразилась въ „Словѣ о походѣ Игоря".

Мало по малу югъ забылъ старый дружинный и княжескій эпосъ. Повсюду раздались пѣсни кобзарей, но то не знаменовало пониженія народнаго самосознанія, не значило, что умеръ поэтическій духъ южно русскаго народа, что изсякъ его поэтическій геній. Напротивъ, еще съ большимъ блескомъ и силой, чѣмъ въ былинахъ, онъ проявился въ лирическомъ эпосѣ думъ, составляющихъ славу и гордость южно-русской поэзіи и грандіозный монументъ тяжелаго, но вмѣстѣ и славнаго прошлаго.

ПОМѢСТНОЕ ПРАВО ВЪ ДРЕВНЮЮ ЭПОХУ ЛИТОВСКО-РУССКАГО ГОСУДАРСТВА.

Древняя эпоха западно-русскаго права представляетъ темную загадку именно по отношенію правъ имущественныхъ на землю (или что тоже на недвижимость, ибо недвижимымъ имуществомъ считалась только земля и воды). Судя по буквальному смыслу многихъ и, притомъ, главныхъ источниковъ исторіи этого времени, право собственности на землю не принадлежало никому въ Литовско-русскомъ государствѣ до общеземскихъ привилегій Казимира, Александра и Сигизмунда I, или даже до 1-го Статута. Владѣльцы земли были только владѣльцами; ни распоряжаться при жизни (чрезъ договорныя сдѣлки), ни на случай смерти (чрезъ завѣщанія) этими имуществами они не могли безъ воли и согласія вел. князя (или удѣльныхъ). Даже право родоваго наслѣдованія въ упомянутыхъ имуществахъ не существовало; отъ воли вел. князя зависѣло допустить или не допустить переходъ имущества къ законнымъ наслѣдникамъ; по общему же правилу оно становилось выморочнымъ послѣ смерти каждаго владѣльца и поступало въ непосредственное распоряженіе государя, и не только до привилегіи Казимира IV (1457), но и послѣ нея.

Съ другой стороны нѣкоторые частные акты того времени, уцѣлѣвшіе до насъ, повидимому, даютъ обратное указаніе: сдѣлки (купли-продажи, даренія, завѣщанія, мѣны и пр.) на землю совершались повидимому свободно, не только послѣ привилегій Казимира и Александра, но и до нихъ.

Само собою понятно, какъ важно разрѣшеніе этихъ противорѣчій для исторіи права собственности не только въ Литовско-русскомъ

государствѣ, но и въ цѣломъ ходѣ исторіи русскаго права. Литовско-русское государство обнимаетъ собою самую коренную и древнѣйшую Русь: Кіевскую, Сѣверскую, Волынскую, Полоцкую и Туровскую земли, т. е. территорію зарожденія и развитія всѣхъ правовыхъ институтовъ древней Руси (Русской Правды). Если въ немъ частныя права гражданъ были столь ограничены, то мы должны или предположить то же о древне-русскомъ правѣ (Русской Правды), или признать, что въ эпоху литовскую исторія русскаго права попятилась назадъ ко временамъ первобытнымъ. Послѣднее предположеніе и дѣлали уже не разъ, утверждая, что литовское нашествіе обратило всю государственную территорію въ военную добычу литовскихъ князей; каждый частный собственникъ могъ владѣть только по волѣ и милости князя; собственность сдѣлалась условною, ленною; утвердились феодальные порядки.

Ошибочность этой догадки не должна бы подлежать ни малѣйшему сомнѣнію: *завоеванія* со стороны Литвы въ коренныхъ западно-русскихъ областяхъ (Бѣлоруссіи) не было; относительно Южной Руси, если даже и признать достовѣрность разсказовъ лѣтописи о походахъ Гедимина, то и здѣсь этотъ фактъ не былъ поворотнымъ пунктомъ въ исторіи государственной и частноправной; Литовскія полчища возвратились домой, а на мѣстѣ продолжали нѣкоторое время править свои князья. Затѣмъ какъ здѣсь, такъ и въ прочихъ частяхъ западной Руси, князья Литовской династіи постепенно и большею частью съ согласія населенія смѣнили Рюриковичей на княжескихъ столахъ древней Россіи. Въ нѣкоторыхъ частяхъ ея оставались и потомъ князья Рюриковичи, въ качествѣ подручныхъ къ вел. князю Виленскому.

Власть вел. князя въ отношеніи къ удѣламъ часто была лишь номинальною; сила единодержавія уступала единодержавію Московскому. Даже въ государственномъ правѣ не замѣтно никакихъ существенныхъ перемѣнъ со времени образованія Литовскаго государства; Литва, какъ племя, не имѣла почти никакой государственности и сама должна была подчиниться и подчинилась вполнѣ началамъ государственности русской. Перемѣна въ этомъ отношеніи началась только подъ вліяніемъ сближенія съ Польшею, въ XV в.—На институты частнаго права, скрытые въ самыхъ глубокихъ основаніяхъ народной жизни, смѣна Рюриковичей Гедиминовичами не должна имѣть никакого вліянія. Объясненіе феодализма здѣсь изъ факта завоеванія дол-

жно быть признано также невѣрнымъ, какъ такое же объясненіе подобнаго явленія въ западной Европѣ.

Въ виду такой темноты вопроса и огромной важности его для исторіи цѣлаго русскаго права, мы должны бережливо собрать всѣ дошедшія до насъ свидѣтельства о правѣ собственности на землю въ эпоху до 1-го Статута.

Такихъ свидѣтельствъ въ опубликованныхъ собраніяхъ актовъ очень немного; ихъ почти нѣтъ въ главномъ и самомъ цѣнномъ изданіи—Актахъ Западной Россіи и Актахъ Южной и Западной Россіи (кромѣ общегосударственныхъ и земскихъ привилегій, упомянутыхъ выше, но не разъясняющихъ загадки). Въ мѣстныхъ изданіяхъ, какъ то: Археографическомъ Сборникѣ документовъ, относящихся къ исторіи Сѣверо-Западной Россіи, Актахъ коммиссій Кіевской и Виленской, изслѣдователь найдетъ (особенно въ первомъ) нѣсколько цѣнныхъ данныхъ, но далеко неполныхъ для разъясненія дѣла. Самые важные источники исторіи частнаго права хранятся пока неизданными, въ особенности въ Литовской Метрикѣ. Прежніе издатели, очевидно, были заняты преимущественно политическою исторіею и сообразно съ этою цѣлію выбирали для изданія документы главн. обр. государственнаго характера.

Наиболѣе важный для нашей задачи матеріалъ, остающійся неизданнымъ, заключается между прочимъ въ III книгѣ Записей Литовской Метрики, въ обширномъ актѣ подъ заглавіемъ: *„Вогимя Божое. То суть книги, кому король имѣнія роздалъ“*. Это краткія записи разныхъ годовъ правленія Казимира о пожалованіяхъ имѣній и др. правъ разнымъ лицамъ, которыхъ въ актѣ безчисленное множество.—Записи дѣлались не въ хронологическомъ порядкѣ: акты, стоящіе впереди, отмѣчены болѣе позднею датою (напр. 1466), чѣмъ акты занесенные въ концѣ записи (1460 г.). Въ серединѣ есть отмѣтки о пожалованіяхъ, данныхъ Казимиромъ еще королевичемъ (т. е. до 1447 года). Множество отмѣтокъ о пожалованіяхъ и подтвержденіяхъ дано въ 1452 (6960) году, и именно въ январѣ этого года. Точныя даты каждаго пожалованія не могутъ быть опредѣлены, ибо въ записи онѣ обозначаются большею частію только индиктами. Записи отдѣльныхъ пожалованій отчасти расположены по областямъ; по крайней мѣрѣ въ серединѣ есть такой заголовокъ: „Смоленескъ. Инд. 9. Господинъ государь великій князь“ (замѣтимъ мимоходомъ,

что терминъ „государь“ въ другихъ литовско-русскихъ актахъ намъ не встрѣчался); за этимъ заголовкомъ далѣе слѣдуютъ дѣйствительно смоленскія пожалованія; напр. князю Константину Вяземскому. Впрочемъ такая группировка далеко не вездѣ выдержана. Пожалованія даваемы были въ разныхъ городахъ: въ Вильнѣ, Трокахъ, Дубинкахъ, Городнѣ и др.

Этотъ драгоцѣнный актъ для исторіи Литовско-русскаго землевладѣнія въ достатутовую эпоху, разумѣется, не можетъ служить единственнымъ источникомъ этой исторіи; мы вовсе и не имѣемъ въ виду нарисовать при помощи его полную картину правъ землевладѣнія въ XV в.; цѣль наша анализировать одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ указаннаго предмета и ту форму землевладѣнія, которой онъ касается непосредственно; форма эта именуется въ самомъ актѣ *помѣстьемъ, выслугой и держаньемъ*. Формы землевладѣнія были столь разнообразны, что приблизиться къ ихъ полному изученію можно только такимъ детальнымъ изученіемъ источниковъ. Впрочемъ при дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ имѣть въ виду и нѣкоторые другіе памятники. Записи, подобныя указанной [1]), находятся и въ IV кн. Зап. Лит. Метрики, а именно: „Федковъ реестръ книги данина короля его м. княземъ и паномъ и дворяномъ и земяномъ и всимъ, кому што господарь далъ, какъ пріѣхалъ король къ Городну з Ляховъ, съ корчомъ кому давано. Инд. 4, февр. 9 день“. Хотя здѣсь содержится запись о раздачѣ преимущественно движимыхъ вещей (денегъ, соли, лисьихъ шубъ, меда, сукна, жеребятъ и пр.), но и этотъ актъ предваряется и сопровождается записями о пожалованіи земель. Въ слѣдующихъ книгахъ Метрики содержатся записи пожалованій преемниковъ Казимира.

I.

Предметъ пожалованія.

Хотя запись, судя по ея заглавію, содержитъ въ себѣ перечень *имѣній*, розданныхъ Казимиромъ, однако въ ней рѣчь идетъ о пожалованіи не однихъ недвижимыхъ имуществъ, но и разныхъ другихъ

[1]) Упомянутая „Запись“ давно заслуживала бы научнаго изданія. Мы имѣли случай болѣе внимательно ознакомиться съ нею по Варшав. копіи Литов Метрики, по которой ниже указываются страницы въ цитатахъ.

правъ государственнаго характера. Для точнаго уясненія характера пожалованій, мы не можемъ устранить изъ своего разсмотрѣнія и этихъ послѣднихъ правъ, замѣнявшихъ собою пожалованіе имуществъ.

Прежде всего предметами пожалованія были недвижимыя имущества и люди, населяющіе ихъ.

Недвижимыя имущества жалуются подъ слѣдующими наименованіями: *земля, слѣдъ, служба, дворъ, село, селище, слобода, монастырь, волость.*

Послѣдній изъ этихъ предметовъ, т. е. волость, (а также и цѣлые *удѣлы*, входившіе въ число предметовъ пожалованія), носитъ характеръ преимущественно государственнаго пожалованія; всѣ же остальные предметы имѣютъ преимущественно частный характеръ.

Земля жалуемая обыкновенно была земля *обработанная. Сѣножати* не были предметомъ особаго пожалованія; считаясь лишь принадлежностью другого имущества, онѣ жалуемы были иногда для увеличенія цѣнности главнаго предмета напр.: „повѣдалъ намъ (п. Иванъ Ходкевичъ — маршалокъ), штожъ деи тая сѣножать близко его людей, а намъ не есть шкодна"; просимое было пожаловано (стр. 131).

Добавочный характеръ имѣетъ также пожалованіе права звѣроловства въ предѣлахъ главнаго имущества: напр.: „Ходыцѣ Басичю берегъ бобровый и гоны у Версѣхъ подъ его дворомъ по Устынѣ одъ Днѣпра до Княжичъ" (стр. 142). Самостоятельнымъ предметомъ пожалованія могли быть *воды*, именно озера, въ чемъ собственно разумѣется право рыболовства; напр.: „у Вилькомирскои волости Вазгаилу озеро Преподы на нѣмецкои границы, ажъ будетъ пусто, неводъ княжій не хоживалъ, и ажъ будетъ иному кому не отдано. Самъ великій князь. Инд. 10" (стр. 135).

Участки обработанной земли, которыми она входила въ пожалованіе, были разнообразны, что́ и выражено въ наименованіяхъ: слѣдъ служба, дворъ, село и слобода.

„Слѣдомъ" называется участокъ, обработываемый силами одного человѣка; самое наименованіе происходитъ отъ обработки, составляющей признакъ (слѣдъ) присутствія и культурной дѣятельности человѣка. „Слѣдъ" и опредѣляется именемъ сидящаго на немъ крестьянина; такъ подъ 1485 г. (?) занесена въ запись слѣд. купчая: „Олехно Судимонтовичъ воевода Виленскій, канцлеръ короля его м. Тотъ бояринъ королевскій Ошменское волости, Якубъ Милошевичь, пришодъ

передъ насъ съ Везгайломъ Ивашковичемъ, и повѣдалъ намъ, штожъ продалъ Везгайлу обель вѣчно слѣдъ человѣка своего отчинного на рѣцѣ на Или, нивы и сѣножати и гащи (?), бобровые гоны по рѣцѣ по Или, и рыбы ловити на моей дѣлницы....; продалъ есми Везгайлу обель вѣчно, никому не пенно, за одиннадцать копъ добрыхъ широкихъ грошей Ческое монеты, Польское личбы. А кому будетъ надобе до тое земли, нехай мене будетъ знаходити, а Везгайлу дать въ томъ покой" (стр. 206—207).

До нѣкоторой степени съ терминомъ „слѣдъ" совпадаетъ терминъ „служба"; но разница между ними та, что слѣдъ есть всегда участокъ одного человѣка, а въ „службу" можетъ входить уже нѣсколько домохозяевъ, лишь бы количество податей и повинностей, назначенное съ этого участка въ пользу государства, оставалась неизмѣнно-единичнымъ.

„Дворомъ", какъ предметомъ пожалованія, называется сельскохозяйственный хуторъ съ землею, обработываемою б. ч. несвободными людьми. Но отъ этого термина надо отличать другой, означающій уже городское имущество; именно въ пожалованіе могли идти дворовыя мѣста въ городахъ лишь бы они принадлежали не „мѣсту" (городской общинѣ), а вел. князю; напр. въ актѣ находимъ слѣд. запись: „Старостѣ Жомоитскому пану Яну Кезгайловичу мѣсто дано на дворъ у перевози близко крыницы; а пану Станку Мордасу такежъ мѣсто, какъ бы могль дворъ нарядити, у перевози близко крыницы, ажъ будетъ не мѣстицкое мѣсто, королевское (стр. 202).

Юридическія свойства предмета пожалованія могутъ быть опредѣлены слѣд. чертами:

Жалуемыя имущества могли до пожалованія не быть ни въ чьемъ частномъ владѣніи, то есть пожалованіе могло исходить непосредственно изъ фондовъ государственныхъ, или (что́ тоже) великокняжескихъ имуществъ; жаловались „земли пустые, которые зъ вѣковъ не были ни за кимъ" (стр. 167).

Но гораздо чаще въ пожалованіе шли имущества уже бывшія прежде предметомъ пожалованія; это именно земли, владѣльцы которыхъ умерли или сбѣжали, или которыя были отобраны у нихъ великимъ княземъ. Всѣ такія земли въ актѣ также именуются *пустыми*; напр. въ записи отмѣчено: „Глѣбу Андреевичу Игнаткова зем-

ля подъ тивуна Мѣдницкого, занюжъ (ибо) тотъ деи Игнатко убеглъ своего мѣста. Апр. 15, инд. 1“ (стр. 120).

Что *земля* дѣйствительно *пустая*, т. е. осталась безъ владѣльца, о томъ свидѣтельствовалъ самъ просившій пожалованія; если показаніе его окажется ложнымъ, то и пожалованіе, сдѣланное подъ вліяніемъ обмана, становится недѣйствительнымъ, о чемъ обыкновенно и заявляется въ актѣ пожалованія. Напр. „у Красномъ селѣ землица Сейбылишки, а повѣдалъ (просившій ее) пуста деи лежитъ и отчича нѣтъ, ино король ему далъ. А просилъ панъ Товтилъ, а писалъ Якубъ, а данъ у Вилни, апр. 18, инд. 12“ (стр. 126).

Въ виду сказаннаго могло практиковаться и дѣйствительно практиковалось условное пожалованіе, т. е великій князь жалуетъ землю просителю, но съ оговоркою, если она дѣйствительно окажется выморочною. Напр. „Неменчинское волости при пана Ганушовѣ тивунствѣ просилъ Медничанинъ Юшко Горвидовичъ у Неменчинѣ земли пустое розбрано (sic), на имя Дробовщины, а наслѣдка деи нѣтъ; а были пять сыновъ, нѣтъ вѣдома, гдѣ ся подѣли; и панъ Ганусъ такъ королю повѣдалъ; ино будетъ ли такъ, и король великій князь далъ на службу на боярскую, а перво была ловецкая земля. А писати приказалъ панъ Станько Судивоевичъ маршалко, а далъ въ Кринкахъ, мар. 23, инд. 12; а писалъ Якубъ“ (стр. 127).

Предметомъ пожалованія могла быть земля *ненаселенная* (въ рѣдкихъ случаяхъ) и *населенная* (въ большинствѣ ихъ). Но во всякомъ случаѣ ненаселенность участка не означаетъ земли *необработанной* (какъ выше упомянуто); здѣсь разумѣются такія имущества, которыя прежде были населены, но лишились жителей: „селища пустыя“, „слѣды пустые“, „волостки пустыя“; напр. „Кромскому князю Ивану у Брянску два селища пустыхъ; князю Володку Масальскому волостка Недоходовъ пуста“ (стр. 148). При этомъ показателемъ ненаселенности служитъ не предикатъ: „*пустая*“ земля, а увеличительныя или уменьшительныя наименованія.

Что касается до *населенныхъ имуществъ*, то слѣдуетъ различать два вида ихъ: первый, когда жалуемая земля есть хозяйственный хуторъ, съ населеніемъ несвободнымъ, рабскимъ; это спеціально именуется *дворъ*; напр. „у Высокомъ дворѣ пану Гринку Конюшему земля Сакова пустая и з челядью Саковою“ (стр. 203). Пожалованіе

такихъ участковъ юридически ничѣмъ не отличается отъ пожалованія ненаселенныхъ земель.

Совершенно иной характеръ имѣютъ земли, населенныя свободными людьми; пожалованіе ихъ нерѣдко именуется спеціальнымъ терминомъ пожалованія *людей*. Можно подумать, что „люди“ составляютъ особый предметъ пожалованія, отдѣльный отъ земли; до нѣкоторой степени это такъ и было, какъ увидимъ сейчасъ; но по общему правилу и здѣсь надо разумѣть пожалованіе недвижимыхъ имуществъ. Подъ „людьми“ при пожалованіяхъ разумѣются не холопы, а люди, владѣющіе землею, и предметомъ пожалованія должна считаться собственно земля, находящаяся подъ ними. Приведемъ сначала примѣры, указывающіе какъ бы на личное пожалованіе „людей“ „Литвинцу у Лынковѣ (даются) чотыри чоловѣки—отчина его“ (стр. 118); здѣсь первая половина фразы могла бы навести на мысль, что пожалованы были собственно *люди*; но терминъ „отчина“ предохраняетъ отъ этой ошибки. Въ этомъ же смыслѣ слѣдуетъ понимать и такіе случаи, когда человѣкъ выдается въ пожалованіе за совершенное имъ преступленіе, напр.: „Нашку Сурвиловичу чоловѣкъ на имя Выдитъ, прокрался деи у семи копахъ“ (стр. 120). Въ этомъ послѣднемъ примѣрѣ дѣло осложняется тѣмъ, что и самъ преступникъ (въ другихъ случаяхъ можетъ быть также и несостоятельные) становился полнымъ, или временнымъ холопомъ новаго владѣльца.

Чтобы имѣть возможность выдѣлить эту примѣсь личной зависимости, приведемъ параллельное указаніе о *пожалованіи вдовы* служилаго человѣка другому слугѣ; напр.: „што Гирдули держалъ имѣницо на Березни, а коли его не стало въ животѣ, ино жоны его Гирдулевы просилъ у насъ Гирятъ Готевичь, и мы были позволили ю поняти ему; и колко лѣтъ живши Гирдуліева за тымъ Гирятомъ, и умерла безъ природка; и мы нынѣ дали тое Гирдуліево именеицо увязати пану Василію Корсаковичу“ (стр. 123—124). Какъ здѣсь пожалованіе *вдовы*, очевидно, означаетъ пожалованіе имѣнія, оставшагося за смертію мужа ея въ ея пожизненномъ владѣніи, такъ и въ предыдущихъ примѣрахъ пожалованія *людей* нужно разумѣть то же, хотя какъ въ этихъ послѣднихъ случаяхъ есть примѣсь личной зависимости, такъ и въ пожалованіи вдовы сохраняется еще переживаніе стараго права вел. князя распоряжаться брачною судьбою подданныхъ.

Что вообще въ подобныхъ случаяхъ нужно разумѣть пожалованіе земли, принадлежащей *людямъ*, вмѣстѣ съ обязательною службою этихъ людей, показываютъ слѣд. примѣры: „Висимонту (дано) чотыри чоловѣки, а пятаго выгнати въ Росеиняхъ. Можейку два чоловѣка у Видукляхъ, а третій выгнати изъ земли. Юрію у Видукляхъ подъ двема человѣки подъ Дыркесемъ и зъ братомъ земля, а самыхъ выгнати. Визбою Сунгайлова земля, а самого выгнати у Россеиняхъ, Довгинту подъ двема земля а самыхъ выгнати (въ) Ойрагола“ (стр. 169). Такіе случаи, когда земля была отдѣляема отъ людей, ясно указываютъ, въ чемъ лежитъ сущность права пожалованія людей. Мы не знаемъ причинъ, почему иногда, при пожалованіи земли, людей *сгоняли*; быть можетъ тутъ дѣйствовали и экономическіе разсчеты и уголовно-юридическіе; четырехъ оставляютъ, а пятаго выгоняютъ, быть можетъ потому, что этотъ пятый оказался неисправнымъ плательщикомъ, а можетъ быть потому, что пяти человѣкъ для жалуемаго участка было много. Во всякомъ случаѣ главный предметъ пожалованія—это земля, обработываемая *людьми*, хотя по буквальному смыслу акта жалуемы были люди.—Всего рельефнѣе эта мысль видна изъ такихъ примѣровъ, когда жалуема была населенная земля, но именно безъ людей (т. е. безъ обязательной службы ихъ); напр.: „Минялку Дромутевичу Здетельцу (дана) отчина его у Здетелѣ земля безъ людей“ (стр. 204).

Еще интереснѣе слѣд. случай: „У Красномъ селѣ Михаилу Корсаковичу (дана) земля Лукьянова и *потомъ* тотъ Михайло Корсаковичь и самаго Лукьяна выкупилъ у полушести копѣ, ино и человѣка того Лукіана емужъ дано“ (стр. 126).—Здѣсь, повидимому, опровергается высказанное нами предположеніе о томъ, что главный предметъ пожалованія есть земля, что люди отдѣльно не идутъ въ пожалованіе; но дѣйствительный смыслъ извѣстія совершенно обратный: „человѣкъ“ выкупленъ (купленъ) и вслѣдствіе того пожалованъ, именно тотъ, чья земля уже прежде поступила въ пожалованіе; куплена обязательная служба прежняго владѣльца земли. У кого куплена? У самого ли „человѣка“, или у вел. князя? Это вопросъ хотя и очень интересный, но пока сторонній для нашей ближайшей цѣли.

Люди, которые шли въ пожалованіе съ ихъ землями, могли принадлежать ко всѣмъ разрядамъ тяглаго и служилаго сельскаго населенія. Иногда при пожалованіи именно отмѣчается, что жалуемые люди должны

быть „непутные, неданные, некуничные“. Иногда же наоборотъ въ пожалованіе идутъ именно путные слуги (низшій разрядъ служилыхъ лицъ, имѣющій въ завѣдываніи извѣстный *путь*, должность, напр. развозить письма и т. п.), напр.: „Куріашу а Юрію чотыри человѣки путныхъ, на имя Даніусъ“... и т. д. (стр. 121); или именно данники; напр. „Кревское волости и Холхолское волости Станьку Тяботовичу (даны) чотыри человѣки данники: Давида, а Дениса, и съ нимъ потужники два“. Въ одномъ случаѣ самымъ существеннымъ условіемъ пожалованія было именно то, что испрашиваемый „человѣкъ“—*не тяглый, а путный, служебный:* „Подчашому нашему Олехну Судимонтовичу, намѣстнику Полоцкому: просилъ насъ Остафей Корсаковичь человѣка у Полоцкомъ повѣтѣ на Язнѣ, на имя Мякала, а повѣдалъ намъ, штожъ деи тотъ Мякало—человѣкъ служебный, путный, а не тяглый и зъ сынами своими не дѣлился, и мы о томъ и тебе пытали, и ты намъ также повѣдалъ.... Ино коли такъ, и мы того человѣка на имя Мякала и зъ дѣтми пану Остафію дали“ (стр. 135).

„Мѣстичи“: т. е. люди городскаго состоянія обыкновенно не идутъ въ пожалованіе (кромѣ пожалованія цѣлыхъ удѣловъ и волостей); если мѣстичи живутъ смѣшанно съ людьми сельскаго состоянія, то для видѣленія послѣднихъ при пожалованіи признакомъ считается то, что они занимаются земледѣліемъ; такъ князю Воротынскому былъ пожалованъ дворъ Нѣмчинскій въ Смоленской державѣ съ слугами и съ тяглыми людьми, „што орютъ да сѣно косятъ, но не съ мѣстичами“ (стр. 148).

Въ пожалованіе даются „люди“, какъ непосредственно принадлежавшіе великому князю, такъ въ особенности тѣ, которые уже прежде были за кѣмъ-либо въ пожалованіи; напр.: „самъ король Симону Олферевичу три человеки, што Ивашко держалъ, на имя Жижловичь, а Сущничинъ, а Павлецъ, а то деи люди зъ вѣковъ боярскіе, а не королевы, а наслѣдка нѣтъ къ тымъ людемъ“ (стр. 137). Другой примѣръ: „у Смоленску Павлу Полтеву (данъ) *слуга* Василь Барсуковичь, што за Коптемъ былъ, ажъ не будетъ никакова жалованія, ни людей, а ни волости, а будетъ згожо, ино дати“ (стр. 144). Этотъ случай показываетъ, что служилый человѣкъ, отданный другому служилому въ пожалованіе, не терялъ чрезъ то своего служилаго характера; переходя отъ одного владѣльца къ другому чрезъ новое пожалованіе, онъ все-таки остается и именуется слугою.

Единственный разрядъ служилыхъ лицъ, который не идетъ въ пожалованіе частнымъ лицамъ, это—*бояре*. Здѣсь разумѣемъ мы спеціально пожалованіе боярина съ его землею; напротивъ при пожалованіи цѣлыхъ удѣловъ и волостей, преимущественно лицамъ княжескаго происхожденія, въ числѣ прочихъ классовъ населенія удѣловъ шли и бояре. Но, повидимому, такія пожалованія бояръ даваемы были лишь въ болѣе раннюю эпоху, до шляхетскихъ привилегій; впослѣдствіи, когда на многихъ изъ бояръ распространены привилегіи польскаго шляхетства, бояре исключались изъ пожалованія: въ интересномъ случаѣ пожалованія князю Свидригайлу Гомля и его женѣ Здитова Городка именно отмѣчено: „боярскихъ селъ не далъ“ (стр. 133).

Люди могли быть пожалованы или поименно, или безъ имени, однимъ числомъ; жалуется столько-то людей въ такой-то волости, а какіе именно люди въ этой волости попадутъ въ пожалованіе, это предоставляется ближайшему усмотрѣнію мѣстной власти и м. б. выбору получившаго пожалованіе; напр. „у Зеимѣхъ (дано) пану Завиши десять чоловѣковъ *безъ имени*“ (стр. 203). Иногда даже число жалуемыхъ людей указывается лишь приблизительно; напр. „Лигейковичу Некрашу у Ятвяжскомъ три чоловѣки Микитычи Селивонъ зъ братомъ, а Живковичь, у Городнѣ на Щарый дворецъ Миколаевъ Воишвиловича, а чоловѣкъ *пять-ли шесть-ли*“ (стр. 198).

Въ какомъ смыслѣ нужно понимать пожалованіе людей и ихъ обязательную службу, показываетъ слѣд. примѣръ: „одъ великого князя Казимира королевича Виленскому пану Остику. Просилъ въ насъ Крашъ Довгинтовичь трохъ чоловѣковъ, на имя Кигоса, да Домутиса, да Новениса у Пенянскои волости, а повѣдилъ намъ, штожъ не путныи; ино будетъ ли згожо, *всхотятъ ли за нимъ быти*, и ты бы далъ ему тые три чоловѣки до нашое воли. Писанъ у въ Оникштахъ на канунъ святого Михаила дня нояб. 7, инд. 6“ (стр. 201—202). Правда, такое условіе пожалованія встрѣчается рѣдко; но и одного такого случая достаточно, чтобы отвлечься отъ представленій позднѣйшаго крѣпостнаго состоянія и вещныхъ правъ владѣльца на личность крестьянъ.

Люди жалуемые могли (съ большею или меньшею основательностію и успѣхомъ) протестовать противъ пожалованія ихъ частному лицу, если находили такое пожалованіе незаконнымъ. Подобная жа-

лоба занесена была королю въ 1497 г. (марта 27, инд. 15) людьми Дубровенскаго пути Золотовлянами — Гридкомъ Мартиновичемъ и Жданцомъ Антоновичемъ съ братьею ихъ. Дѣло въ томъ, что писарь Николая Радзивила Сенько Тереховичъ выпросилъ себѣ въ пожалованіе у короля „селцо ихъ отчизное—Золотовичи и ихъ самихъ", обманувши (будто-бы) короля, что ихъ немного, между тѣмъ какъ ихъ 70 „подымей". Тереховичъ же съ своей стороны заявлялъ, что они ложно утверждаютъ, будто ихъ такъ много; онъ просилъ у короля именно „тыхъ людей отчичовъ Гридка Мартиновича и Жданца Антоновича съ ихъ братіею; и ихъ отчичовъ на томъ селци толко пять, а другая пять истобокъ (избъ) прихожихъ людей дольничковъ ихъ (т. е. допущенныхъ ими въ долю на тѣже службы и дымы), а живутъ у въ одномъ мѣстѣ, на томъ же селци; а болши того ничого тамъ дымовъ нѣтъ". Король, однако, послалъ дворянина освидѣтельствовать на мѣстѣ, и только когда посланный подтвердилъ показаніе Тереховича, король рѣшилъ: „нехай онъ тое селцо держитъ, а намъ съ того службу доспѣшную служитъ, а тымъ людемъ: Гридку Мартиновичу и Жданцу Антоновичу и ихъ братіи казали есмо писарю Сеньку *служити*" (Лит. Метр. Ш, стр. 115).

Хотя при пожалованіи людей разумѣется пожалованіе земли подъ ними, но, очевидно, здѣсь рѣчь идетъ не о переходѣ права собственности на землю; земля не принадлежала въ собственность ни тѣмъ людямъ, которые идутъ въ пожалованіе съ землею, ни новому владѣльцу. Жалуются собственно доходы, которые получалъ съ этой земли и съ этихъ людей великій князь. Вотъ почему при пожалованіи очень часто отмѣчается: „а дани даютъ столько то"; напр. „Свисслоцкое волости Дягирду, Ошменскому человѣку, 18 человѣка—село, на имя Божино со двѣма уставы (т. с. дани). Приказъ пана Гастовтовъ. Сопега" (стр. 126). Въ 1494 г. записана „данина" намѣстнику Овруцкому п. Горностаю Романовичу, а именно: „человѣка, на имя Дитятковича, въ Кіевскомъ повѣтѣ на вѣчность... Тотъ человѣкъ Дитятковичъ даивалъ отцу нашему съ тое земли, на которои онъ сидитъ, дани чотыри карамоны меду прѣсного, а двѣ ведрѣ и два кузни меду, а три копы грошей, а топоръ, а стого сѣна, а коня ставилъ на недѣлю къ Чорнобылю, и служба одна.... И мы ему того человѣка Дитятковича дали вѣчно ему, и его жонѣ, и ихъ дѣтемъ и потомъ будучимъ и ихъ ишчадкомъ, и з землями, и з водами, и з бо-

бровыми гоны, и з данью медовою и грошовою, и со всими платы и доходы, *по тому, какъ и отцу нашему служивалъ и данъ даивалъ* выименя (sic; кромѣ того, что) коня маетъ ставить на недѣлю въ Чорнобыли по давному. 7002, мая 7" (кн. Ш, № 6). Въ этомъ случаѣ, хотя и сказано, что жалуется земля, а затѣмъ отдѣльно упомянуто о дани, но заключительная фраза акта указываетъ, что всѣ права новаго владѣльца состоятъ въ полученіи съ пожалованнаго человѣка той дани и той службы, какою онъ былъ обязанъ прежде великому князю.

Иногда въ извѣстномъ имѣніи дается въ пожалованіе часть доходовъ, причемъ предполагается, что въ томъ же имѣніи другія части доходовъ могли быть пожалованы другому; такъ князю Андрею Порховскому подтверждается пожалованіе на три имѣнія, а въ четвертомъ „три бочки" (если подъ этимъ, впрочемъ, не разумѣть мѣру земли). Иногда часть доходовъ, при пожалованіи, удерживалась въ пользу вел. князя, а получавшему пожалованіе оставлялся его „доходецъ", быть можетъ та прибавка, которую обыкновенно получали въ свою пользу сборщики податей; напр.: „Глѣбку Кричевскому семъ чоловѣковъ въ Кричевѣ,... а на прикладнехъ у Кричеву прикладенское серебро выбравъ, къ великому князю принести Глѣбку, а ему его доходецъ".... „А куницы въ Кричевѣ Сенку выбрати, а принести къ великому князю, а ему его доходецъ".

Так. обр. пожалованіе земли и людей, хотя и носитъ преимущественно частный характеръ (въ отличіе отъ другихъ предметовъ, о которыхъ скажемъ сейчасъ), тѣмъ не менѣе весьма далеко отъ нашихъ понятій о пріобрѣтеніи вещныхъ правъ; оно также окрашивается государственнымъ значеніемъ. Владѣніе пожалованнымъ селомъ и „держаніе" волости, т. е. управленіе ею, весьма близко соприкасаются одно съ другимъ.

Переходимъ къ предметамъ пожалованія государственнымъ (въ нашемъ смыслѣ).

Самый важный видъ пожалованія есть пожалованіе *удѣловъ*, т. е. частей прежнихъ государствъ—земель лицамъ княжескаго происхожденія. Хотя времена Казимира представляютъ эпоху почти полнаго уничтоженія удѣловъ, но въ замѣнъ отбираемыхъ частей государства, великій князь жаловалъ удѣльнымъ князьямъ части территоріи въ другихъ мѣстахъ государства на правахъ получастныхъ—

полугосударственныхъ; напр.: „князю Свидригайлу Гомей, княгини Свидригайловои Здитовъ городокъ, дворецъ и привиле на то; боярскихъ селъ не далъ". Хотя вел. князь не далъ боярскихъ селъ, т. е. предоставилъ, повидимому, князю Свидригайлу только частныя права на имущества, непосредственно принадлежавшія вел. князю, но вспомнимъ, что въ пожалованіе входитъ самый гор. Гомель и что никакая другая власть уже не назначается для суда и управленія въ этотъ городъ; всѣ мѣстныя государственныя функціи переходятъ на удѣльнаго князя. Съ др. стор. права Свидригайла въ Гомлѣ и жены его въ Здитовѣ не суть ни права независимыхъ государей, ни права намѣстниковъ вел. князя.—Такъ въ этомъ предметѣ пожалованія сливаются частный и государственный характеръ пожалованія.

Особенно частымъ и важнымъ предметомъ пожалованія было управленіе *волостями*. Обыкновенно въ каждой землѣ (удѣлѣ или повѣтѣ) бояре центральнаго города получали поочереди управленіе волостями этой земли. Каждый годъ въ волость является новый бояринъ, котораго потомъ въ слѣдующемъ году смѣнялъ другой, ближайшій по очереди. Но внесеніе въ списки и въ очередь зависѣло отъ воли, и милости государя и было особымъ предметомъ пожалованій. Приведемъ наиболѣе рельефный примѣръ. „Въ Городнѣ генваря 6 день инд. 6, билъ чоломъ королю его милости бояринъ Кіевскій Пирхайло: штожъ давно ему дана волость Олевско, и онъ тое волости ещо и до тыхъ мѣстъ не держалъ, и билъ чоломъ королю его мил., абы далъ ему тотъ годъ выдержати, отодвинувши иншихъ, а другій бы годъ къ тому придалъ на окупъ: што жона его и дѣти у Ордѣ. Ино король его мил. тотъ годъ его первый далъ ему тую *волость выбрати* на сесь годъ, какъ часъ прійдетъ, отодвинувши иныхъ. А другій годъ ново придалъ его мил. ему тую волость выбрати на окупъ женѣ его и дѣтемъ, а кому первѣй его было дано, тыи маютъ послѣ его брати" (Л. М. кн. IV, стр. 288).

И такъ волостью Олевскою управляли поочереди бояре, получившіе на то пожалованіе; но управленіе заключалось только въ томъ, чтобы „волость выбрати", т. е. въ полученіи доходовъ. Самое же управленіе въ дѣйствительности находилось въ рукахъ мѣстныхъ жителей и осуществлялось чрезъ выборныхъ лицъ. Такой порядокъ повсемѣстный въ государствѣ. Доказательствомъ служитъ обширный актъ въ IV кн. Лит. Метр., изъ котораго взятъ приведенный случай;

тамъ заключенъ довольно длинный списокъ раздачи волостей въ Клодавѣ и въ Городнѣ (инд. 5 и 6): „што король его м. волости давалъ боярамъ Житомирскимъ въ Клодавѣ апр. 2 день, инд. 5: Макару Володковичу волость Биринъ, на годъ послѣ первыхъ“ и т. д. (именно тогда розданы волости: Жолвяжъ, Отень, Утешковъ, Лопатинъ, Хотень; стр. 288).

Повидимому здѣсь нѣтъ ничего общаго съ пожалованіемъ имуществъ; въ послѣднемъ случаѣ получается право на хозяйственную эксплоатацію земли, въ первомъ—на госуд. доходы; тамъ дается имущество потомственно, или по кр. м. пожизненно, здѣсь временно на одинъ годъ.—Но не такъ смотрѣли современники: служилому человѣку было нужно дать жалованье за службу; въ чемъ бы оно ни состояло, это все равно, лишь бы количествомъ получаемыхъ средствъ служба оплачивалась. Даже въ самыхъ жалованныхъ грамотахъ иногда предоставлялось на волю мѣстныхъ властей—дать ли служилому человѣку деньги, землю, или волость; выше уже приведенъ примѣръ: „у Смоленску Павлу Полтеву (данъ) слуга Василь Барсуковичь, што за Коптемъ былъ, ажъ не будетъ никакова жалованія, ни людей, а ни волости, а будетъ згожо, ино дати“ (стр. 144). Безразличіе правъ государственнаго управленія и частной власти особенно видно, когда дѣло идетъ не о волости, а о селѣ; напр. „Мишку дали есмо Ежолское Прилукъ у тивунство; Матѣю Моклоковичю Савино селцо, (што) Вацковичь держаль и конюшое. А Ивашку городничое у Витебску, а селцо Дорминское егожъ отчина“ (стр. 141).

Ниже мы войдемъ въ ближайшее разсмотрѣніе сущности правъ, которыя получаетъ человѣкъ въ слѣдствіе пожалованія; теперь считаемъ нелишнимъ замѣтить только на счетъ срочности пожалованія волостей. Волости раздаются въ „кормленіе“ (какъ говорилось въ Москвѣ), и обыкновенно на одинъ годъ; но въ приведенномъ выше случаѣ мы видѣли, что одногодичное „выбираніе“ волости продолжено королемъ еще на одинъ годъ по причинѣ совершенно случайной: проситель долженъ былъ добыть деньги на выкупъ жены и дѣтей, уведенныхъ въ Орду. Всегда есть возможность предположить, что найдется множество и другихъ поводовъ для продолженія кормленія. Нетрудно перейти къ пожизненному владѣнію волостью, что повсемѣстно и совершилось въ Литовско-русскомъ государствѣ, когда, по примѣру

Польши, введены старосты.—Примѣры потомственнаго владѣнія волостями многочисленны уже и въ эту эпоху; сюда относится княжеское владѣніе волостями; въ немъ весьма тѣсно слиты и государственное управленіе и частное право владѣнія. Пожалованіе волостей ничѣмъ не отличается отъ прочихъ пожалованій земли, кромѣ величины; оно и заносится въ запись наравнѣ съ прочими пожалованіями. Въ нашемъ памятникѣ между прочимъ заключены пожалованія: князю Александру Володимировичу Острецкаго городка (стр. 197), князю Ивану Андреевичу Можайскому—Брянска, князю Ѳедору Воротынскому—нѣсколькихъ волостей въ Смоленской землѣ. Особенно интересенъ этотъ послѣдній случай: вел. князь раньше далъ князю Воротынскому эти волости лишь въ „держанье“; въ жалованной грам. о дѣтяхъ не было упомянуто; потомъ вел. князь даетъ новую жалов. грамоту, передавая эти волости „въ отчину и его дѣтемъ“ (стр. 151); княжескія имущества впослѣдствіи совершенно перешли въ разрядъ имуществъ частныхъ.

По примѣру ли княжескихъ имуществъ, или независимо отъ него получали волости въ потомственное владѣніе и лица не княжескаго происхожденія.

Въ параллель съ пожалованіемъ государственныхъ доходовъ можно поставить *пожалованіе церковныхъ учрежденій*, именно *монастырей*, частнымъ лицамъ. Здѣсь частно-правный характеръ пожалованія, повидимому, выступаетъ даже яснѣе и нагляднѣе; напр.: „Ефрему Петлину монастырь Борисобланскій (?) со всимъ, какъ Добротичь держалъ (стр. 141).

Наконецъ предметомъ пожалованія могутъ быть и *чисто-государственныя права*, о которыхъ вовсе не слѣдовало бы упоминать, когда рѣчь идетъ о пожалованіи, какъ источникѣ правъ на недвижимыя имущества, еслибы раздача ихъ не включена была въ общую запись о пожалованіяхъ и если бы тѣмъ самымъ нашъ памятникъ не указалъ намъ на тогдашнюю точку зрѣнія. Мы не можемъ умолчать здѣсь о пожалованіи государственныхъ правъ потому, что этимъ всего лучше уясняется тогдашнее безразличіе правъ государственныхъ и частныхъ.

Сюда относится воперв. пожалованіе государственныхъ пошлинъ и податей. По нашему, это есть собственно откупъ податей, но откупъ „вѣчный“; напр.: „Берестейское мыто (дано) Беньку Шаневичу

вѣчно, на каждый годъ по 300 копъ грошей; а коли мыто полѣпшится, ему повышати, а подъ нимъ никому не подкупати" (стр. 194). Точно также переходитъ въ частное обладаніе *вѣсчее* (вѣсовыя пошлины): „Степану а Васку у во Мстиславли вѣсчее" (стр. 145). Внутреннее сходство пожалованія этихъ правъ съ пожалованіемъ имуществъ, видно изъ слѣд. примѣра: „Еску Лопатину земля бортная на Усѣ Антипино а Юркина,—даеть кадь меду, а грамота мытная" (стр. 148). Здѣсь одно и тоже пожалованіе состоитъ изъ двухъ частей (совершенно несоизмѣримыхъ по нашимъ понятіямъ), именно изъ пожалованія земли и права на сборъ мыта. Чтобы болѣе уравнять тотъ и другой предметъ пожалованія, чтобы отвлеченныя права государственныя сдѣлать такъ сказ. тѣлесными, онѣ олицетворяются въ „грамотѣ": жалуется не мыто, а *грамота мытная*.

Во-вторыхъ, предметомъ пожалованія могли быть привилегіи въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. освобожденіе или изъятіе отъ общихъ государственныхъ службъ и повинностей; напр.: „Васку Смолнянину (на) войну не ходити, а ни подводъ давати, з городомъ не тягнути. Кузмѣ Смолнянину мыто до воли отпущено, а Омеляну—потомужъ" (стр. 143). „Борыску Прокшину и з городомъ не тягнути, и на кождый годъ давати намъ по корабельнику. Ондріяну Огажонову з братіею, и з двора и з селца, также з городомъ не тягнути, на путь не ходити, а съ того имъ давати на годъ по корабельнику. Окулѣ Чорному бору не косити, ни подводъ не давати" (ibid).

Связь пожалованій этого послѣдняго вида съ имущественными правами заключается въ томъ, что чрезъ такія освобожденія всякое имущество, принадлежащее привилегіату, дѣлалось свободнымъ; судьба его уже не интересовала вел. князя, будь оно отчиною или выслугою. Путемъ именно такихъ привилегій, сначала частныхъ и мѣстныхъ, а потомъ общихъ, вполнѣ зависимыя имущественныя права бояръ и слугъ мало по малу превратились въ полныя, независимыя шлахетскія права на землю.

II.

Власть, дающая пожалованіе.

Основной источникъ всякихъ пожалованій есть *великій князь*. Запись Литов. Метр., служащая для насъ теперь главнымъ источни-

комъ, носитъ заглавіе: „то суть книги, кому король имѣнія роздалъ". Въ большей части случаевъ, при отдѣльныхъ пожалованіяхъ, отмѣчается: „Самъ великій князь" (стр. 117) т. е. далъ,—иногда съ прибавкою: „самъ король при панахъ" такихъ то.

Но такъ какъ эпоха Казимира есть только конецъ удѣльныхъ порядковъ, еще не вполнѣ исчезнувшихъ при немъ, то пожалованіе съ одинаковымъ значеніемъ исходило и отъ удѣльныхъ князей въ предѣлахъ власти того или другаго князя. Во времена болѣе раннія, т. е. въ XIV и первой полов. XV в., въ этомъ отношеніи не существовало никакихъ ограниченій; мы имѣемъ нѣсколько грамотъ Свидригайла и другихъ Ольгердовичей и не можемъ открыть въ нихъ никакихъ признаковъ неполноты правъ жалующаго, необходимости послѣдующаго подтвержденія[1]). Слѣдуетъ думать, что такой же порядокъ продолжался и при Казимирѣ, отчасти при Александрѣ, т. е. пока существовали удѣлы. Но за то съ отмѣною удѣловъ всѣ пожалованія удѣльными князьями не только подтверждаются вновь (или отвергаются), но какъ бы становятся новыми пожалованіями отъ имени великаго князя. Напр.: „Никопу и з дѣтьми (дано) што былъ выслужилъ у князя Лыгвенія а у сына его князя Ерослава, а такожъ (даны емуже) Березковичи, што былъ у него князь Андрей Порховскій отнялъ" (стр. 145). „Князю Андрею Порховскому што при князи Лыгвени держалъ: Колтовъ, а Березуйковичи а Хоцлавичи, а у Ремествѣ три бочки. Князю Юшку селцо Болгаковское, што ему князь Жигимонтъ далъ. Федку Пекличу Безкосичи, а у Безводничи данничокъ, какъ при Лыгвени держалъ. У Мстиславлѣ Макару отчина, какъ при Лыгвени держалъ" (стр. 146). Такихъ отмѣтокъ объ укрѣпленіи пожалованій, данныхъ Лыгвеніемъ въ записи весьма много (что, замѣтимъ мимоходомъ, указываетъ на эпоху такихъ записей, т. е. время присоединенія удѣла Лыгвенія).

Могли ли давать пожалованіе вельможи государства т. е. Рада, безъ великаго князя, хотя бы и отъ его имени? На этотъ вопросъ

---

[1]) См. Ак. Зап. Рос т. I passim. Считаемъ долгомъ предупредить, что мы не будемъ дѣлать ссылокъ на общензвѣстныя изданія, особенно въ подтвержденіе положеній, болѣе или менѣе и прежде доказанныхъ.

отвѣтить опредѣленно въ утвердительномъ или отрицательномъ смыслѣ—нельзя. Въ нашей записи встрѣчаются напр. такія отмѣтки: „Княгини Маріи Семеновои Гольшанскои село Продешевичи, даютъ деи дани уставъ. *Панъ Кезгайло, панъ Довгирдъ, панъ Петрашъ, панъ Гастовъ, уси нанове*“. Были ли паны только свидѣтелями пожалованія, даннаго королемъ, или сами дали пожалованіе? Можно именно думать послѣднее, судя по отмѣткѣ, рядомъ стоящей: „пану Юршы люди данники Лещаны, а у томъ селѣ петнадцать человѣка, дани даютъ полтара устава. *Самъ великій князь*“ (стр. 127).

Форма обѣихъ отмѣтокъ совершенно одинакова, а потому, думаемъ, и смыслъ ихъ тотъ-же. Если такъ, то сюда относятся всѣ тѣ отмѣтки, гдѣ подъ пожалованіемъ подписываются имена однихъ пановъ, но нѣтъ имени великаго князя.—Да и само собою понятно, что въ эпохи междуцарствій и долгаго отсутствія великихъ князей, когда Рада вступала во всѣ права великокняжеской власти, она должна была владѣть и правомъ пожалованія.

Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ повѣтахъ и волостяхъ пожалованіе исходило отъ мѣстныхъ правителей—*воеводъ и намѣстниковъ*. Напр. „Колонтаева земля, што ему панъ Петрашъ далъ, коли Трубчевскъ держалъ, на имя Орѣльско, со всѣми уходы и бобры, и земля пшеничная, и рѣчка Ягнедь, и земля Волчкова и съ бобры“ (стр. 151—152). Въ нашихъ рукахъ есть и самыя грамоты державцевъ на имѣнія частнымъ лицамъ; напр. „Я Павелъ Ивановичь Сопега, маршалокъ господаря короля его мил., державца Бряславскій. Жадалъ мене князь Юрей Тимоѳеевичь Масалскій, абыхъ я ему далъ две земли пустовскихъ у Бряславскомъ повете, на немецкомъ рубежи, на имя Едевщина и Мелевщина. И я доведавшися достаточне, ижъ то господарю его мил. есть не шкодно, а на границы немецкои отъ давна лежатъ пусты, на его жаданье то вчинилъ, тыи две земли пустовскихъ Едевщину и Мелевщину ему есми далъ до воли господарское. И на то есмь ему далъ сей мой листъ зъ моею печатью. Писанъ у Браславли, подъ лѣто Бож. нарожд. 1528, мѣс. февр. 12 день“ (Ркп. Вилен. Публичн. Библ., шк. 2, № 29).

Однако такое пожалованіе, исходящее отъ намѣстниковъ, воеводъ, державцевъ, требовало послѣдующаго утвержденія великаго кня-

зя, или предварительно выраженной воли его, какъ показываетъ слѣд. примѣръ: „Подстолему нашему, намѣснику Новгородскому пану Войтеху Монивидовичу (пишетъ вел. князь Казимиръ): просилъ въ насъ панъ Михайло Кезгайловичь, воевода Виленскій, канцлеръ нашъ, подъ Ондрейшомъ, Наумовымъ братомъ, земли у Новгородскомъ повѣтѣ, за милю одъ Новгородка, а тому Андрейку далъ былъ панъ Юшко Гоицевичь безъ нашое воли. А передъ тымъ тая земля одна была, а нынѣ подѣлена на пять слѣдовъ: подъ тымъ Андрейкомъ три слѣды, а подъ Деміаномъ и подъ Ониципоромъ—два слѣды. А тотъ Ониципоръ и Демьянъ отходили кормитисе, а нынѣ опять на тые мѣста пришли. И мы пану Михаилу канцлеру нашему тую пять слѣдовъ дали"... (стр. 153—154). Здѣсь пожалованіе, данное державцемъ, отмѣняется волею великаго князя, не смотря на то, что съ начала владѣнія пожалованныхъ прошло не мало времени и часть земли перешла уже во владѣніе другихъ лицъ.—Но въ приведенномъ выше примѣрѣ пожалованіе, данное державцемъ въ Трубчевскѣ Колонтаю, утверждено великимъ княземъ.

Пожалованія, раздаваемыя мѣстными правителями, только тогда требовали утвержденія верховной власти, когда касались значительныхъ участковъ въ пользу высшихъ служебныхъ классовъ. Лицамъ низшаго состоянія и низшихъ службъ участки раздаваемы были повѣтовыми властями самостоятельно и окончательно. Въ прямое подтвержденіе этого мы можемъ привести только акты послѣдующей эпохи, т. е. послѣ изданія перваго статута. Однако думаемъ, что такія свидѣтельства указываютъ болѣе на порядки до статутоваго времени, чѣмъ позднѣйшаго, къ которому онѣ принадлежатъ хронологически, потому что во времена Сигизмунда-Августа, съ устройствомъ волочной системы хозяйства, вполнѣ установилось для крестьянъ право эмфитевзиса на занятый ими участокъ, т. е. право наслѣдственнаго пользованія землею безо всякихъ правъ собственности. Между тѣмъ до Сигизмунда-Августа, а въ особенности до 1 статута право собственности принадлежало крестьянамъ въ той же мѣрѣ, какъ и шляхтичамъ, т. е. въ той мѣрѣ, опредѣленіе которой составляетъ нашу задачу.

III.

Способъ пожалованія.

Пожалованіе дается по *просьбѣ* того, кто желаетъ получить его. ;ьба заявляется лично великому князю. Кромѣ самого заинтере-ннаго лица, просьба королю заявляема была и его вельможами— ми Радою, или однимъ, или нѣсколькими; напр. „человѣка того ана емужъ (Корсаковичу) дано. А просилъ панъ Гастовтъ, вое- Виленскій“ (стр. 126). „Князю Юрію Пронскому дано село ности, што панъ Римовидъ держалъ, у хлѣбокормленіе, а про- князь бискупъ и вся Рада—панове“ (стр. 130). Великій князь лично распоряжается отдать просимую землю, или поручаетъ ис- ить это своимъ вельможамъ. Этотъ актъ исполненія называется *зить* землю за такимъ-то. Напр. „Баску писарю король далъ улево имѣне въ лѣто 6974, февр. 20. Правили воеводы два— Михайло а панъ Радивилъ, панъ Олехно Судимонтовичъ; а ъ таковъ данъ воеводѣ пану Михаилу“ (слѣдуетъ грамота вели- князя, обращенная къ воеводѣ; см. выше).—Великій князь могъ е словесно поручить кому-либо изъ пановъ, а этотъ послѣдній оряжался—приказывалъ дьяку записать и дать грамоту.

Выдача грамоты считается необходимымъ актомъ пожалованія. весное пожалованіе, хотя бы и дѣйствительно данное, не признается воей силѣ. Напр. „самъ король: Сопизѣ земля Гаврилова, а на- ка деи нѣтъ; Ширина деи нѣхто держитъ, *безъ грамоты взялъ* будемъ ли такъ, ино дати“ (стр. 179). Въ этомъ случаѣ Ши- , очевидно, получилъ землю въ пожалованіе—„взялъ“, а не за- ѣлъ самовольно; но на пожалованіе ему не дано грамоты. Тер- ъ: „взять“ означаетъ получить отъ кого-либо, а не захватить.

За совершеніемъ пожалованія слѣдуетъ *увязанье*—вводъ во дѣніе. Оно совершается, чрезъ особую грамоту отъ высшаго пра- льства, мѣстнымъ правителемъ—намѣстникомъ или державцемъ. р.: „намѣстнику Меньскому князю Ивану и инымъ хто будетъ. и есмо писарю нашему пану Васку Любичу тое село, што небо- ъ князь Евлашко Телятина держалъ со всимъ съ тымъ по тому, ь онъ держалъ.... И ты бы его велѣлъ во все тое увязати. Пи- ь у Городнѣ, апр. 10 день, инд. 6. Князь Янъ бискупъ Вилен-

скій, воевода Виленскій панъ Михайло, воевода Троцкій—панъ Радивилъ, панъ Янъ—староста Жомоитскій, панъ Олехно Судимонтовичъ"... и друг. (стр. 175). Форма и обрядъ увязанья для того времени остается неизвѣстною; изъ даннаго примѣра видно только, что намѣстникъ отъ себя поручалъ производство увязанья своимъ слугамъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что и тогда форма увязанья практиковалась такая же, какую мы знаемъ изъ послѣдующей эпохи, т. е. прочтеніе грамоты предъ населеніемъ имѣнія и сосѣдями, опись этого имѣнія и передача описи новому владѣльцу, наконецъ засвидѣтельствованіе акта увязанья въ книгахъ намѣстничьяго суда.

IV.

Лица, получающія пожалованіе.

По основному понятію жалованныхъ имуществъ, они даются за службу и подъ условіемъ службы, а потому слѣдовало бы ожидать, что пожалованіе дается только служилымъ лицамъ, а не тяглымъ; изъ служилыхъ—лишь тѣмъ, кто способенъ къ службѣ, между прочимъ лицамъ мужескаго пола, а не женскаго. Однако эти правила дѣйствовали не безъ ограниченій, благодаря преимущественно тому, что и остальная часть населенія такъ или иначе привлечена была къ службѣ государству.—Въ частности нашъ главный источникъ въ огромномъ большинствѣ записей, говоритъ о пожалованіи имѣній лицамъ служилаго класса, въ томъ числѣ—*князьямъ*. Князья получали не только удѣлы (или цѣлыя области), но и довольно мелкія имущества, напр. дворы: „у Смоленской державѣ князю Федору Воротынскому дворъ королевъ Нѣмчиновское со слугами и съ тяглыми людьми, што орютъ да сѣно косятъ, но не мѣстичами" (стр. 148). Выше были приведены случаи пожалованія князю Кромскому Ивану двухъ селищъ пустыхъ, князю Володку Масальскому—волостки Недоходова пустой, князю Юрію Пронскому - села Комоности и т. д. Во многихъ случаяхъ князья получаютъ имущества на такихъ же неполныхъ (прекарныхъ) условіяхъ какъ и лица низшихъ службъ; напр.: „князю Митку Всеволодичу Онтоново Косого селцо, да Кулибакино селцо, да Мицнево село до воли. Князю Дмитрею Всеволодичу Шуе а Демены у хлѣбокормленіе" (стр. 142).—Кромѣ князей

на такихъ же или подобныхъ условіяхъ получали землю *паны*; напр. „Далъ есмо воеводѣ Виленскому пану Гастовту село Жасны пана Евненское у Троцкомъ повѣтѣ, со всѣмъ потому, какъ небощикъ панъ Евніусъ держалъ при великомъ князѣ Витовтѣ; а што будетъ прилучено послѣ небощика пана Евніа, а любо што мы придали, а любо што небощикъ панъ Пацъ принялъ самъ собою, того не даемъ“ (стр. 137). Иногда паны получаютъ такой участокъ, который нѣкогда былъ пожалованъ только путному человѣку, т. е. участокъ крестьянскій (но за то уже съ самимъ прежнимъ владѣльцемъ земли); напр.: „дали есмо пану Михаилу Кезгайловичу, воеводѣ Виленскому, канцлеру нашему путного человѣка, на имя Тереню зъ двѣма слѣды; а тые два слѣды далъ Терени великій князь Витовтъ противъ его отчины“ (стр. 153—154).

Основная масса лицъ, получающихъ пожалованіе, это средніе служилые люди—*бояре*, хотя подъ этимъ названіемъ именно они рѣдко опредѣляются въ записи. Обыкновенно они называются именемъ (иногда полуименемъ: Сенько, Юшко, Федко), съ присоединеніемъ повѣта или волости, къ которому они приписаны.

Люди низшихъ служебъ: ловчіе, конокормцы, дворовые слуги великаго князя: дьяки, лекаря, кучера, повара получали пожалованія наравнѣ съ лицами военной службы. Напр. „Юрію лекарю—человѣкъ на имя Шедисъ у Троцкой волости. Сеньку возницы земля пустая Василія Марковца“ (стр. 139).

Даже великокняжескіе ремесленники получали извѣстныя угодья, но, повидимому, не населенную и не пахотную землю; напр. „У Молодечнѣ Хацебею кузньцю серебряному уголь съ часщомъ (sic.) (стр. 126).

Кромѣ служилыхъ лицъ пожалованія получали лица городскаго состоянія—мѣстичи. Сейчасъ мы приведемъ для другой цѣли мѣсто акта, въ которомъ разсказывается, что церковное имущество отнялъ было князь великій Витовтъ, разгнѣвавшись на владыку и передалъ его Нестеру Терпигореву; а потомъ держали его иные бояре и *мѣстичи* (стр. 159). Есть и другой примѣръ: „Петрашцю мѣстичу Троцкому у Стравиникахъ Мартинова, за татбу татя згубили“ (стр. 140).

Но мѣстичи получали пожалованіе только какъ отдѣльныя лица, неся въ такомъ случаѣ лично уже не „мѣстицкую“ (городскую) службу, а ту, которая лежала на пожалованной землѣ.

Что касается до сельскихъ обывателей, то хотя несомнѣнно они владѣли участками на правахъ подобныхъ правамъ владѣльцевъ жалованныхъ имуществъ, но условія этого владѣнія были столь своеобразны, что о нихъ можетъ быть особая рѣчь на основаніи другихъ источниковъ.

Церковное имущество (полученное по пожалованію отъ вел. князя) получало условный характеръ жалованнаго имущества; именно могло быть отнято назадъ; напр „Владыцѣ Михаилу далъ король Прости. А повѣдалъ владыка, ижъ деи только семь человѣка, издавна тые Прощане церковные въ старыхъ записехъ записаны; а отнялъ былъ деи князь великій Витовтъ, розгнѣвався на перваго владыку, и далъ былъ Нестеру Терпигореву; а потомъ держивали иные бояре и мѣстичи ажъ и до тыхъ мѣстъ; а въ казну и въ посребъ (?) ничого деи не давали. А данъ у Берштахъ, генв. 31“ (стр. 159).

Каждый разрядъ лицъ среднихъ и низшихъ службъ получалъ участокъ изъ того разряда земель, который былъ приписанъ къ извѣстной службѣ. Были отдѣльные участки боярскіе, или „на боярскую службу“, „ловецкіе“, „конокормцевы“, „околничьи“ и т. д. Напр. „Савѣ соколнику (дается) селцо Остапово, вымеръ деи (Останъ) безъ наслѣдка, а соколни же былъ“ (стр. 123). „Пани Сенковои у Креве земля Дробышова Мишюлича, ажъ будетъ не данная, а не конокормцова“ (ibid).—Но иногда при пожалованіи характеръ участка, его служебная цѣль измѣняется, смотря по лицу получающему пожалованіе и по служебнымъ соображеніямъ великаго князя. Въ приведенномъ выше примѣрѣ пожалованія Неменчину Юшку Гирвидовичу земли Дробовщины, съ которой наслѣдники прежняго владѣльца сошли невѣдомо куда, земля дана „на службу на боярскую, а перво была ловецкая земля“ (стр. 127). Конечно и получившій пожалованіе былъ не ловчій, а бояринъ,—и великій князь нуждался въ Неменчинѣ болѣе въ боярской службѣ, чѣмъ въ охотничьей.

Изъ многихъ случаевъ можно видѣть, что участки земли распредѣлялись между служилыми людьми по волостямъ и повѣтамъ, т. е. въ каждой волости преимущественное право полученія участка имѣлъ житель этой волости или повѣта (что впрочемъ объясняется естественно—связями родства, сдѣлками и наконецъ ближайшею возможностью узнать объ освободившемся участкѣ и во время просить его. Но это правило не есть установившееся право и подлежитъ вся-

кимъ исключеніямъ; напр., въ приведенномъ сейчасъ случаѣ: „*Неменчинское волости* при пана Ганушовѣ тивунствѣ просилъ *Медничанинъ* Гирвидовичъ *у Неменчинѣ* земли....“ и получилъ ее.

V.

Условія пожалованія.

Самый важный вопросъ, опредѣляющій свойства права на жалованое имущество, есть вопросъ объ условіяхъ пожалованія. Если земля пожалована въ собственность, то пожалованіемъ опредѣляется только одинъ изъ источниковъ пріобрѣтенія права собственности, и оно не имѣетъ никакого отношенія къ свойству правъ на вещь, пріобрѣтенную новымъ владѣльцемъ. Но такое значеніе пожалованіе имѣетъ лишь въ позднѣйшее время. Въ старину же (въ такъ называемые средніе вѣка) повсюду, и въ Западной Европѣ и въ Россіи (Московской и Литовской), пожалованіе опредѣляетъ именно степень правъ владѣльца на пріобрѣтаемую вещь. *Изъ пожалованія не могли истекать непосредственно полныя права собственности* (въ нашемъ смыслѣ слова). Здѣсь мы касаемся основнаго всемірно-историческаго вопроса, уясняемаго на частномъ примѣрѣ Литовско-русскаго права.

Кромѣ общаго условія пожалованія, подразумѣваемаго всегда, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ могутъ быть выражены спеціальныя условія относительно правъ владѣльца.

Общее условіе пожалованія есть *служба* государю съ пожалованнаго участка. Каковы бы ни были другіе мотивы пожалованія, какъ государственные, такъ и частные (напр. купчая отъ одного лица другому, передача въ наслѣдство дѣтямъ, вознагражденіе за прошлую службу), общимъ мотивомъ остается служба съ земли. Великій князь позволяетъ князю Воротынскому передать пожалованныя ему волости дѣтямъ въ наслѣдство и прибавляетъ: „А узрѣвши его вѣрную службу къ намъ, то учинили; и его дѣтямъ такожъ съ того вѣрно намъ служити“ (стр. 151). Великій князь позволяетъ нѣкоему Микитѣ передать выслуженную землю сестренцамъ (племянникамъ отъ сестры) и прибавляетъ: „его бы душу поменули, а намъ съ того служили“ (ibid.). Татаринъ проситъ

земли съ обязательствомъ женить сына на дочери прежняго владѣльца, великій князь даетъ землю на „особную службу“ (отъ отца и отъ того участка, которымъ владѣетъ отецъ и уже несетъ вмѣстѣ съ сыномъ службу государю). Положеніе, что служба есть всегдашнее (явное или подразумѣваемое) условіе пожалованія, повидимому, встрѣчаетъ ограниченіе въ томъ обстоятельствѣ, что иногда имущества даются *въ хлѣбокормленіе*; напр. „князю Юрію Пронскому дали село Комоности, што панъ Римовидъ держалъ, у хлѣбокормленіе“ (стр. 130). „Князю Дмитрею Воеволодичу Шуе а Демены у хлѣбокормленіе“ (стр. 142. Оба случая приведены уже выше для другой цѣли). Въ обоихъ случаяхъ имущества въ хлѣбокормленіе получаютъ князья. Если позволительно обобщить этотъ фактъ, то въ хлѣбокормленіе даются имущества только князьямъ. Въ этомъ смыслѣ хлѣбокормленіе означаетъ тоже, что кормленіе въ Московскомъ государствѣ, оно давалось боярамъ, имѣющимъ свои недвижимыя имущества (отчины), на которыхъ не лежало прямой обязанности службы. Между тѣмъ личная обязанность служить для князей и бояръ должна быть чѣмъ нибудь вознаграждена, и вознаграждается кормленіями. Итакъ служебный характеръ остается и за хлѣбокормленіями.

Отсюда общій терминъ для выраженія правъ владѣльца на пожалованную землю есть *жалованіе*, напр. „Ажъ не будетъ никакова *жалованія*, ни людей, а ни волости, ино дати„ (Павлу Полтеву слугѣ Василія Барсуковича; стр. 144) и *держанье*: „подавали волости наши въ держанье“, говоритъ великій князь (стр, 151). „И они бы (княгиня Михайлова и ея сынъ) держали тое село со всѣмъ по тому, какъ перво держали до тыхъ мѣстъ“ (стр. 157—158). „Што ты держишь землю“, пишетъ великій князь боярину Рачку Войшиловичу... (ту землю велѣно у него взять)... „Держать“ на языкѣ тогдашняго времени значитъ пользоваться; державцами называются между прочимъ правители, которымъ отдана волость въ управленіе, потому что они пользуются доходами съ волости (но отнюдь не суть собственники ея); держаньемъ называется также и частная аренда земли.

Третій терминъ, обозначающій свойство права на пожалованныя имущества, есть *помѣстье*, т. е. тотъ же, который сдѣлался преобладающимъ въ Московскомъ государствѣ, но для обозначенія лишь одного вида пожалованій, въ отличіе отъ жалованной вотчины въ собств. смыслѣ. Терминъ—помѣстье встрѣчается здѣсь рѣже; въ записи мы

нашли его употребленнымъ лишь два раза (ни въ какихъ другихъ до сихъ поръ извѣстныхъ памятникахъ Литовско-русскаго права онъ не встрѣчался); а именно: „Мунчи на отмѣну подъ Микиткою, да Суховичемъ — боярское помѣстье“, т. е. Мунчи въ замѣнъ отнятаго у него помѣстья дано другое боярское помѣстье, взятое у Микитки и Суховича (стр. 165). Другой случай: „Тишку Ревячичу помѣстье, што Лава держалъ“ (стр. 132). Не смотря на рѣдкость употребленія этого термина, находка его въ памятникахъ Литовско-русскаго права драгоцѣнна; она не только указываетъ на общность характера въ развитіи правъ собственности въ цѣломъ Русскомъ мірѣ, но посредствомъ знакомаго термина, уясняемаго множествомъ фактовъ въ Московскомъ государствѣ, проливаетъ свѣтъ и на явленія менѣе извѣстныя и отдаленныя отъ насъ въ Литовско-русскомъ государствѣ. Замѣтимъ мимоходомъ что терминъ помѣстье встрѣчается здѣсь раньше, чѣмъ въ извѣстныхъ намъ памятникахъ Московскаго государства, гдѣ, какъ извѣстно, онъ начинаетъ входить въ употребленіе лишь съ самаго конца XV-го вѣка.

Съ тѣмъ же значеніемъ, но съ оттѣнкомъ болѣе спеціальнымъ, употребляется терминъ *выслуга*; для уясненія смысла этого термина въ отличіе отъ термина „держаніе“, приведемъ слѣд. примѣры: „Никону и съ дѣтьми што былъ *выслужилъ* у князя Лыгвенія“... „Князю Андрею Порховскому—што при князи Лыгвени *держалъ*“. „У Мстиславли Макару *отчина,* какъ при Лыгвени *держалъ*“ (стр. 145). Чувствуется нѣкоторая разница въ двухъ параллельныхъ и одновременныхъ фактахъ, но выраженныхъ разными терминами. Помѣстье дается подъ условіемъ будущей службы, выслуженная вотчина есть земля пожалованная въ награду за прошлую службу. Тутъ могъ быть зародышъ громадной разницы въ вещныхъ отношеніяхъ къ нимъ получившаго пожалованіе. Но разница эта сглаживается тѣмъ, что и выслуженныя вотчины даются не только въ награду прошлой службы, но и подъ условіемъ будущей.

Всѣми указанными терминами опредѣляется значеніе пожалованнаго имущества: оно есть жалованье за службу, совершенно замѣняющее нынѣшнее денежное жалованье, и особенно употребительное въ древности въ слѣдствіе экономическихъ причинъ (преобладанія натуральнаго хозяйства надъ денежнымъ). Оно замѣняетъ также

нынѣшнюю пенсію для людей уже прослужившихъ лучшіе годы своей жизни, одряхлѣвшихъ, больныхъ, раненыхъ и для обезпеченія ихъ семействъ. Так. обр. съ точки зрѣнія государственной, это есть государственное имущество, отдаваемое лишь во временное пользованіе частнымъ лицамъ. Въ этомъ отношеніи оно совершенно сходно съ понятіемъ помѣстья въ Московскомъ государствѣ.

Какимъ, однако, образомъ, и тамъ и тутъ это явленіе государственнаго права переходитъ въ сферу частнаго? Какимъ обр. пользователь первоначально получаетъ разныя вещныя права на данное ему жалованье и наконецъ полное право собственности на него?

Общая причина этого есть свойство вещи, идущей въ жалованье. Въ землѣ служилый человѣкъ получаетъ не всегда готовую цѣнность; отъ долженъ употребить еще трудъ для извлеченія дохода; т. е. здѣсь присоединяется тотъ мотивъ, который считался въ глубокой древности главнымъ для пріобрѣтенія права собственности на землю. Далѣе земля, какъ предметъ жалованья, рѣшительно отличается отъ жалованья въ предметахъ движимыхъ. Для пользователя не все равно— будетъ ли мѣняться данный ему участокъ каждый годъ, или онъ останется за нимъ на всю жизнь, будутъ ли его дѣти испомѣщены въ другомъ концѣ государства, или получатъ въ помѣстье тотъ же насиженный отцомъ участокъ.

Если для пользователя было далеко не безразлично овладѣть участкомъ, даннымъ въ жалованье, на всю свою жизнь и передать его потомству, то для государства это было безразлично, или почти безразлично. Служба, главнымъ обр. военная, была однородна и не требовала ни спеціальныхъ, качествъ (кромѣ физическихъ силъ), ни спеціальнаго образованія (кромѣ привычки). Служить всякій могъ и долженъ былъ; сыну служилаго человѣка государство должно было впослѣдствіи дать участокъ за службу, и ему (государству) все равно, если этотъ участокъ будетъ тотъ самый, какимъ владѣлъ отецъ.

Предыдущими замѣчаніями объясняется только большая или меньшая продолжительность пользованія участкомъ лицъ одного семейства. Но пользователь сколько бы ни оставался пользователемъ, никогда не становится чрезъ это собственникомъ. Право собственности проявляется преимущественно въ правахъ распоряженія. Государство допускаетъ постепенно помѣщика и къ этимъ правамъ съ тѣмъ же не-

премѣннымъ условіемъ, чтобы обязанность службы переходила на новаго пріобрѣтателя.

Отсюда проистекаетъ рядъ безчисленныхъ оттѣнковъ въ правахъ служилыхъ людей на пожалованный имъ участокъ, рядъ спеціальныхъ условій пожалованія, которыя, однако, могутъ быть сведены къ нѣсколькимъ основнымъ типамъ.

Спеціальныя условія пожалованія. Не только до статута, но даже и во 2-мъ статутѣ рядъ особыхъ условій пожалованія сводился къ тремъ основнымъ слѣдующимъ: выслуги даются или „леннымъ правомъ, або доживотьемъ, або до воли и ласки нашое господарское“ (ст. р. III, ар. 34). Эти три условія характеризуютъ права владѣльцевъ на жалованныя имущества и въ до-статутовую эпоху.

Великій князь жалуетъ имущества *до воли* своей. Въ записи о пожалованіяхъ вел. кн. Казимира не мало можно отыскать отмѣтокъ: „до воли“ государя. Напр. „князю Митку Всеволодичу Онтоново Косого селцо, да Кулибакино селцо, да Мицнево село до воли“ (стр. 142). Въ вышеприведенномъ случаѣ пожалованья Крашу Довгитовичу трехъ человѣкъ, если они захотятъ за нимъ быть, великій князь-королевичъ прибавляетъ: „и тыбы (панъ Виленскій) далъ ему тые три чоловѣки до нашое воли“ (стр. 202). Далѣе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда прямо не отмѣчено, что имущество дается пожизненно, слѣдуетъ подразумѣвать, что оно пожаловано „до воли“. Это видно изъ того, что получившій такое пожалованіе, получалъ впослѣдствіи, по особой просьбѣ, новую грамоту на пожизненное или потомственное владѣніе; напр. „Што Микита на насъ (вел. князѣ) выслужилъ и на што листы наши маетъ, тое бы таки писарь нашъ Микита держалъ *вѣчно до своего живота*“... (стр. 151).

Это послѣднее выраженіе: „вѣчно *до своего живота*“ уясняетъ намъ, что значила „вѣчность“ въ оффиціальномъ языкѣ грамотъ; она означаетъ вѣкъ—жизнь человѣка, какъ и въ приведенномъ выше случаѣ пожалованія Шаневичу Берестейскаго мыта *вѣчно* (стр. 194). Так. обр. здѣсь мы имѣемъ вторую форму условій пожалованія—пожалованіе пожизненное. Обѣ эти первыя формы пожалованія („до воли“ и „вѣчно“) именуются держаньемъ въ тѣсномъ смыслѣ слова.

Третья форма пожалованія есть пожалованіе потомственное. Но понятіе потомства обширно и растяжимо; подъ этимъ названіемъ могутъ подразумѣваться лишь дѣти и вообще одно первое нис-

ходящее колѣно; могутъ также подразумѣваться всѣ потомки одаряемаго до послѣднихъ неизвѣстныхъ предѣловъ; имущества шли въ пожалованіе или на первомъ только изъ двухъ высказанныхъ условій (со включеніемъ однихъ дѣтей), или на второмъ. Чтобы пользователь пожизненный, или „до воли“ могъ передать имущество дѣтямъ, для этого требуется новая жалованная грамота, или особое указаніе въ той же жалов. грамотѣ; напр. въ приведенномъ сейчасъ случаѣ, когда великій князь пожаловалъ своего дьяка Микиту пожизненнымъ пользованіемъ, онъ въ той же грамотѣ прибавляетъ: „а по его животѣ призволили есмо ему сестренцомъ своимъ записать Митку, а Тимоѳею, а Макарію Пашковичомъ, и они бы его до смерти кормили и призирали; а по его животѣ тое имѣнеицо тымъ его сестренцомъ вѣчно и непорушно, а его бы душу поменули, а намъ съ того служили“ (стр. 151). Въ этомъ случаѣ, хотя племянники получаютъ *вѣчно* и *непорушно*, но мы знаемъ уже, что означаютъ эти выраженія: имущество дается въ пожизненное владѣніе племянникамъ дьяка Микиты. Точно также и въ слѣд. случаѣ: „Казимиръ, Б. м. король... Дали есмо (князю Ѳедору Воротынскому), што есмо первей сего подавали волости наши *въ держаніе*, какъ то стоятъ на первыхъ листахъ выписаны, а симъ листомъ ему подтвержаемъ, што тамъ дѣтей не писано, ино дали есмо ему *и въ отчину* и его дѣтемъ. А узрѣвши его вѣрную службу къ намъ, то учинили; и его дѣтемъ такожъ съ того вѣрно намъ служити“... (слѣдуетъ перечисленіе волостей; стр. 151).

Итакъ *отчиною* здѣсь называется потомственное владѣніе (хотя простирающееся только на ближайшихъ нисходящихъ) въ противоположность *держанію* въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. временному пожизненному владѣнію.

Второй типъ послѣдней формы пожалованія есть пожалованіе въ потомственное владѣніе безъ ограниченія линій нисходящихъ и боковыхъ (т. е. имѣніе можетъ переходить по наслѣдству ко внукамъ, правнукамъ и т. д., а равно, за отсутствіемъ нисходящихъ, въ боковыя линіи; примѣромъ такого пожалованія можетъ служить пожалованіе, данное Олизару Шиловичу въ 1450 г. и занесенное въ запись пожалованій въ полномъ ея видѣ. Ею во перв. подтверждаются права Шиловича на его имѣнія Любче, Гороховъ, Губинъ и пр. Но къ этому присоединяется: „А къ тому два приселки—Подлѣсцы, а Доро-

синъ а Поварско, какъ што выслужилъ у стрыйка нашого—у князя Свитригайла у Мельницкое волости, а тое есмо дали ему *его отчину тое держанье* все што выслужилъ *у въ отчину*, со всѣмъ съ тымъ, што издавна къ тымъ селомъ прислушало и какъ теперь держитъ вѣчно а непорушно...; дали есмо ему и его женѣ и его дѣтямъ и его ближнимъ и его сочсткомъ [1]) вѣчно и непорушно" (стр. 186—187). Здѣсь а) „отчиною" названо „держанье"; б) эта отчина—держанье есть имѣніе выслуженное; в) эта отчина—держанье вновь жалуется въ отчину. Итакъ и потомственное владѣніе можетъ быть только держаньемъ; отчиною называется въ ближайшемъ смыслѣ имущество передаваемое по наслѣдству, каковы ни были права владѣльца на это имущество, т. е. хотя бы они вовсе не равнялись правамъ собственности. Пожалованіе, данное съ тѣмъ, что имущество можетъ быть передано дѣтямъ, требуетъ новой жалованной грамоты, чтобы его можно было передать дальнѣйшимъ нисходящимъ и родственникамъ.

Изъ приведеннаго примѣра видно, что одно пожалованіе помѣстья (или выслуги) въ вотчину отнюдь не означаетъ само по себѣ утвержденія за владѣльцемъ полныхъ правъ собственности. Вопросъ о правахъ на жалованное имущество, самый главный для нашей цѣли, остается еще не разрѣшеннымъ.

VI.

Конкурренція и примиреніе правъ государя и частнаго лица на жалованныя имущества.

Изъ приведеннаго выше понятія о жалованномъ имуществѣ, или помѣстьѣ, оно должно быть признано собственностью государя или государства (оставляемъ пока эти два понятія нераздѣленными). Привилегіатъ есть только пользователь, или срочный, или пожизненный, или съ правомъ передачи имущества дѣтямъ, и наконецъ съ правомъ передачи его въ наслѣдство безъ ограниченій. Ни въ какомъ изъ

[1]) Въ другихъ случаяхъ: „сщадкомъ", правильнѣе—„счадкомъ", т. е всѣмъ нисходящимъ безъ ограниченія (хотя буквальный смыслъ слова означаетъ членовъ родоваго общества—„чади").

этихъ случаевъ онъ не *распоряжается* имуществомъ и не гарантированъ отъ произвольныхъ распоряженій имъ со стороны государя.

Государь имѣетъ право „отнять“ (взять) это имѣніе всегда (будетъ ли владѣніе временное, пожизненное или потомственное). Во первыхъ онъ можетъ взять его за преступленіе помѣщика. Это отнюдь не равняется позднѣйшей конфискаціи имущества за нѣкоторыя, опредѣленныя преступленія (именно государственныя); пожалованныя имущества могутъ быть отняты за всякое преступленіе. Напр. „Барсуковичу Сенку дано село Ходково Островского, што бискупу руку стялъ“ (стр. 193), т. е. Ходко Островскій лишенъ имѣнія за то, что отрубилъ епископу руку. Чаще всего отнимается имѣніе за *татьбу*. Напр. Тимирею писарю татарскому (дается) у Стравиникахъ земля татиная Тюдева, а тотъ деи тать за татбу увятъ и зъ женою и зъ дѣтми; ино пану Монивиду велѣно досмотрѣти и дати, ажъ будетъ годитися“. „Эйриму (дается) земля у Веленѣ татиная на имя Вилюгайлова; разсказывалъ Мордасъ, а приказалъ самъ король“ (стр. 138). „Петрашцю мѣстичу Троцкому (дана земля) у Стравиникахъ Мартинова: за татбу татя згубили“ (стр. 140). Но здѣсь еще можно видѣть не имущественныя права государя на землю частныхъ лицъ, а право его наказывать за преступленія и уже вслѣдствіе того—право обращать къ себѣ собственность наказуемаго. Это древній потокъ, соединенный съ разграбленіемъ, когда преступникъ выдается съ женою и съ дѣтьми, какъ въ Русской Правдѣ, причемъ разграбленіе есть слѣдствіе личныхъ каръ, постигающихъ все семейство преступника за преступленіе главы дома. Притомъ очевидно, что такое право государя простирается не только на пожалованныя имущества, но и на всякія. И мы отмѣчаемъ этотъ фактъ лишь въ виду вопроса, который намъ приходится разрѣшать, именно вопроса о предѣлахъ частныхъ и публичныхъ правъ государственной власти того времени.

Для нашей ближайшей цѣли важнѣе другое обстоятельство, именно отнятіе государемъ у частнаго лица имѣнія его безъ всякой вины. Обыкновенно при этомъ за отнятый участокъ владѣльцу дается подобный же въ другомъ мѣстѣ; это технически выражалось: отдать землю *подъ тѣмъ-то*. Напр.: „пану Товтвилу Монтовтовичу земля подъ Войштовтомъ и подъ братомъ его Корюшомъ; а имъ воеводѣ обыскати иная такаяжъ (т. е. земля), съ чого бы могли послужити“ (стр. 117). „Боярину нашему Рачку Войшиловичу. Што ты держишь

землю, а къ тому 7 человѣковъ *(въ книгѣ пропускъ; но очевидно слѣдовало:* „ино мы тую землю даемъ“) старостѣ Жемоитскому пану Яну Кезгайловичу, а тобѣ велѣли есмо дати противъ того у Жомоити землю и семь чоловѣковъ некуничныхъ“ (стр. 155). Въ этихъ примѣрахъ за отнятое имущество дается равносильное вознагражденіе. Но иногда безо всякой видимой вины со стороны владѣльца отнимается болѣе значительное имущество, и въ замѣнъ его дается несравненно меньшее; напр.: „У Федя отнято шестнадцать чоловѣковъ и противъ того дано ему шесть чоловѣковъ у Высокомъ Дворѣ неконокормскихъ“ (стр. 153). Иногда же имущество было отбираемо безъ всякаго вознагражденія. Напр. „што Некрашевичь Петрашъ и зъ братіею Велюнцы подпросили было земли за отчину подъ Велюнцы—подъ Варусомъ Эйтвиловичемъ... (и другими),—и король пакъ (опять) вернулъ тые земли, занюжъ еще отцомъ ихъ князь великій Витовтъ подавалъ, противъ ихъ отчины, што привернулъ къ Велюнѣ. А тогды сѣли на сыромъ лѣсѣ“ (стр. 167). Т. е. нѣкогда Витовту понадобилось присоединить къ своему двору въ Велюнѣ землю, состоявшую въ частномъ владѣніи нѣкоторыхъ Велюнскихъ бояръ; въ замѣнъ этого онъ далъ имъ участокъ необработанной земли—„сыраго лѣса“. Принужденные довольствоваться такимъ скуднымъ вознагражденіемъ, они разработали сырой корень; но при дѣтяхъ ихъ нѣкто Петрашъ Некрашевичъ выпрашиваетъ у короля Казимира и эту землю; король даетъ ему, не вознаградивъ ничѣмъ прежнихъ владѣльцевъ. Затѣмъ впрочемъ, когда уяснилось дѣло, то возвращаетъ имъ назадъ. Главнымъ мотивомъ возвращенія послужило не то, что просители не имѣли права на испрашиваемую землю, а то, что прежніе владѣльцы сѣли на сыромъ корню, разработали новый участокъ, создали новую цѣнность.

Послѣдній примѣръ указываетъ, что право государя отнимать имущество съ вознагражденіемъ (полнымъ или не полнымъ) простиралось не на безсрочныя только владѣнія, но и на потомственныя: у Велюнцевъ отнята Витовтомъ ихъ „отчина“. При безсрочномъ же пользованіи имущество отбирается, если владѣлецъ уже не можетъ служить за старостью, или по другимъ причинамъ. Напр.: „Княгини Михайловои и зъ сыномъ княземъ Юшкомъ село подъ Игнатомъ Юріажичемъ Меншое на Цепре (sic), занюжъ уже Игнатъ *не можетъ служити*, и Игнату далъ—былъ король же“. Спустя нѣкоторое вре-

мя „тотъ деи листъ (жалованная грамота на это имущество) у княгини Михайловое изгорѣлъ и въ сына ее князя Юшка, што данъ былъ на тое село подъ Игнатомъ Юріажичемъ Меншое на Цепре у Клецкомъ повѣтѣ; ино данъ имъ другій листъ на тое село, *естли будутъ они держали до тыхъ мѣстъ тое село, а николи будетъ отъ нихъ не отходило послѣ того, какъ имъ дано подъ Игнатомъ*, и они бы и нынѣ держали тое село со всимъ по тому, какъ первей держали до тыхъ мѣстъ“ (стр. 157—158). Въ этомъ примѣрѣ дается для нашей цѣли два цѣнныхъ указанія: во-первыхъ, имѣніе взято у Игната, потому что Игнатъ не можетъ уже служить, во-вторыхъ, новые владѣльцы получаютъ подтвержденіе лишь подъ тѣмъ условіемъ, если между пожалованіемъ и подтвержденіемъ имущество не было у нихъ взято и отдано другому. Это прибавлено на тотъ конецъ, чтобы подъ предлогомъ возобновленія сгорѣвшей грамоты, не выпрошено было имущество уже отданное другому. Отсюда слѣдуетъ, что безсрочныя помѣстья государь могъ взять во всякое время, если даже владѣлецъ еще не лишился возможности служить.

При такихъ обширныхъ правахъ государя на пожалованныя имущества, повидимому, не остается никакого простора для развитія правъ на тѣже имущества со стороны частныхъ лицъ—пользователей и владѣльцевъ. Между тѣмъ на дѣлѣ выходитъ не то: частныя лица распоряжаются имѣніями не только потомственными, но и пожизненными и временными, отдавая ихъ въ наслѣдство своимъ сыновьямъ, въ приданое дочерямъ, въ пожизненное владѣніе вдовамъ; мѣняютъ ихъ, продаютъ, закладываютъ и дарятъ. Какъ это согласить съ правами великаго князя на тѣ же имущества? Какимъ образомъ сначала примиряются эти отношенія, повидимому противоположныя, а затѣмъ берутъ окончательный перевѣсъ права частныхъ лицъ?

Самая низшая форма правъ пользованія — именно пользованіе „до воли“, представляетъ (вопреки ожиданію) очень удобную почву для примѣненія указанныхъ сейчасъ отношеній частнаго лица къ его участку. Большая часть помѣстій дается, конечно, временно, но отнимать эти помѣстья безъ всякой надобности для государя небыло никакихъ побужденій; отнятіе и замѣна ихъ другими составляютъ, разумѣется, исключенія изъ общаго правила. Служилый человѣкъ и служба нужны великому князю; въ его интересахъ оставлять въ рукахъ владѣльца участокъ, пока служба съ этого участка совершается

правильно. А потому если помѣщикъ устарѣлъ, но имѣетъ взрослаго сына и замѣняетъ имъ себя на службѣ, то участокъ остается при немъ. Если отецъ умираетъ, то почему стороннее лицо будетъ болѣе выгоднымъ для государя владѣльцемъ, а не тотъ-же *сынъ умершаго владѣльца?* Обыкновенно сыновья и остаются на томъ же участкѣ, или неся всѣ вмѣстѣ одну службу съ отцовскаго участка, или получая добавокъ „на особную службу".—Что это именно такъ, было указано уже выше (при разсмотрѣніи предметовъ пожалованія). Если здѣсь нужно новое подтвержденіе тойже мысли, то доказательствомъ служитъ огромная масса просьбъ о пожалованіи, мотивированныхъ тѣмъ, что участокъ остался *„безъ наслѣдка"*; при этомъ, конечно, разумѣются наслѣдники муж. пола, т. е. способные къ службѣ. Напр.: „Савѣ Соколнику селцо Остапково, вымеръ деи безъ наслѣдка" (стр. 123). „Просилъ Медничанинъ Юшко Гирвидовичь земли пустое наимя Дробовщины, а наслѣдка деи нѣтъ, а были пять сыновъ.... Ино *будетъ-ли такъ*, и король великій князь далъ на службу на боярскую...." (стр. 127); т. е. пожалованіе дается именно подъ условіемъ, если дѣйствительно окажется, что наслѣдниковъ нѣтъ. Приведемъ еще примѣры: „Симону Олферевичу три чоловѣки, што Ивашко держалъ..., а наслѣдка нѣтъ къ тымъ людемъ" (стр. 137). „Сопизѣ земля Гаврилова, а наслѣдка деи нѣтъ, Ширина деи нѣхто держитъ безъ грамоты взялъ; ино будетъ ли такъ, ино дати" (стр. 179). „Пану Нацу Гинивиловичу земля пустая у Волковиску на имя Вязевщина, а тотъ деи Вязисъ ....нынѣ змерлъ, а наслѣдка нѣтъ; ино будетъ ли такъ, ино дати" (стр. 190).—Изъ этихъ отмѣтокъ очевидно, что передача помѣстій сыновьямъ не только поддерживается обычаемъ, но уже становится правомъ частныхъ лицъ, правомъ, которымъ ограничиваетъ самъ государь свой произволъ пожалованія, объявляя самое пожалованіе недѣйствительнымъ, если окажется наслѣдникъ.

Однако, при этомъ государь ничего не утрачиваетъ существеннаго изъ своихъ правъ. Наслѣдникъ получаетъ участокъ не въ силу однихъ правъ наслѣдственныхъ, но и въ силу новаго пожалованія. Самый рельефный примѣръ зависимости титула наслѣдованія отъ пожалованія, есть слѣд.: „Намѣстнику Смоленскому и Любутскому и Мценьскому пану Миколаю Немеровичу. Билъ намъ чоломъ Ярмо Скиповичъ *о свою дѣдину и отчину* Олотово, а повѣдалъ намъ, *штожъ деи ни за кимъ, не отдали есмо никому;* и мы дали дѣдину

его отчину со всѣмъ, какъ отецъ и дѣдъ его держалъ, а онъ намъ маетъ съ того службу служити. А который вделъ Гридко держитъ, и онъ деи таки и нынѣ держитъ" (стр. 159).—Въ этомъ случаѣ пожалованіе дѣдины и отчины отчичу и дѣдичу весьма ясно отличается отъ простаго *подтвержденія*.

И подтвержденіе обнаруживаетъ зависимость, нетвердость правъ вещныхъ; но подтвержденіе, какъ извѣстно, считалось нужнымъ, и въ ту эпоху и долго спустя, даже для имѣній, состоящихъ на правѣ полной (тогдашней) собственности Въ отношеніи же къ пожалованнымъ имуществамъ, оно есть въ точномъ смыслѣ новое пожалованіе.

Такъ *въ наслѣдственной передачѣ сыновьямъ пожалованныхъ имѣній совмѣщаются права частныхъ лицъ и государя*, съ яснымъ, однако, развитіемъ частныхъ правъ на государственныя имущества.

Гораздо труднѣе, повидимому, возможность такого совмѣшенія въ томъ случаѣ, когда *наслѣдницами остаются дочери*, или когда помѣщикъ желалъ бы выдать приданое дочери при ея замужествѣ изъ пожалованнаго участка. Дочь, и вообще женщина, не можетъ замѣнить отца въ служебномъ отношеніи къ государству. Но дочь, или внучка можетъ выйти замужъ; въ лицѣ зятя пріобрѣтается представитель семейныхъ интересовъ, способный исполнять и служебную обязанность. Такой случай самый простой, совершенно однородный съ передачею помѣстья сыну; государственные интересы и частные здѣсь въ полной гармоніи. Какъ при пожалованіи помѣстья сыну, узы естественнаго родства, такъ здѣсь выборъ зятя предрасполагаетъ государственную власть отдать имѣніе изо всѣхъ прочихъ служилыхъ людей—именно этому сыну, этому зятю прежняго владѣльца. Государство здѣсь ничего не теряетъ. Но могутъ быть и случаи болѣе сложные. Напр.: „самъ Казимиръ *и т. д.* Пану Троцкому, намѣстнику Новгородскому и Бѣльскому пану Миколаю Радивиловичу. Билъ намъ чоломъ татаринъ нашъ Сіаитъ и просилъ въ насъ имѣнія, што татаринъ нашъ Исупъ держитъ въ Новгородскомъ повѣтѣ на имя Тупалы а Гнѣдковичи, а повѣдалъ намъ, штожъ деи онъ вжо старъ, а дѣтей ничого нѣтъ, толко деи двѣ внуки, а невѣстка вдова. И билъ намъ чоломъ, абыхмо ему призволили одну внуку его за сына своего поняти. Ино коли вжо тотъ Исупъ старъ, а дѣтей въ него ничого нѣтъ, толко двѣ внучки, а невѣстка вдова, и мы ему дозволили одну внуку его за сына своего поняти, и имѣніе тое Тупалы а Гнѣд-

ковичи сыну его тому дали на особную службу, который внуку его поиметъ, а другую внуку его казали есмо ему выправити замужъ, какъ есть обычай, а тотъ Исупъ и его невѣстка маетъ въ томъ имѣніи жити до своее смерти; а если тая невѣстка его всхочетъ замужъ поити, ино ему ее выправити подлѣ обычая; а по ихъ животѣ нехай тое имѣніе сынъ его (маетъ) и намъ съ того имѣнія службу служитъ по тому, какъ и передъ тымъ намъ съ того имѣнія служба шла" (Лит. Метр. Зап. IV. 75).

За старостью владѣльца и за отсутствіемъ нисходящихъ муж. пола, великій князь могъ пожаловать имѣніе какому угодно другому служилому человѣку. Но государственные интересы службы могутъ быть сохранены безъ нарушенія частныхъ интересовъ владѣльца; новый помѣщикъ принимаетъ вмѣстѣ съ землею всю семью прежняго. Онъ получаетъ имѣніе вслѣдствіе брака на внучкѣ прежняго; но онъ обязанъ такъ же, какъ отецъ, выдать замужъ другую внучку (т. е. дать обычное приданое), а равно и невѣстку, если она пойдетъ замужъ. Онъ обязанъ также кормить до смерти прежняго устарѣлаго помѣщика и его невѣстку, если она не пойдетъ замужъ.

Повидимому всѣ эти добавочныя условія, въ пользу прежняго владѣльца и его семейства, дѣлаются совсѣмъ не въ интересахъ государства. Если человѣкъ соглашается на нихъ, то значитъ имѣніе приноситъ больше, чѣмъ простое вознагражденіе за службу. Государь могъ увеличить служебныя обязанности, даже имѣть другаго служилаго человѣка на томъ же имѣніи. Но нужно вспомнить, что на государѣ лежитъ также обязанность позаботиться о семействѣ служилаго отставнаго человѣка, обезпечить на старости и его и членовъ его семьи, неспособныхъ къ службѣ, словомъ дать то, что мы выше назвали пенсіею. Это именно, вмѣсто государства, дѣлаетъ частное лицо, принявшее имѣніе.

Но здѣсь можетъ встрѣтиться затрудненіе особаго рода: зять, принимающій семью жены вмѣстѣ съ имѣніемъ, можетъ уже имѣть помѣстье или надѣяться получить его послѣ своего отца; так. обр. одно лицо могло бы за одну службу воспользоваться двумя помѣстьями. Это затрудненіе обходится тѣмъ, что, по характеру тогдашней службы (замѣстительства), можно было одному служить двѣ или болѣе службъ. Имѣніе по женѣ въ такомъ случаѣ дается *„на особную службу"*.

Въ этихъ случаяхъ имѣніе, идущее за дочерью или внукою дается въ пожалованіе собственно мужу ея; бракъ есть лишь одно изъ условій, вызывающихъ пожалованіе.—Но отсюда только одинъ шагъ признать наслѣдницею имѣнія самую дочь. Въ самомъ дѣлѣ, если умираетъ отецъ и оставляетъ дочь, не имѣя сыновей,—а эта дочь пока еще не вышла замужъ, то какая судьба должна постигнуть имѣніе? Великій князь можетъ отдать его стороннему служилому человѣку; но въ такомъ случаѣ сирота-дѣвица остается безъ всякаго обезпеченія. Изъ этого затрудненія выходили посредствомъ такъ назыв. *опеки*. Говоримъ *такъ называемой*, потому что хотя въ актахъ того времени она носитъ именно это названіе, но мало имѣетъ общаго съ извѣстнымъ нынѣ понятіемъ опеки. Имѣніе отдается сторонним лицамъ въ ихъ пользованіе, но лишь временное, до выхода дѣвицы—сироты замужъ. Они обязаны охранять имѣніе и называются опекунами.

Приведемъ примѣръ. „Самъ Казимиръ Бож мил. Старостѣ Лупкому, маршалку Волынское земли пану Олизару Шиловичу. *Дозволили* есмо Юхну Зеньковичу *поняти дочку Андрееву* Денисковича *зъ имѣни* съ тыми *съ ее отчиною*, бо она одна послѣ отца состалася, а братій не маетъ; и поки тая дѣвка не взросла, дали были есмо тое имѣніе въ опеканіе половину дѣду ее Ивашку Бабинскому, а половину дядку ее Сеньку Денисковичу имѣніи на имя Велькоръ; и мы здѣ Ивашку Бабинскому сами приказали, абы *ему* того имѣнія половину, которую мѣлъ въ опеканіи, поступилъся за тою дѣвкою; а ты бы тамъ Сеньку Денисковичу приказалъ, ажъ бы ему другую дельницу того имѣнія—тотъ Велькоръ тожъ поступилъся. Нехай бы тая Андреева Денисковича дочка сполна *отчину свою* мѣла, што будетъ отецъ ее мѣлъ вделу. А ввезати *его* во вси тыи имѣнія послали есмо дворянина нашего Сенька Полозовича. Писанъ у Вилни, мая 22 день, инд. 2“ (1480? См. Ак. Южн. и Зап. Рос. томъ II, № 78). Имѣніе находилось въ *опекѣ* у дѣда и дядьки наслѣдницы, но было раздѣлено между ними пополамъ; передача его опекунами называется *поступкою*; опекуны пользовались имъ въ своихъ интересахъ и, вѣроятно, содержали сироту. Имѣніе возвращается, какъ наслѣдственное (отчина), дѣвицѣ при выходѣ ея за мужъ, но идетъ въ пожалованіе ея мужу; онъ принимаетъ его отъ опекуновъ и вводится во владѣніе; выше всѣхъ этихъ сдѣлокъ, вытекающихъ изъ родства, опеки и замужества сто-

итъ еще воля великаго князя; онъ распоряжается передачею имѣнія по всѣмъ упомянутымъ сдѣлкамъ. Изъ служебныхъ отношеній къ нему вытекаетъ и право мужа на отчину жены. Такъ и въ этомъ отношеніи примиряются интересы государственные и частные, власть государя надъ пожалованными имѣніями и возрастающая власть частнаго лица.

Точно такой же способъ примиренія противорѣчій наступаетъ и относительно *правъ вдовы на имѣніе, оставшееся по смерти мужа.* Здѣсь имѣютъ мѣсто два случая, или вдова осталась съ дѣтьми, или безъ дѣтей. Въ первомъ случаѣ она остается при пожизненномъ пользованіи имѣніемъ во имя дѣтей (муж. пола) и вмѣстѣ съ ними. Выше былъ приведенъ примѣръ пожалованія села въ Клецкомъ повѣтѣ *княгинѣ Михайловой и ея сыну Юшку*, и затѣмъ. когда жалованная грамота сгорѣла, подтвержденія того же имѣнія за тѣми же (стр. 157—158). Если новыя пожалованія даются вдовѣ вмѣстѣ съ ея сыномъ и потомъ оставляются въ ихъ двойственной власти и тогда, когда сынъ выросъ и возмужалъ, то еще естественнѣе оставить вдову въ пожизненномъ владѣніи имѣніемъ мужа, когда есть сынъ, способный (теперь или въ будущемъ) отправлять службу.

Повидимому иныя послѣдствія должны наступить, если вдова при дѣтяхъ идетъ во второй бракъ. Въ такомъ случаѣ второй мужъ долженъ бы получить вмѣстѣ съ женою и имѣніе. Но на дѣлѣ не такъ: онъ или получаетъ вдову и имѣніе лишь въ качествѣ опекуна до совершеннолѣтія дѣтей отъ перваго брака; напр. „Король Сеньку Новгородцу призволилъ удову поняти у Новгородку Олехновую Федку и съ землею, а держати ему докулѣ дѣти подростутъ“ (стр. 124).

Или имѣніе не поступаетъ вовсе во власть втораго мужа, даже въ качествѣ опекуна; опека надъ дѣтьми и имѣніемъ оставляется за матерью и однимъ изъ родственниковъ перваго мужа. напр. „Король призволилъ Янку Табареву сыну у Эйшишской волости поняти вдову Матвилову жону; а въ нее суть два сыны, ино ей опекати се дѣтми, а и ближнего которого Монтвилова племенника имаетъ приняти тыми дѣтми опекатисе и имѣніемъ, штобы розно не шло, докуль дѣти узростутъ“ (стр. 124).

Замѣтимъ мимоходомъ, что это вполнѣ напоминаетъ порядки Русской Правды; а это въ свою очередь указываетъ, что явленія гражд.

права Литовско-русскаго не отрѣзаны отъ эпохи Рус. Правды Литовскимъ завоеваніемъ и не замѣнены вполнѣ новыми.

Возвращаясь къ главному анализу, повторяемъ, что положеніе вдовы при дѣтяхъ муж. пола относительно имѣнія, даннаго мужу, аналогично съ положеніемъ престарѣлаго и отставнаго отца при сыновьяхъ; имѣніе оставляется за ними во имя сыновей.

Другое дѣло, если вдова остается бездѣтною, или, что тоже, съ дочерьми. Тогда ея положеніе становится аналогическимъ съ положеніемъ дочери—дѣвицы; она можетъ сохранить имѣніе лишь подъ условіемъ втораго замужества, т. е. сохранить имѣніе во имя мужа. При этомъ воля государя, очевидно, должна выступить съ бо́льшею ясностью и рельефностью. Явленіе на свѣтъ сына есть дѣло природы; поэтому выборъ въ этомъ случаѣ предопредѣляется самою судьбою. Но вдова (или дочь) выбираетъ сама себѣ мужа; неужели въ такомъ случаѣ ея произволъ долженъ во всякомъ случаѣ принудить государя остановить свой выборъ на ея избранникѣ, отдать имѣніе тому, кого она избираетъ себѣ въ мужья? Здѣсь коллизія разрѣшается тѣмъ, что самымъ лицомъ вдовы, именно ея брачною судьбою распоряжается великій князь. Онъ есть какъ бы родовой патріархъ и всеобщій опекунъ въ государствѣ. Онъ избираетъ мужей вдовамъ и дѣвицамъ, а вмѣстѣ съ невѣстою отдаетъ выбранному и ея имѣніе.

Правда, при этомъ распоряженіе имѣніемъ и распоряженіе судьбою лица сливаются до нераздѣлимости; но остается несомнѣннымъ, что воля государя участвовала въ выборѣ жениха вдовѣ; приведенный выше примѣръ весьма характерно указываетъ на нашу мысль, а именно: „Листъ таковъ данъ воеводѣ пану Михаилу: такъ што Гирдули держалъ имѣнеице на Березни, а коли его не стало, ино жены его Гирдулевы просилъ у насъ Гюрять Готевичь; и мы были позволили ю поняти ему; и колко лѣтъ живши Гирдуліева за нимъ Гирятомъ, и умерла безъ природка; и мы нынѣ дали тое Гирдуліево имѣненце писарю нашему пану Васку по томужъ со всимъ, какъ Гирдули держалъ; а велѣли есмо Васка писаря въ тое имѣнеицо увязати пану Василю Корсаковичу; а што будетъ съ того имѣнія выбрано, то есмо приказали опять побравшы у тое имѣніе вернути, што будетъ питомное (зіе) того села“ (стр. 123—124). Буквальный смыслъ первыхъ словъ акта указываетъ, что если проситель проситъ

вдовы въ замужество, то онъ проситъ собственно имѣнія оставшагося за нею по смерти перваго мужа; государь, позволяя ему жениться, тѣмъ самымъ жалуетъ ему имѣніе. Оба момента пожалованія сливаются въ одинъ нераздѣлимый актъ,

Изъ этого слѣдовало бы, что воля вдовы тутъ не при чемъ; каждый проситель обращается непосредственно къ государю; вдова должна подчиниться безпрекословно Она не можетъ отказаться отъ выхода замужъ за человѣка ей невѣдомаго и можетъ быть противнаго, даже пожертвовавши имѣніемъ; пот. что государь въ правѣ передать не только имѣніе, но и самую вдову. Однакожъ болѣе пристальный взглядъ даже на случай только что приведенный не позволяетъ сдѣлать такихъ рѣзкихъ выводовъ. Какъ въ этомъ случаѣ, такъ и во множествѣ другихъ исторія живыхъ человѣческихъ обществъ не терпитъ рѣшительныхъ приговоровъ и строится на пестрой сѣти явленій, которыя кажутся намъ противорѣчивыми. Въ данномъ случаѣ, вдова, пожалованная со всѣмъ ея имѣніемъ другому, оказывается однако лицомъ, которому приписываются права на это имѣніе. Король лишь тогда даетъ этому имѣнію совсѣмъ другое назначеніе, когда она умерла бездѣтною. О второмъ ея мужѣ онъ умалчиваетъ вовсе, такъ что можно предположить, что она умерла еще при жизни втораго мужа, и это даетъ поводъ вел. князю распорядиться имъ въ пользу сторонняго лица, игнорируя права втораго мужа. Конечно, вѣрнѣе предположить, что и второй мужъ уже умеръ до смерти жены; но это не измѣняетъ дѣла; вдова остается безспорною пожизненною владѣлицею имѣнія перваго мужа.

Такъ подъ неопредѣленною и широкою сферою правъ государя на жалованныя имущества развиваются и растутъ права на нихъ частныхъ лицъ.

Для пониманія этого, однако, необходимо предположить, что и право государя на лицъ женскаго пола, именно на ихъ брачную судьбу, нельзя понимать съ буквальною строгостію. Надо признать выборъ мужа, какъ совокупный результатъ воли самой вдовы и воли государя. Это въ точномъ смыслѣ и подтверждается слѣд. примѣромъ: „У Стародубѣ Янку Даниловичу приволилъ король поняти вдову Яцкову жены Илинича, *а и сама деи за него хотѣла*, а и имѣніе емужъ Яцково по томужъ, какъ Яцко держалъ, со всѣмъ съ тымъ“ (стр. 134).—Очевидно, въ дѣйствительности дѣло происходило так. обр.:

желавшій жениться на вдовѣ и чрезъ то и вмѣстѣ съ тѣмъ получить ея пожизненное имѣніе, заручался согласіемъ вдовы и тогда обращался съ просьбою къ государю, который *позволялъ* бракъ и передавалъ имѣніе. Государь могъ *не позволить*, но едвали возможны были случаи произвольнаго назначенія мужа вдовѣ безъ вѣдома невѣсты. Аналогичныя явленія практиковались до послѣдняго времени въ восточной Россіи на церковныхъ имуществахъ и должностяхъ, которыя передаваемы были въ quasi приданое.—Но разрѣшеніе коллизіи правъ государя и вдовы на имѣніе мужа посредствомъ новаго брака вдовы фактически не всегда возможно: вдова можетъ остаться послѣ мужа уже въ преклонныхъ лѣтахъ. Тогда является на помощь другая мѣра, именно отдача въ пожалованіе имѣнія стороннему лицу съ обязательствомъ *кормить вдову до смерти*. Напр. „Федку Плюскову удовы Дмитреевы жены докормити до смерти, а по ее животѣ имѣніе ему“ (стр. 163). Какъ совершается подобная сдѣлка—съ вѣдома ли и согласія вдовы, или нѣтъ,—неизвѣстно. По аналогіи съ подобными же распоряженіями относительно престарѣлыхъ служилыхъ людей и съ обычаями усыновленія (о чемъ упомянуто будетъ ниже), слѣдуетъ предположить и здѣсь предварительное согласіе вдовы. Если такъ, то это прокормленіе до смерти получаетъ совсѣмъ иной видъ въ вопросѣ о правахъ вдовы на выслугу мужа.

Мало по малу пожизненное владѣніе вдовы имѣніемъ мужа, утверждается какъ право ея при дѣтяхъ и безъ дѣтей. Для этого требуется только особая жалованная грамота государя; напр.: „княгини Сангушковой Простяница (?) до живота, ажъ иметь на удови столци сѣдѣти, а по животѣ вси (всимъ) дѣтемъ въ дѣлъ“ (стр. 157); здѣсь утверждается почти буквальными выраженіями Русской Правды извѣчный обычай, дѣйствовавшій въ сферѣ наслѣдованія супруговъ.

Что именно права частныхъ лицъ на жалованныя имущества подчиняются уже древнему обычному порядку, это доказывается въ особенности слѣд. случаемъ: если за смертью владѣльца въ имѣніи остается *мать* его, то, повидимому, и на нее должны бы были простираться пожизненныя права владѣнія. Но извѣстно, что по общему древнему русскому порядку, восходящіе не наслѣдуютъ. И дѣйствительно на права матери не обращается никакого вниманія при переходѣ пожалованныхъ имуществъ. Напр. „Билъ намъ чоломъ подконюшій нашъ Петръ и просилъ въ насъ земли въ Радунскомъ по-

вѣтѣ на имя Андрейковщизны, а повѣдалъ намъ, штожъ деи тотъ Андрейко умеръ давно, а одного деи только сына мѣлъ, и тыми деи разы и сынъ его умеръ; а зъ женою ни одного дитяти не мѣлъ, и только деи матка его на той земли одна зостала, а иншихъ ближшихъ къ той земли никого нѣтъ; и просилъ насъ абыхмо ему тую землю дали на особную службу..." Великій князь Казимиръ отдалъ просителю эту землю (Метр. Лит. IV, стр. 75—74, коп. 322—333).

Вышеприведенные факты и замѣчанія указываютъ, что права частныхъ лицъ на пожалованныя имущества развиваются относительно продолжительности пользованія; безсрочное пользованіе становится естественно пожизненнымъ и потомственнымъ. Уже утверждается обычаемъ просить пожалованій и жаловать имущества лишь въ такомъ случаѣ, когда „наслѣдка нѣтъ". Мы выше упоминали, что пожалованіе дается именно подъ условіемъ, если завѣреніе просителя, что наслѣдниковъ нѣтъ къ просимому участку, окажется справедливымъ. Вотъ еще примѣръ; „Синьцу повару домъ и земля дьяка его Мелешкова, ажъ не будетъ близшого наслѣдка" (стр. 117).

Но какъ бы ни были продолжительны права пользованія, пользователь чрезъ одно это не становится еще собственникомъ. Правда въ старину, какъ въ Лит. русскомъ государствѣ, такъ и въ Московскомъ, повидимому, именно переходъ въ потомственное пользованіе отдѣлялъ полныя права собственности отъ условныхъ, „отчины"—отъ помѣстій; по крайней мѣрѣ для обозначенія полныхъ правъ собственности былъ единственный терминъ „отчина". Но право собственности опредѣляется и другими признаками болѣе важными и существенными, именно правомъ распоряженія. Выше было приведено содержаніе жалов. грамоты Олизару Шиловичу, по которой ему вел. князь далъ „его отчину, тое держанье, все што выслужилъ, увъ отчину". Вообще выше было уже показано различіе между потомственнымъ владѣніемъ („отчиною" въ обширномъ смыслѣ) и правомъ собственности („отчиною" въ тѣсномъ смыслѣ). Участокъ остается или пожизненно въ рукахъ помѣщика, или передается дѣтямъ и другимъ родственникамъ по смерти его; но *имѣетъ ли право помѣщикъ распоряжаться имъ?* Можетъ ли онъ, напр., отказать его по завѣщанію, продать, заложить, промѣнять, подарить? Если всѣми этими правами онъ располагаетъ, то, повидимому, онъ есть настоящій собственникъ участка,

а не государь и государство. Здѣсь опять рѣшительные приговоры неумѣстны въ исторіи.

Помѣщикъ дѣйствительно не имѣетъ указанныхъ правъ. Напр. онъ не можетъ завѣщать земли. Но если онъ при жизни своей изъ числа родственниковъ или сторонніхъ избираетъ себѣ одно или нѣсколько лицъ, которыя бы и кормили его при старости и потомъ по смерти получили его участокъ, и съ такою просьбою обращается къ государю, то какая причина можетъ заставить этого послѣдняго отказать ему? Когда вдова или дѣвица, выборомъ жениха, предрасполагаетъ волю государя передать ему участокъ ея отца, то тѣмъ болѣе это можно допустить въ пользу служившаго и взрослаго мужчины. Такъ оно и бывало обыкновенно. Выше мы привели для другой цѣли случай, какъ безсрочный владѣлецъ („до воли“) передаетъ имущество своимъ племянникамъ отъ сестры. Великій князь въ одной и тойже грамотѣ сначала утверждаетъ просителя въ пожизненномъ правѣ пользованія, а потомъ позволяетъ завѣщать въ пользу сестренцевъ: „што Микита на насъ выслужилъ и на што листы наши маетъ, тое бъ таки писарь нашъ панъ Микита держалъ вѣчно до своего живота; а по его животѣ *призволили есмо ему сестренцомъ своимъ записать*—Мишку, а Тимоѳею а Макарію Пашковичомъ, ижъ бы его до смерти кормили и призирали; а по его животѣ тое имѣнеицо тымъ его сестренцомъ вѣчно и непорушно, *а его бы душу поменули, а намъ съ того служили.* Писанъ у Берестахъ, февр. 27, инд. 8“ (стр. 151). Послѣдняя фраза акта весьма отчетливо указываетъ на возможность совмѣщенія частнаго интереса съ государственнымъ въ такомъ случаѣ.

Съ завѣщательнымъ распоряженіемъ имѣетъ весьма большую аналогію (для нашей цѣли) *усыновленіе.* Здѣсь также помѣщикъ при жизни избираетъ лицо въ кормители себѣ на старости, съ передачею ему имущества по смерти. Когда просятъ великаго князя утвердить такую сдѣлку, то онъ обыкновенно и утверждаетъ ее. Напр. „Дровнутисъ принялъ Пузоса за сына....; а по Дровнутовѣ животѣ, ино Пузосу тое, што онъ *держалъ*, а ему (Пузосу) служити, какъ Дровнутисъ служитъ“ (стр. 190).

Пользователь не можетъ продать даннаго ему участка; это понятно само собою: имущество дано ему на время; а если навсегда, то условно; продать можно только „отчину“ (въ точномъ смыслѣ

слова), а не жалованное имущество, не „данье“; вотъ рѣшительный примѣръ: „пану Мартину Гастовтовичу призволено купити въ Чамровичовъ (у Чамровичей) имѣніе *отчина* ихъ; а што будетъ королево *даніе*, того не призволили купити“ (стр. 180). Оставивъ пока въ сторонѣ вопросъ, можно ли было великому князю иногда и „призволить купити“, обратимъ вниманіе на другой порядокъ случаевъ, который косвенно приводитъ къ праву помѣщика распорядиться имуществомъ по возмезднымъ сдѣлкамъ. Помѣщикъ задолжалъ другому. Обязательства, какъ здѣсь, такъ и въ Московскомъ государствѣ, имѣютъ еще строго-личный характеръ. За долги отвѣчаетъ лично должникъ и его наслѣдники; взысканіе съ имущества еще не допускается; слѣдов. ни продать за долги имѣнія, ни передать его кредитору еще нельзя. Но служилый человѣкъ умираетъ, не оставивши родовыхъ наслѣдниковъ; помѣстье возвращается въ непосредственную власть великаго князя. Причемъ же остается кредиторъ? Для государя нѣтъ никакихъ причинъ отказать ему, если онъ проситъ пожаловать ему имущество должника, умершаго безъ наслѣдниковъ. Напр. „Пану Нацу Ганивиловичу (дана) земля пустая у Волковиску на имя Вязевщина; а тотъ деи Вязисъ виноватъ былъ ему тремя копами, и нынѣ змерлъ а наслѣдка нѣтъ; ино будетъ ли такъ, ино дать“ (стр. 190).—Въ этомъ случаѣ помѣщикъ пріобрѣлъ себѣ т. ск. наслѣдника въ лицѣ своего кредитора; онъ возмезднымъ обр. отчудилъ свой участокъ, но лишь по смерти, продалъ т. ск. право наслѣдства послѣ себя.

Случай этотъ показываетъ, что для пріобрѣтателей было выгодно получать пожалованіе и за деньги. Если такъ, то почему государю не позволить и прямо сдѣлки купли-продажи, съ переводомъ служебныхъ обязанностей на покупщика? И дѣйствительно уже въ XIV—XV в. такія сдѣлки допускались, съ нѣкоторыми условіями формальнаго свойства. Напр. „што государь—король призволилъ Миколаю, бискупову брату, село купити у Гануса подъ Свержномъ и листъ свой на то далъ, ино Ганусъ передъ паны, передъ всею Радою, тое село Миколаю *спустилъ* и вызналъ такъ, штожъ ему тое село спустилъ и зъ землями и съ водами и съ бобровыми гоны и со всимъ, по томужъ, какъ самъ держалъ и отвести ему нялся потомужъ въ лѣто 6968 (1460), инд. 8 (стр. 182).—Очевидно, порядокъ купли-продажи въ этомъ случаѣ былъ таковъ: *прежде* заключенія сдѣлки между частными лицами, покупщикъ обращался съ просьбою къ го-

сударю о дозволеніи купить, на что и выдавался особый *жалованный листъ*, замѣняющій вполнѣ для него жалованную грамоту; затѣмъ заключается *сдѣлка* его *съ продавцомъ*. Далѣе продавецъ обязанъ *засвидѣтельствовать* предъ высшимъ правительствомъ *(Радою)* о дѣйствительномъ исполненіи сдѣлки; наконецъ онъ же обязывается *передать* („отвести") покупщику проданную землю. Въ этихъ формальныхъ моментахъ купли-продажи рельефно обозначилась коллизія правъ государя и частнаго лица. Сдѣлка между частными лицами служитъ лишь поводомъ для государя пожаловать имѣніе другому лицу вмѣсто прежняго владѣльца, подобно тому, какъ онъ самъ отбиралъ жал. имущества и передавалъ ихъ другому по своему собственному разсчету. Но присутствіе воли частнаго лица обнаруживается въ томъ, что жалов. грамота могла и не достигнуть своей цѣли; имѣніе могло быть и не передано другому (если сдѣлки съ продавцомъ не послѣдовало); поэтому продавецъ обязанъ заявить правительству, что сдѣлка совершена, имущество передано. Вмѣсто „увязанья" (ввода во владѣніе, который практиковался при непосредственномъ пожалованіи и производился органами государства), здѣсь наступаетъ „отводъ", совершаемый частнымъ лицомъ—продавцомъ. При такихъ условіяхъ государь довольно легко разрѣшалъ купчія сдѣлки на выслуженныя имущества. Напр. „Дали есмо сей нашъ листъ Станьку Держковичу—князя Миколаеву брату бискупову на то, што онъ купилъ у войта у Ковенского у Билярія у Троцкомъ повѣтѣ у Жижморской волости. А тотъ деи войтъ у великаго князя Витовта тое имѣніе выслужилъ. И мы ему призволили тое имѣніе вѣчно купити, а *войту продати*, а ему купити со всимъ съ тымъ, съ чимъ войтъ держалъ, а ему намъ съ того служити. Писанъ въ Городнѣ, мая 6, инд. 9" (стр. 127).

При продажѣ цѣлаго имѣнія всѣ права и обязательства (служебныя) цѣликомъ переходятъ на покупщика и государь при этомъ ничего не теряетъ. Но помѣщикъ можетъ продать только часть имѣнія. Как. обр. при этомъ могутъ быть соблюдены права государя? Обязанности службы не подлежатъ дробленію такъ, какъ могутъ дробиться имущества. Можетъ ли государь позволить такого рода продажу? Несомнѣнно можетъ. Государь при этомъ не только ничего не теряетъ, но и выигрываетъ, потому что и на продавцѣ оставляетъ полную службу съ оставшейся части, и на покупщика возлагаетъ новую полную службу съ пріобрѣтенной части. Напр. „Яцку Ви-

гайловилу призволилъ (великій кн. Казимиръ) земли *половицу* купити у Тричелевичохъ; а Тричелевичи и съ половины таки имаютъ намъ служити у Вилькійское волости; а Яцко и съ купли и съ тое половицы такежъ имаетъ намъ служити *оприщнею* службою, какъ и Тричелевичи" (стр. 121).

Купля-продажа жалованныхъ имуществъ соотвѣтствуетъ вышеуказанному праву государя отбирать помѣстья безъ вознагражденія. Но если въ послѣднемъ случаѣ выступаетъ со всею рѣшительностью воля государя съ полнымъ нарушеніемъ интересовъ частныхъ лицъ, то въ первомъ случаѣ вполнѣ удовлетворяются интересы частныхъ лицъ безъ нарушенія правъ государя. И тамъ и тутъ опредѣляющимъ моментомъ является пожалованіе великаго князя.

Но выше мы видѣли также, что государь не всегда отбираетъ имущество безъ вознагражденія; чаще, въ замѣнъ отнятаго, дается другой участокъ. Опять, если это дѣлается безъ воли и согласія частныхъ лицъ, то интересы ихъ страдаютъ вполнѣ; но государь можетъ произвести такой же обмѣнъ съ участіемъ воли частныхъ лицъ. На этомъ основаніи допущена *мѣна жалованныхъ имуществъ* и особый видъ *даренія* ихъ между частными лицами.

Правда, у насъ есть только одинъ примѣръ подобной мѣновой и тотъ касается „отчины", но отчины *выслуженной*; а именно: „У Жомоита у Россеиняхъ Довіятусъ мѣнилъ изъ бискупомъ Жомоитскимъ на его куплю а своею отчиною, што отецъ его выслужилъ на Витовтѣ; потому имъ и держати, какъ мѣнили" (стр. 152). Случай этотъ тѣмъ интереснѣе, что здѣсь выслуженное имѣніе идетъ въ обмѣнъ на куплю и притомъ между служилымъ человѣкомъ и церковію (или духовнымъ лицомъ). Само собою разумѣется, что купля послѣ обмѣна получаетъ характеръ выслуги и наоборотъ. Если допущены были мѣновыя такого рода, то нѣтъ никакихъ причинъ не допустить мѣны помѣстья на помѣстье. Въ первомъ случаѣ мѣняется земля государева на церковную; во второмъ участки государевой земли лишь обмѣниваются одинъ на другой.

Далѣе, если кто либо уступаетъ свой участокъ другому въ надеждѣ, что этотъ другой выпроситъ ему у государя въ замѣнъ подобный же участокъ въ другомъ мѣстѣ, то и это имѣетъ кажущееся сходство съ мѣною, но лишь кажущееся, потому что нельзя мѣнять дѣйствительную вещь на предполагаемую; поэтому мы и назовемъ

подобныя сдѣлки актами условнаго даренія. Напр. „Старостѣ Жомоитскому, пану Яну Кезгайловичу (пишетъ вел. кн. Казимиръ). Нехто Рачко Войтвиловичь свою отчину—чоловѣкъ 7 *испускаетъ* тобѣ, и ему бы противъ того у Жомоити дати; и мы тое тобѣ дали; то бы еси держалъ; а ему бы еси тамъ у Жомоити обыскалъ землицу, а къ тому 7 чоловѣковъ некуничныхъ, а дай тому Войтвилу (sic) противъ того, што онъ держалъ. Писанъ у Смоленску мая 8, инд. 14“ (стр. 168). Въ этомъ случаѣ нельзя видѣть отнятіе у частнаго лица имѣнія мѣстнымъ правителемъ (старостой Жмудскимъ) и пріисканіе участка въ замѣнъ отнятаго, потому что староста отбираетъ участокъ не въ пользу государя, а въ свою собственную, является уже частнымъ лицомъ, а не правителемъ.—Какъ возможно было допущеніе такихъ сдѣлокъ, повидимому въ явный ущербъ интересовъ государя? Прежде всего будемъ помнить, что подобная сдѣлка (какъ и всякія другія) становится дѣйствительною только со времени пожалованія или утвержденія ея государемъ. Потомъ всмотримся ближе въ самый случай: съ точки зрѣнія правъ государя, весь онъ сводится къ отобранію имущества у помѣщика съ пріисканіемъ ему въ замѣнъ другаго участка, и къ пожалованію отобраннаго участка другому лицу. Все это безспорныя права государя, указанныя выше, только всѣ эти распоряженія вызваны интересами и просьбою частныхъ лицъ.

Такъ и въ этомъ случаѣ развитіе правъ частныхъ лицъ на жалованныя имущества совершается пока безъ нарушенія правъ государственной власти на нихъ и подъ покровомъ этихъ правъ.

Наконецъ владѣльцы пожалованныхъ имуществъ имѣютъ уже право судебной защиты относительно жалованныхъ имуществъ. На основаніи уже утверждающихся правъ наслѣдства на эти имущества, они ведутъ иски противъ родственниковъ и жалованная грамота государя лишь закрѣпляетъ то, что самъ государь утвердилъ по судебному разбирательству; напр. „у Неменцинскои волости Товтвиду Неменчинцу земля, *што оттягалъ у племенниковъ*, а судилъ самъ король у Диснахъ. А приказъ пана Михайла канцлера. Писанъ у Вилни, апр. 11, инд. 1“ (стр. 130).

VII.

Обращеніе жалованныхъ имѣній въ вотчины.

Въ предыдущемъ отдѣлѣ (о коллизіи и примиреніи правъ государя и частныхъ лицъ на жалованныя имущества) былъ показанъ возможный путь для формальнаго развитія правъ частныхъ лицъ на жалованныя имѣнія, не смотря на то, что такой процессъ представляетъ повидимому неодолимыя трудности, ибо между правомъ собственности и имуществомъ, даннымъ въ пользованіе подъ условіемъ службы такая громадная и очевидная разница, что отъ одного къ другому, повидимому, нѣтъ никакого естественнаго органическаго перехода. Но мы видѣли, что помѣстья передаются уже по наслѣдству, а право собственности въ старину характеризовалось именно правомъ передачи его наслѣдникамъ, отчего имѣніе, состоящее на правѣ собственности, именовалось отчиною или дѣдиною (терминомъ „держаній“ означается пожизненное владѣніе). Нынѣ право собственности характеризуется преимущественно правами распоряженія; но мы видѣли также, что имѣніе, данное въ помѣстье подъ условіемъ службы, можетъ быть и было передаваемо помимо наслѣдства, шло въ пожизненное пользованіе вдовъ, могло быть куплено и продано, промѣнено и подарено, хотя и оставалось помѣстьемъ, держаніемъ или выслугою.

Такъ. образомъ всѣ *формы* права собственности были уже на лицо. Но подъ формами не доставало еще духа: не присутствовало идеи собственности, именно сознанія владѣльцемъ независимой власти его надъ вещію и признанія этой власти сторонними лицами.

Къ формальнымъ условіямъ перехода выслугъ въ отчины также естественно просоединяются другія существеннѣйшія; это прежде всего *время* или давность въ обширномъ и неопредѣленномъ смыслѣ слова. Если нѣсколько поколѣній владѣли участкомъ, то владѣлецъ привыкаетъ смотрѣть на имѣніе, какъ на собственное.

Еще больше значеніе имѣетъ *трудъ*. Трудомъ лица, а тѣмъ болѣе нѣсколькихъ поколѣній лицъ, имѣніе можетъ получить совсѣмъ иной видъ и цѣнность; отнятіе такого имѣнія совсѣмъ не то, что отнятіе имѣнія, даннаго вчера, хотя бы владѣлецъ и признавалъ за

отнимающемъ право на то. Во всякомъ случаѣ эта будетъ *обидою*, а что такое обида, какъ на нарушеніе правъ, хотя бы сознаніе ихъ крылось еще только въ зародышѣ?

Отъ условій времени зависитъ и признаніе этихъ правъ сторонними лицами, преимущественно государствомъ, въ особенности когда смѣняется уже нѣсколько правителей государства. На имѣніе, пожалованное имъ самимъ, правящій государь смотритъ, какъ на свое, и въ буквальномъ смыслѣ, какъ на временное жалованье за службу. Но на имущество, пожалованное его отцомъ, дѣдомъ или другимъ предшественникомъ, онъ уже смотритъ иначе; ему *неловко* оскорбить память предшественниковъ, разрушеніемъ ихъ дѣяній; во всякомъ случаѣ *не отъ его воли* исходило пожалованіе, а отъ воли другихъ лицъ, которыхъ уже нѣтъ на свѣтѣ, и которыя сами измѣнить ее не могутъ. Правда, они не выражали воли отдать имущество на вѣчность, но и не предупредили, что отнимутъ его. Отсюда различіе между имуществами новопожалованными и старыми выслугами. Уже одинъ изъ вышеприведенныхъ примѣровъ указываетъ на всѣ эти условія роста сознанія права собственности: „Што Некрашевичь Петрашъ изъ братіею Велюнцы попросили были земли за отчину подъ Велюнцы подъ Варусомъ Эйтвиловичемъ (и др.); и король имъ опять вернулъ тые земли занюжъ *еще отцомъ* ихъ *князь вѣликій Витовтъ* подавалъ противъ ихъ отчины, што привернулъ къ Велюни, а тогды сѣли на сыромъ лѣсѣ“ (стр. 167).

Такимъ образомъ совершался естественный ростъ права собственности въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, въ каждомъ отдѣльномъ имѣніи. Не было надобности въ общихъ историческихъ переворотахъ, чтобы указанный переломъ идей охватилъ наконецъ все государство и выразился въ законодательствѣ полнымъ уравненіемъ помѣстій, державъ, выслугъ съ вотчинами (въ пользу послѣдняго типа), какъ это и случилось въ Московскомъ государствѣ, но весьма поздно, именно въ концѣ XVII в.

Нѣтъ сомнѣнія, что этимъ путемъ созидалось право собственности на недвижимость со временъ доисторическихъ, что всѣ боярскія вотчины первоначально были и могли быть только жалованными, что, слѣдов., анализируемый процессъ начался не съ Литовскаго и Московскаго періода и что много имуществъ въ XIV и XV ст. имѣли уже характеръ, приближающійся къ свойствамъ права собственности.

Но въ Литовско-русскомъ государствѣ этотъ долговременный процессъ ускоренъ былъ внѣшнимъ обстоятельствомъ—связію съ Польшею. *Вліяніе польскаго права*, говоримъ, *ускорило* (но вмѣстѣ съ тѣмъ и исказило) естественный ростъ частныхъ правъ. Посредствомъ отдѣльныхъ привилегій частнымъ лицамъ и посредствомъ общихъ привилегій въ пользу землевладѣльцевъ въ Литовское государство введенъ типъ шляхетскаго землевладѣнія, который впрочемъ состоитъ не въ одномъ возвышеніи частныхъ правъ отдѣльныхъ лицъ; въ немъ къ частной власти собственника присоединяются государственныя права, чѣмъ прежнія смѣшанныя права государя на землю (государственныя и частныя) переведены на вотчинника; так. обр. польское право отнюдь не содѣйствовало нормальному и правильному развитію права; вмѣсто надлежащаго выдѣленія сферы частно-правной отъ государственной, оно привело къ новому смѣшенію ихъ, и притомъ вполнѣ ненормальному.

Въ заключеніе мы можемъ высказать слѣд. общіе выводы: а) условность и ограниченность правъ на имущества въ Литовскомъ государствѣ отнюдь не есть результатъ мнимаго Литовскаго завоеванія; б) тѣже свойства имущественныхъ правъ, и даже въ высшей степени, нужно предположить въ обще-русскомъ правѣ въ эпоху Русской Правды; в) условность и ограниченность правъ *первоначально* простирается не на однѣ жалованныя имущества въ точномъ смыслѣ, но и на всѣ прочіе виды ихъ; г) причина ограниченности имущественныхъ и другихъ правъ частныхъ лицъ лежитъ въ глубинѣ доисторическихъ явленій (зависимости лица отъ общества) и съ теченіемъ исторіи не возрастаетъ, а ослабляется; лицо постепенно завоевываетъ себѣ самостоятельность въ правѣ; д) процессъ возвышенія правъ частнаго лица начался съ древнѣйшихъ временъ и ни въ эпоху Рус. Правды, ни въ Литовскомъ государствѣ типъ помѣстнаго права или жалованныхъ вотчинъ отнюдь не есть единственный типъ вещныхъ отношеній къ землѣ; е) путь возвышенія правъ частнаго лица есть путь естественнаго роста этихъ правъ и не зависитъ отъ политическихъ переворотовъ или искусственныхъ законодательныхъ мѣръ. Эти послѣднія могутъ лишь ускорить естественный ходъ процесса, или задержать его; первое случилось въ Литовскомъ государствѣ (для одного высшаго класса) въ слѣдствіе сближенія съ Польшею; второе—въ Московскомъ государствѣ.

Мы позволяемъ себѣ дѣлать эти общіе выводы на основаніи явленій только Литовско-русскаго права и при пособіи лишь одного памятника потому, что вышеизложенные факты указываютъ на полное сходство явленій, извлекаемыхъ изъ нашего памятника съ одновременными явленіями Московскаго государства и другихъ государствъ той-же исторической формаціи.

М. Владимірскій-Будановъ.

ПОМИНКА

ПО

АЛЕКСАНДРѢ АЛЕКСАНДРОВИЧѢ

КОТЛЯРЕВСКОМЪ.

КІЕВЪ.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ. (І. І. ЗАВАДЗКАГО).
1881.

Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій.
Печатано по опредѣленію Совѣта Университета Св. Владиміра,
1881 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
I. А. А. Котляревскій. Некрологъ. . .	П. И. Аландскаго	1–25
II. Номинальныя рѣчи:		
1) Рѣчь во время панихиды	его-же .	26—31
2) Рѣчь при погребеніи	его-же .	32—40
3) Рѣчь къ студентамъ	И. Н. Ждановa	41—51
4) Рѣчь въ Обществѣ Нестора Лѣтописца	Н. П Дашкевича	52—86
III. Списокъ сочиненій А. А. Котляревскаго.	Его-же .	87—96

Александръ Александровичъ Котляревскій.

(некрологъ).

Смерть, приближавшаяся къ Александру Александровичу медленно и постепенно, сразила его наконецъ однимъ внезапнымъ и быстрымъ ударомъ 29-го сентября въ Пизѣ, гдѣ онъ искалъ убѣжища отъ суровой русской зимы и надѣялся оправиться отъ потрясеній, причиненныхъ его чуткому и отзывчивому сердцу послѣдними невзгодами русской жизни. Самыя напряженныя усилія знанія и самыя нѣжныя попеченія дружбы были не въ силахъ остановить разрушительное дѣйствіе злаго недуга, давно поселившагося въ груди его. Его жизнь прервана, ученая дѣятельность пресѣчена въ ту пору, когда труженики науки чувствуютъ потребность подвести итоги накопленному знанію и опыту, когда имъ хочется высказать свои задушевныя мысли и свои зрѣлыя убѣжденія по тѣмъ вопросамъ, рѣшенію которыхъ посвящены были ихъ силы. Здѣсь смерть одержала побѣду и намъ остается, оплакавъ свою потерю, собрать и обнародовать то, что

составляетъ лучшіе плоды ученой дѣятельности покойнаго, намѣтить ихъ цѣнность и значеніе и такимъ образомъ вопреки усиліямъ смерти продлить благотворное дѣйствіе завѣтныхъ помысловъ и стремленій человѣка, который въ недолгое время успѣлъ сдѣлать многое, достойное вѣчной памяти. Смерть страшна для отдѣльныхъ лицъ; для общества гибельно забвеніе, этотъ вѣрный спутникъ смерти, украдкой вырывающій изъ памяти преемниковъ молодые побѣги, возникшіе изъ сѣмянъ, посѣянныхъ ихъ предшественниками. Къ счастью спасти отъ забвенія цѣнные плоды жизни несравненно легче, чѣмъ отстоять самую жизнь.

Потребуется не мало времени и труда, чтобы собрать и изложить въ порядкѣ то, что есть поучительнаго и достойнаго памяти въ жизни Александра Александровича. Онъ не оставилъ записокъ о своей жизни, большая и лучшая доля которой была проведена въ рабочей комнатѣ, вдали отъ шума и тревогъ современной жизни, среди книгъ, постоянно отвлекавшихъ его думы отъ настоящаго къ прошедшему. Такая жизнь бываетъ обыкновенно не богата событіями и оставляетъ свой слѣдъ не въ мемуарахъ, а въ случайныхъ замѣткахъ по поводу предметовъ и задачъ, занимавшихъ умъ, въ наброскахъ и планахъ задуманныхъ, но не исполненныхъ работъ. Можно думать, что въ бумагахъ покойнаго найдется много замѣтокъ подобнаго рода, пригодныхъ для характеристики его, какъ ученаго, и полезныхъ для тѣхъ, кто занимаются

изученіемъ литературы и древностей всѣхъ отраслей славянскаго племени. Вниманіе Александра Александровича охватывало весьма широкій кругозоръ и пристально слѣдило за движеніемъ науки въ области не только славяновѣдѣнія, но также исторіи средневѣковой литературы германской и романской, археологіи и миѳологіи. На многихъ предметахъ оно по необходимости останавливалось лишь мимоходомъ на столько, сколько нужно было, чтобы отмѣтить достойное памяти, поставить вопросъ и получить отвѣтъ на него въ видѣ догадки, подсказанной обширной ученостью и быстрымъ соображеніемъ. Покойный любилъ порядокъ и строго охранялъ его не только въ своей огромной библіотекѣ, но и въ бумагахъ, такъ что получившій доступъ къ нимъ найдетъ матеріалъ подобраннымъ и размѣщеннымъ въ отдѣльныхъ связкахъ и картонахъ.

Второе по важности мѣсто въ ряду источниковъ для біографіи Александра Александровича занимаетъ его обширная переписка съ представителями славянской науки не только въ Россіи, но и заграницей. Покойный не только тщательно хранилъ письма, адресованныя къ нему, но также оставлялъ копіи съ своихъ собственныхъ писемъ, болѣе значительныхъ и важныхъ по содержанію. Здѣсь найдутся данныя для изображенія того, какъ относился онъ къ различнымъ явленіямъ въ области современной науки, событіямъ и лицамъ, затрогивавшимъ такъ или иначе его какъ ученаго и человѣка. Изучая личность

покойнаго по отраженію ея въ перепискѣ съ друзьями и знакомыми, необходимо имѣть въ виду, что люди, одаренные тонкой, легко раздражающейся чувствительностью и склонные къ юмору, очень рѣдко выражаютъ свои помыслы и чувства съ точнымъ соблюденіемъ ихъ подлиннаго вида и размѣровъ. Говоря словами Г. Буасье, у людей такого рода слово и перо даютъ болѣе прочности ихъ мимолетнымъ мыслямъ. Это были не болѣе, какъ молніи; записывая ихъ дѣлаютъ болѣе точными и явственными, причемъ они пріобрѣтаютъ такую отчетливость, рельефность и важность, какой въ дѣйствительности не имѣли. Не всякій умѣетъ читать и понимать такія письма, какъ слѣдуетъ.

За перепиской слѣдуютъ свидѣтельства лицъ близкихъ къ покойному въ разные періоды его жизни. Изъ товарищей по гимназіи къ нему близко стояли П. С. Яблоновскій, нынѣ предсѣдатель съѣзда мировыхъ судей въ Пирятинѣ, и В. А. Андрузскій, предсѣдатель земской управы тамъ-же. Первый находился въ перепискѣ съ Александромъ Александровичемъ и, быть можетъ, сохранилъ письма важныя для знакомства съ годами его юности и молодости. Кругъ лицъ, близко знавшихъ Александра Александровича въ Москвѣ въ годы студенчества и потомъ, гораздо обширнѣе. Въ числѣ ихъ были А. А. Козловъ, Н. А. Поповъ и Н. С. Тихонравовъ. Къ нимъ и остальнымъ, неизвѣстнымъ намъ ближе, мы обращаемся съ покорнѣйшей просьбой сообщить намъ то, что сохранила

ихъ память о покойномъ. Богато одаренная природа Александра Александровича хранила задатки для разныхъ направленій жизни и дѣятельности. Въ послѣдній періодъ своей жизни онъ неуклонно слѣдуетъ одному, предается ученой работѣ, съуживаетъ свой кругозоръ и, не теряя изъ виду остального, сосредоточиваетъ свое вниманіе на исторіи древнерусской письменности. Повидимому не вдругъ и не безъ колебаній установилось это направленіе и сложились соотвѣтствующіе ему вкусы и привычки, по крайней мѣрѣ надъ гробомъ его, опускавшимся въ могилу, шла рѣчь объ увлеченіяхъ его молодости, о его борьбѣ и побѣдѣ надъ ними. Для насъ въ высшей степени важны всѣ указанія на тѣ ступени, по которымъ дошелъ покойный до высоты своего призванія,—на отклоненія его въ сторону, на тѣ событія, которыя или отвлекали его отъ прямого пути къ цѣли, намѣченной имъ очень рано, или вновь обращали къ ней. Въ жизни даровитыхъ людей, росшихъ не въ теплицѣ, а на вольномъ воздухѣ, испытавшихъ всякую погоду, отражается особенно ярко и живо исторія современнаго общества своими свѣтлыми и темными сторонами. Намъ думается, что правдивое изображеніе того, какъ жили и что испытали лучшіе представители отшедшаго поколѣнія, скорѣе всего можетъ воспитать трезвость мысли и устойчивость воли въ тѣхъ, кому приходится выбирать или прокладывать себѣ дорогу въ жизни. Обратившись съ призывомъ, мы будемъ ждать отклика, а пока представимъ друзьямъ и почитателямъ

покойнаго блѣдный очеркъ жизни его, далеко не равный нашему усердію къ его памяти.

Александръ Александровичъ родился въ 1837 г. въ Крюковѣ, предмѣстьѣ г. Кременчуга, гдѣ до самой смерти своей въ 1877 г. проживала мать его, Марья Яковлевна, въ собственномъ домѣ. Во все продолженіе нашего знакомства съ покойнымъ, любившимъ разсказывать о своихъ встрѣчахъ и сношеніяхъ съ людьми, память его никогда не останавливалась на порѣ дѣтства и юношества, всегда дорогой и привлекательной для тѣхъ, кому посчастливилось провести первые годы жизни въ хорошо устроенной семьѣ. Было ли это умолчаніе случайностью или знакомъ того, что утро жизни было далеко не безоблачно для покойнаго,—мы теперь не можемъ рѣшить; тутъ необходима помощь той, кому онъ довѣрялъ самыя завѣтныя думы и самыя острыя воспоминанія свои. Отмѣтимъ здѣсь, что въ извѣстномъ намъ періодѣ душевное настроеніе Александра Александровича опредѣлялось двумя основными тонами, послѣдовательно смѣнявшими другъ друга. Въ присутствіи многихъ мысль и рѣчь его была оцвѣчена юморомъ, проходившимъ всѣ степени отъ добродушной усмѣшки до рѣзкой и горькой иронiи. Въ бесѣдахъ наединѣ чаще приходилось слышать отзвуки тихой грусти, источникъ которой иногда можно было угадывать, но никогда нельзя было примѣтить. Были ли эти два основные тона отголосками первыхъ опытовъ жизни, или явились

впослѣдствіи, какъ плодъ несбывшихся мечтаній и надеждъ молодости, рѣшить нельзя.

Александръ Александровичъ учился въ полтавской гимназіи, о которой всегда вспоминалъ съ теплотой и благодарностью. Между его учителями былъ одинъ, уроки котораго запали глубоко въ душу будущаго филолога. Кто былъ этотъ учитель, чѣмъ и въ какомъ направленіи дѣйствовалъ онъ на умы и сердца своихъ учениковъ, могутъ разсказать намъ школьные товарищи Александра Александровича и въ числѣ ихъ два лица, названные нами выше. Несомнѣнно одно, что въ московскій университетъ покойный явился уже съ опредѣлившимися до значительной степени вкусами и стремленіями. Его занимала исторія, а въ исторіи на первомъ планѣ онъ видѣлъ народъ съ его вѣрованіями, думами и обычаями. Нельзя не примѣтить, что въ послѣдующей дѣятельности онъ постепенно переводилъ взоръ свой съ явленій народной жизни на исторію науки о пей. Подвижность жизни уменьшалась; рабочая комната привлекала къ себѣ покойнаго все сильнѣе и сильнѣе; книги, которыми сверху и до низу были заставлены стѣны ея, болѣе и болѣе поглощали его вниманіе, заслоняя собою живую современность, впечатлѣнія которой съ каждымъ днемъ становились острѣе и неудобнѣе для спокойнаго наблюденія.

Какъ протекла жизнь Александра Александровича въ годы его студенчества, дѣлясь между университетомъ и обществомъ, что пріобрѣлъ онъ отъ своихъ наставни-

ковъ и что вынесъ изъ сношеній изъ людьми внѣ аудиторій,—на эти вопросы надобно ожидать отвѣта отъ его будущей біографіи. Будущій профессоръ славяновѣдѣнія вышелъ изъ университета по оконченіи курса въ 1857 г., не получивъ степени кандидата. По обычномъ испытаніи онъ въ томъ-же году былъ опредѣленъ учителемъ русскаго языка въ Александровскій сиротскій кадетскій корпусъ въ Москвѣ, но преподавательская дѣятельность его была не долга. Однажды вечеромъ онъ встрѣтился у одного изъ своихъ сослуживцевъ съ эмигрантомъ К., тайкомъ пробравшимся въ Россію, и эта встрѣча, безобидная сама по себѣ, стоила покойному очень дорого. О пребываніи К. въ Москвѣ узнали; лица, вступавшія съ нимъ въ сношенія, были арестованы. Александръ Александровичъ, только что начавшій свою семейную жизнь, былъ взятъ, доставленъ въ Петербургъ и подвергнутъ одиночному заключенію сначала въ одномъ изъ казематовъ Петропавловской крѣпости, а потомъ при III отдѣленіи. Тюремная жизнь продолжалась 6 мѣсяцевъ. Объ этомъ тяжеломъ эпизодѣ своего прошлаго покойный не разъ вспоминалъ довольно благодушно. Онъ хвалилъ чистоту своего помѣщенія въ крѣпости, съ признательностью упоминалъ о библіотекѣ коменданта, въ изобиліи снабжавшей его описаніями путешествій и говорилъ, что во время пятимѣсячнаго пребыванія въ крѣпости онъ успѣлъ собрать значительный запасъ этнографическаго матеріала, и даже нашелъ средство безъ пера и чернилъ дѣлать краткія

отмѣтки на клочкахъ, сбереженныхъ имъ на память. Но благодушный тонъ воспоминаній явился впослѣдствіи, а самый эпизодъ въ свое время долженъ былъ оставить глубокіе и горькіе слѣды въ душѣ Александра Александровича, который зналъ, что бѣда, обрушившаяся на него, поразила ужасомъ и довела до отчаянія ту, которая незадолго предъ тѣмъ дала обѣтъ быть вѣрной подругой его въ радости и въ горѣ. Неизвѣстно, почему допросъ былъ сдѣланъ спустя почти полгода послѣ ареста. По окончаніи его заключенный снова получилъ свободу, но былъ лишенъ права поступать на государственную службу.

Быть можетъ, въ связи съ этимъ лишеніемъ стоитъ то, что покойный такъ долго не искалъ ученой степени, не имѣвшей для него цѣны послѣ того, какъ былъ прегражденъ путь къ ученой дѣятельности. Только въ 1863 г. онъ получилъ степень кандидата въ Петербургскомъ университетѣ, гдѣ его знанія и дарованія нашли вѣрнаго цѣнителя въ И. И. Срезневскомъ. Слѣдующіе годы вниманіе Александра Александровича было занято изученіемъ обычаевъ родной старины и средоточіемъ его ученой дѣятельности было Московское Археологическое Общество, предсѣдателю коего, графу А. С. Уварову, онъ и посвятилъ свой первый обширный трудъ О Погребальныхъ Обычаяхъ Языческихъ Славянъ, за который онъ и былъ удостоенъ въ 1868 г. С.-Петербургскимъ университетомъ степени магистра славянскихъ литературъ. Цѣль этого труда состояла въ томъ, чтобы свести въ одно цѣлое раз-

розненные и доселѣ разбросанные факты погребальной старины языческихъ Славянъ, критически осмотрѣть, опредѣлить ихъ надлежащій смыслъ и степень значенія, наконецъ, собрать ихъ по возможности въ стройный порядокъ систематическаго изложенія. Автора занимала при изученіи избраннаго предмета прежде всего жизнь дѣйствительная, а потомъ уже поэзія, какъ необходимый элементъ жизни, отъ котораго идутъ многіе побѣги ея и который освѣщаетъ многія ея стороны. Погребальные обычаи и обряды разсматриваются въ этомъ сочиненіи, какъ отраженіе реальной, исторической жизни, и изучаются для возсозданія этой жизни (Ср. Посвященіе гр. Уварову). Направленіе и характеръ покойнаго выразились уже въ этомъ трудѣ съ достаточною опредѣлительностью. Онъ былъ филологъ—реалистъ въ самомъ строгомъ и лучшемъ значеніи этого слова. Не останавливаясь на словахъ, знакахъ и символахъ, онъ всюду старался проникнуть до того, что составляютъ душу живу филологическихъ предметовъ, причемъ помощью ему были не наблюденія и выводы науки о душѣ, а прирожденная и усиленная опытомъ способность угадывать скрытыя движенія мысли и чувства по отраженію ихъ, хотя бы и неясному, въ языкѣ и поведеніи. Острымъ умомъ и чуткимъ сердцемъ онъ уразумѣвалъ самъ и указывалъ другимъ смыслъ обрядовъ и обычаевъ, источникъ вѣрованій и предметы неясныхъ мечтаній, выразившихся въ народномъ словѣ. Онъ заботился уловить связь между глухимъ явленіемъ и жизнью,

когда-то въ немъ трепетавшею, раскрыть причины возникновенія и бытованія извѣстныхъ обычаевъ. Изъ двухъ способовъ умственной дѣятельности,—отвлеченнаго мышленія и нагляднаго представленія,—послѣдній былъ сроднѣе его природѣ и въ значительной долѣ опредѣлялъ какъ предметы, такъ и пріемы его ученыхъ занятій. Въ этомъ заключается сила и превлекательность его дарованія. Желая напр. оцѣнить достовѣрность свидѣтельствъ о славянахъ, заключающихся въ сказаніяхъ объ Оттонѣ Бамбергскомъ, Александръ Александровичъ старается прежде прочаго войти въ образъ мыслей, интересы и взаимныя отношенія дѣйствующихъ сторонъ, т. е. бамбергскихъ миссіонеровъ и поморянъ. Онъ рисуетъ намъ, какъ первые шли въ страну ужаса и нечестія, въ царство діавола,—шли, правда съ рѣшимостью, но едва ли съ покойнымъ духомъ. Онъ заглядываетъ въ душу язычниковъ, чтобы подмѣтить, какое дѣйствіе должна была произвести проповѣдь миссіонеровъ, руководясь при этомъ не положительными извѣстіями древнихъ памятниковъ, а данными общаго, повседневнаго опыта, которыя подсказываютъ ему аналогіи, необходимыя для нагляднаго представленія (см. Книгу о Древн. и Ист. Пом. Слав. стр. 95 и дал.). Такой способъ разсужденія дѣйствуетъ убѣдительно лишь на тѣхъ въ комъ сильна дѣятельность нагляднаго представленія. Люди склонные болѣе къ отвлеченному мышленію требуютъ иныхъ основаній и доказательствъ.

Живость воображенія соединялась въ Александрѣ Александровичѣ съ осторожностью и трезвостью ума въ такой степени, которая предохраняетъ отъ увлеченій и спасаетъ отъ ученаго безплодія. Эти качества, не столько сродныя природѣ его, сколько привитыя воспитаніемъ ума на твореніяхъ великихъ представителей германской и славянской филологіи, обнаруживаются уже въ изслѣдованіи о погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ. Въ немъ онъ старается по возможности отдѣлять достовѣрные историческіе факты и прямые необходимые выводы изъ нихъ отъ личныхъ, подлежащихъ спору, объясненій, имѣя въ виду доставить читателю всѣ средства къ убѣжденію, хотя бы оно и не согласовалось съ его собственнымъ и было вѣрнѣе послѣдняго, ибо „кто, замѣчаетъ Александръ Александровичъ, наученный опытомъ и уроками прошедшаго, можетъ сказать, что его догадки всегда и вездѣ— вѣрны и неопровержимы“.... Чѣмъ болѣе расширялось знакомство съ опытомъ и уроками прошедшаго посредствомъ прилежнаго собиранія и изученія ученой литературы, тѣмъ осторожнѣе и медленнѣе становился покойный въ своихъ отвѣтахъ на очередные вопросы науки, предпочитая вмѣсто готоваго рѣшенія давать своимъ читателямъ или слушателямъ *исторію* каждаго вопроса, поставить ихъ на дорогу, по которой шли предшественники, и указать предѣлъ, до коего достигли они. Владѣя огромной и отлично составленной библіотекой, Александръ Александровичъ могъ, какъ едва ли кто другой изъ това-

рищей его по наукѣ, изучить исторію каждой вѣтви славяновѣдѣнія, а равно и другихъ отраслей науки, соприкасавшихся съ собственнымъ предметомъ его изученія. Обширная и многосторонняя начитанность соединялась въ немъ съ широтой кругозора и проницательностью взгляда, съ чуткостью пониманія и ученымъ безпристрастіемъ, воздающимъ каждому свое, не знающимъ узкой односторонности и упрямаго осмѣянія партій и враждебныхъ направленій. Добродушный юморъ мѣтко и рельефно освѣщавшій слабыя стороны и промахи ученыхъ, придавалъ его изложенію исторіи каждаго вопроса особую живость и привлекательность, облегчавшую работу памяти для его слушателей. Таковы немногія черты его, какъ ученаго, подсказанныя мнѣ мыслью о его магистерскомъ разсужденіи.

Еще въ 1867 г. Александру Александровичу вновь было разрѣшено поступить на службу по учебному вѣдомству, но только въ дерптскій округъ, и въ 1868 г. онъ былъ назначенъ экстра-ординарнымъ профессоромъ русскаго языка и славянскаго языковѣдѣнія въ дерптскій университетъ. Трудно было сдѣлать болѣе счастливый выборъ. Въ совершенствѣ владѣя нѣмецкимъ языкомъ, Александръ Александровичъ былъ и глубокимъ знатокомъ германской литературы и древностей, полнымъ хозяиномъ въ той области, гдѣ соприкасались историческія судьбы славянскаго племени съ германскимъ. Истый славянинъ по природѣ и воспитанію онъ, не отступаясь никогда отъ

своего, умѣлъ понимать и чтить чужое и былъ исполненъ глубокаго уваженія къ подвигамъ германской науки и трезвому, дѣловому духу нѣмецкихъ университетовъ. Бывшіе дерптскіе студенты, надѣемся, помнятъ своего наставника и откликнутся на нашъ призывъ сообщить пригодное для уразумѣнія его жизни и дѣятельности. Преподавательская дѣятельность Александра Александровича въ Дерптѣ продолжалась до 1872 г.

Разстроенное здоровье требовало отдыха и лѣченія, и съ 1872 г. по 1874 г. покойный почти все время провелъ заграницей, гдѣ по своему обычаю больше заботился о пріобрѣтеніи знаній и книгъ, чѣмъ о возстановленіи силъ. Давно исчезнувшіе и почти забытые славяне балтійскаго поморья, родичи новгородцевъ, занимали его думы и въ Италіи среди мягкой и нѣжной природы, манящей къ наслажденію настоящимъ, среди величественныхъ и прекрасныхъ остатковъ классическаго міра, неудержимо влекущихъ къ исторіи Рима. Но и эти сильныя впечатлѣнія не отвлекли Александра Александровича отъ подбора, приведенія въ порядокъ и критическаго объясненія матеріала, заключающагося въ памятникахъ славянской исторіи и древностей. Предисловіе его къ книгѣ о древностяхъ и исторіи Поморскихъ Славянъ помѣчено: Римъ, 1874, 2 апр. нов. ст.

Этотъ трудъ вмѣстѣ съ Древностями юридическаго быта Балтійскихъ Славянъ (1874 г.) былъ представленъ его авторомъ въ филологическій факультетъ С.-Петербург-

скаго университета для полученія степени доктора славяновѣдѣнія, которой онъ и былъ удостоенъ въ 1874 году. Въ концѣ того же года Александръ Александровичъ принялъ предложеніе нашего историко-филологическаго факультета и въ началѣ слѣдующаго года былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ славяновѣдѣнія. Осенью 1875 г. новый профессоръ прибылъ въ Кіевъ, а съ начала слѣдующаго года началъ здѣсь свою полезную дѣятельность, для которой онъ такъ давно и усердно готовился и къ которой, наконецъ былъ допущемъ уже послѣ того, какъ здоровье его было сильно надломлено. Въ Кіевѣ онъ, преданный своей наукѣ не только умомъ, но и сердцемъ, въ первый разъ увидѣлъ въ своей ауди-торіи русское юношество, способное не только понимать предметъ преподаванія, но и полюбить его, какъ разъясненіе и оправданіе завѣтныхъ думъ и стремленій славянскаго племени. Учитель могъ, наконецъ, говоритъ отъ сердца къ сердцу и голосъ его встрѣтилъ сочувственный откликъ въ душѣ слушателей. Не долго онъ бесѣдовалъ съ ними, но успѣлъ опытнымъ глазомъ примѣтить добрую почву, посѣять здоровыя сѣмена и дождаться первыхъ всходовъ ихъ, обѣщающихъ не обмануть надежды сѣятеля.

Со вступленіемъ Александра Александровича на каѳедру начинается въ Кіевѣ преподаваніе и изученіе науки о славянствѣ, соотвѣтствующе вполнѣ способамъ и требованіямъ нашего времени. На слушателяхъ его лежитъ

обязанность не только сохранить живымъ въ памяти образъ своего учителя, но и содѣйствовать тому, чтобы добрая слава его распространялась въ русскомъ обществѣ, скоро забывающемъ о своихъ членахъ, честно отбывшихъ свою чреду служенія его пользѣ и славѣ. Въ ожиданіи болѣе подробныхъ извѣстій, мы сообщимъ пока въ хронологическомъ порядкѣ перечень курсовъ, прочитанныхъ покойнымъ въ недолгій срокъ его преподаванія въ нашемъ университетѣ:

Во 2-мъ семестрѣ $18^{75}/_{76}$ учебнаго года историко-филологическое обозрѣніе славянскихъ племенъ для 1-го и 2-го курсовъ; исторія славяновѣдѣнія для 3 и 4 к. Первый семестръ $18^{76}/_{77}$ г. Александръ Александровичъ не читалъ вслѣдствіе постигшей его тяжкой болѣзни легкихъ. Во 2-мъ сем. того-же года онъ объяснялъ Зеленогорскую и Краледворскую рукописи для 1 и 2 к. и излагалъ введеніе въ науку славянскихъ древностей 3 и 4 к. Въ $^{77}/_{78}$ учебн. году въ 1-мъ семестрѣ съ младшими курсами онъ занимался обозрѣніемъ славянскихъ нарѣчій, а съ старшими—славянскими древностями и древнерусскою письменностью; во 2-мъ семестрѣ продолжая остальные курсы, онъ вмѣсто славянскихъ древностей занимался древностями русскаго языка. Въ $18^{78}/_{79}$ учебн. году онъ читалъ энциклопедію славяновѣдѣнія для младшихъ курсовъ и исторію литературъ болгарской и сербской для старшихъ, продолжая въ тоже время обозрѣніе древне-русской письменности. Въ $18^{79}/_{80}$ г. младшіе курсы

слушали общее славяновѣдѣніе, а старшіе—славянскія древности и нарѣчія; во вторую половину года славянскія древности были замѣнены древностями русскаго языка. Наконецъ начало $18^{80}/_{81}$ г. было посвящено исторіи и энциклопедіи славяновѣдѣнія, исторіи польской литературы и славянскимъ нарѣчіямъ. Осенью 1880 г. Александръ Александровичъ чаще и сильнѣе сталъ чувствовать припадки недуга, уже давно поселившагося въ груди его, и долженъ былъ прекратить чтеніе лекцій. Послѣднимъ актомъ его профессорской дѣятельности было испытаніе въ маѣ 1881 г. студентовъ окончившихъ курсъ по отдѣлу славяновѣдѣнія.

Въ изложеніи Александра Александровича каждый предметъ, каждая вѣтвь науки становилась привлекательною для его слушателей. Плоды обширной начитанности и точнаго, фактическаго знанія предлагались имъ въ живой и остроумной бесѣдѣ озаренные свѣтомъ мысли, обнимавшей общую связь и значеніе подробностей. Сила профессора заключалась не столько въ учености его, какъ спеціалиста, сколько въ широтѣ филологическаго образованія, открывавшей ему доступъ ко всѣмъ источникамъ свѣдѣній и пріемамъ изслѣдованія, которыми пользуются филологическія науки. Эта широта образованія, всегда дорогая въ ученомъ, была драгоцѣнна въ покойномъ въ силу особыхъ, мѣстныхъ, условій. Ему пришлось трудиться въ факультетѣ, въ которомъ сравнительная грамматика не преподавалась вовсе, научное преподаваніе

всеобщей и русской литературы только что начало устанавливаться. Профессору славянскихъ нарѣчій и литературъ приходилось на каждомъ шагу встрѣчать у своихъ слушателей пробѣлы въ знаніяхъ и пріемахъ и Александръ Александровичъ въ значительной мѣрѣ пополнялъ ихъ, отчасти прямо излагая основы и методы отсутствующихъ наукъ, отчасти сообщая указанія, гдѣ студентъ могъ найти то, чего ему недоставало. Его слушатели скоро примѣчали, что профессоръ хочетъ и можетъ помочь имъ довести до желаемой ясности тѣ запросы и стремленія, которыя изобильно рождаются въ воспріимчивыхъ людяхъ при первомъ знакомствѣ съ наукой. Профессоръ пріобрѣталъ авторитетъ и встрѣчалъ довѣріе и признательность въ слушателяхъ; добрыя отношенія устанавливались въ аудиторіи и поддерживались сердечнымъ пріемомъ и ласковой бесѣдой въ кабинетѣ профессора, всегда открытомъ для тѣхъ, кто нуждался въ совѣтѣ и указаніи. Бодрость духа, сила дарованія и честное отношеніе къ долгу въ состояніи были и при немощи тѣла достигнуть того, что въ наше время часто остается далеко впереди у крѣпкихъ и сильныхъ.

Александръ Александровичъ былъ страстный любитель и собиратель книгъ. Его библіотека была не только огромна, но, что еще важнѣе, она была тщательно составлена и подобрана. Покойный хвалился тѣмъ, что по русской исторіи, исторіи средневѣковой драмы, славянской и древнерусской письменности у него имѣется все,

что было написано и находилось въ обращеніи. Этотъ обширный запасъ средствъ ученой работы не оставался безъ употребленія; напротивъ, онъ все болѣе и болѣе сообщалъ дѣятельности покойнаго то направленіе, историко-библіографическое, которое едва ли было изначала сродно его духовнымъ силамъ. Природа снабдила его воспріимчивостью; воспитаніе превратило ее въ любознательность, охватывавшую равномѣрно всѣ точки примѣтныя на горизонтѣ, а благопріятныя обстоятельства дали возможность удовлетворять этой любознательности въ полной мѣрѣ. Въ итогѣ явилась склонность къ собиранію, сличенію и оцѣнкѣ того, что было узнано или придумано предшественниками въ наукѣ. Зачатки этого направленія замѣтны въ самомъ началѣ ученаго поприща Александра Александровича. Въ предисловіи къ своему изслѣдованію о погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ онъ признаетъ за собою слабость къ библіографическимъ ссылкамъ и примѣчаніямъ, но оправдываетъ ее тѣмъ, что ему не хотѣлось бросить безслѣдно то, что доставалось усиліями, иногда не совсѣмъ обыкновенными и чего—по доброй совѣсти—онъ не могъ признать вполнѣ неумѣстнымъ. Съ теченіемъ времени склонность къ ссылкамъ и примѣчаніямъ обратилась въ склонность къ подбору и сведенію библіографическаго матеріала, къ изученію исторіи вопросовъ предпочтительно предъ рѣшеніемъ самыхъ вопросовъ. Овладѣвъ историко-библіографическимъ матеріаломъ, покойный обильно сообщалъ его въ лекціяхъ, а потомъ

задумалъ изложить его въ стройномъ и систематическомъ порядкѣ въ двухъ сочиненіяхъ, изъ которыхъ одно—Опытъ библіологическаго изложенія исторіи древнерусской письменности—онъ успѣлъ довести до конца 1-го тома, хотя напечатано при жизни его только введеніе, а другое—Энциклопедія славяновѣдѣнія или обозрѣніе предмета, метода и современнаго состоянія вспомогательныхъ наукъ славяновѣдѣнія—составляло предметъ его думъ и горячихъ желаній въ послѣдніе дни его земной жизни. Къ этой задачѣ покойный былъ подготовленъ такъ, какъ никто изъ живущихъ представителей науки о славянствѣ въ Россіи. Въ немъ было рѣдкое сочетаніе обширной и точной учености, всесторонняго образованія и зоркаго, яснаго ума, способнаго вѣрно понимать и цѣнить самыя разнообразныя точки зрѣнія и направленія въ наукѣ.

Въ маѣ 1881 г. болѣзнь, давно подтачивавшая его силы, достигла до такой степени, что лѣчившіе его врачи настоятельно потребовали, чтобы онъ отправился заграницу въ мѣста болѣе благопріятныя для его здоровья. Больной покинулъ свою рабочую комнату, свои книги и бумаги лишь послѣ тяжелой борьбы съ собою и окружающими. Но не легко ему было и на чужбинѣ!

„Въ прелестной долинѣ среди нарочито высокихъ алпіевъ, Рейхенгалліемъ нарицаемой, писалъ онъ мнѣ, по обычаю растворяя грусть шуткой, мы пережили сначала періодъ ледяной, теперь переживаемъ дождевой..... Во все сіе время перемежала меня лихорадка..... Можетъ быть

перемежаетъ и нынѣ, да я не могу сего распознать, ибо и умъ и всѣ чувствія притуплены и одурманены лютостію хинною. Долго ли сіе продолжится—не вѣмь.... Заниматься чѣмъ нибудь порядочнымъ не могу“.... Затѣмъ слѣдуютъ всегда обычные ему вопросы о томъ, что новаго въ европейской наукѣ появилось въ послѣднее время, какія книги получены въ числѣ новостей въ нашей библіотекѣ.

Въ слѣдующемъ письмѣ изъ Рейхенгаля идетъ рѣчь о грозныхъ кровоизліяніяхъ періодически повторяющихся. „А въ общемъ разслабленіе и тоска..... Горитъ душа по работѣ, а работать не могу: муки Тантала въ миніатюрѣ!“

Въ августѣ больной почувствовалъ облегченіе. „Лихорадки уже нѣтъ нѣсколько недѣль, а кровоизліянія по временамъ бываютъ.... Сущая бѣда—ни тамъ (т. е. въ Пизѣ или Ниццѣ, гдѣ больной думалъ провесть зиму), ни здѣсь (въ Швейцаріи, въ Боценѣ) нѣтъ порядочной книжной торговли: приходится голодать...“

Послѣднее письмо я получилъ отъ Александра Александровича на другой день послѣ того, какъ въ нашей университетской церкви было совершено первое поминовеніе по душѣ его. „Послѣ многихъ и долгихъ перекочеваній (при чемъ каждое или ни одно не обходилось безъ лихорадочныхъ жертвоприношеній) послѣ флорентинскихъ ужасовъ (10 дней пребыванія и 15 злѣйшихъ пароксизмовъ лихорадки) прибылъ я, наконецъ,

сегодня въ Пизу... Писать пространственно, яко приличествуетъ „словеснику“ не могу сегодня: голова идетъ кругомъ, не столько отъ дороги, сколько отъ хины, которой воспріялъ знатную порцію въ 12 гранъ“. Послѣднія строки письма заключаютъ просьбу написать о состояніи здоровья проф. Кистяковскаго.

Болѣвшій душой о здоровьѣ другихъ самъ былъ уже наканунѣ смерти. Послѣднее письмо помѣчено 7 октября по новому стилю, а 29 сент. по старому Александръ Александровичъ неожиданно скончался въ отелѣ, гдѣ остановился до пріисканія квартиры. Судя по дошедшимъ извѣстіямъ, послѣдніе два дня ему стало легче, а послѣдніе часы своей жизни онъ провелъ въ свѣтломъ настроеніи духа и не подозрѣвалъ, конечно, близости смерти, которая, по собственнымъ его словамъ, всегда была и вѣчно будетъ непримиримымъ врагомъ человѣка, никогда не могущаго войти съ нимъ въ полную мировую.

30-го сентября достигла Кіева вѣсть о потерѣ, понесенной русской наукой и въ особенности университетомъ св. Владиміра. Товарищи и сослуживцы покойнаго вмѣстѣ съ его учениками и почитателями его полезной дѣятельности собрались на другой день въ университетской церкви, чтобы помянуть новопреставленнаго молитвою и добрымъ словомъ. Когда стало извѣстно, что тѣло его будетъ погребено въ Москвѣ, совѣтъ университета въ засѣданіи 2-го октября постановилъ выразить признательность свою къ заслугамъ покойнаго отправленіемъ депутаціи въ

Москву для присутствія при погребеніи его. Избраны были: Ректоръ университета проф. И. И. Рахманиновъ, проф. Г. Н. Минхъ и доц. П. И. Аландскій.

Отъ преподавателей университета, студентовъ филологовъ и слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ были возложены на гробъ покойнаго въ день погребенія вѣнки, свидѣтельствовавшіе объ уваженіи товарищей и благодарности учениковъ его. Такой же вѣнокъ былъ посланъ и обществомъ Нестора Лѣтописца, которое посвятило особое засѣданіе (4-го окт.) воспоминанію о заслугахъ своего преждевременно скончавшагося предсѣдателя. Въ этомъ засѣданіи были съ благодарностью и уваженіемъ помянуты труды Александра Александровича для преуспѣянія русской науки (Н. П. Дашкевичемъ) и на пользу русскаго юношества (А. В. Стороженкомъ).

Погребеніе тѣла было совершено 14-го окт. въ Покровскомъ монастырѣ, за олтаремъ главной церкви котораго и находится могила одного изъ даровитѣйшихъ представителей исторической науки въ Россіи. Во время отпѣванія еще разъ были помянуты добрые услуги покойнаго русскому обществу (П. И. Аландскимъ), и русской наукѣ (Е. В. Барсовымъ), а на могилѣ ректоръ московскаго университета Н. С. Тихонравовъ обратился съ рѣчью къ присутствовавшимъ студентамъ и указалъ имъ на покойнаго, какъ на достойный подражанія образецъ любви къ наукѣ, восторжествовавшей надъ всѣми увлеченіями.

Совѣтъ новороссійскаго университета выразилъ свое сочувствіе кіевскому телеграммой слѣдующаго содержанія: „Совѣтъ Императорскаго новороссійскаго университета выражаетъ свое глубокое соболѣзнованіе въ виду тяжкой потери, понесенной наукой и университетомъ въ смерти профессора *Котляревскаго.*“

Совѣтъ университета св. Владиміра, выслушавъ настоящую телеграмму, *опредѣлилъ:* изъявить глубокую признательность совѣту новороссійскаго университета за выраженное имъ сочувствіе къ университету св. Владиміра по поводу понесенной имъ тяжкой потери въ лицѣ покойнаго профессора А. Л. Котляревскаго.

Составивъ этотъ краткій очеркъ жизни и дѣятельности Александра Александровича съ цѣлью вызвать появленіе матеріаловъ для обстоятельной біографіи, мы съ удовольствіемъ заканчиваемъ его извѣстіемъ о томъ, что историческое общество Нестора Лѣтописца въ засѣданіи своемъ 25 окт. постановило обратиться ко всѣмъ знавшимъ покойнаго съ просьбою сообщить что извѣстно имъ о его жизни и дѣятельности. Сообщенія могутъ быть адресованы на имя предсѣдателя общества проф. университета св. Владиміра В. В. Антоновича, или члена общества П. И. Аландскаго, которому и поручено составленіе біографіи А. А. Котляревскаго.

ПОМИНАЛЬНЫЯ РѢЧИ.

I. *)

Во тьмѣ и ненастьѣ дороже и милѣе бываетъ сердцу путника сіяніе свѣточа, помогающее ему опознаться въ незнакомыхъ мѣстахъ, видѣть, что лежитъ предъ нимъ на пути и идти впередъ съ довѣріемъ и надеждою достигнуть цѣли. Зато съ какой тревогой и страхомъ слѣдитъ онъ за мерцаніемъ путеводнаго свѣта, когда первые порывы вѣтра, предвѣстники грядущей бури, заставляютъ его то мгновенно вспыхивать яркимъ пламенемъ, то дрожать прерывистой и тонкой струей. Но вотъ вѣтеръ дохнулъ крѣпче—свѣточъ погасъ; путникъ въ тоскливомъ предчувствіи близкой напасти тревожно оглядывается вокругъ и, сознавая свою безпомощность, въ унынiи опускаетъ руки.

Въ такую ненастную пору, вдали отъ милой сердцу родины, томимой горькими воспоминаніями и печальными

*) Произнесена во время панихиды по Александрѣ Александровичѣ въ церкви увиверситета св. Владиміра 1-го октября 1881 г.

предчувствіями, угасла жизнь одного изъ тѣхъ немногихъ сыновъ Россіи, которые, повинуясь только Божьему велѣнію и влеченію своего любящаго сердца, обрекаютъ себя на то, чтобы долгимъ и упорнымъ трудомъ возжечь свѣточъ знанія и истины и, держа его высоко въ рукахъ, бодро освѣщать тернистый путь жизни своимъ современникамъ. И померкла эта жизнь въ такую пору, когда легче гаснутъ, чѣмъ зажигаются вновь свѣтильники свѣта истины! Темнѣе стало вокругъ, тоскливѣе на душѣ!

При первой вѣсти о постигшемъ насъ горѣ мы собрались сюда, чтобы, слѣдуя доброму обычаю старины, произнести обѣтъ вѣчной памяти о почившемъ, произнести его заочно, потому что у насъ отнято печальное утѣшеніе еще и въ послѣдній разъ взглянуть на поблекшія черты, въ которыхъ такъ недавно отражались ясно для всѣхъ щедрые дары природы и лучшія пріобрѣтенія человѣчества. Помянемъ же его и да простится мнѣ смѣлое намѣреніе вызвать въ душѣ вашей свѣтлый образъ того, кто былъ для однихъ изъ насъ доблестнымъ сподвижникомъ, для другихъ надежнымъ вождемъ, для всѣхъ же вообще былъ тѣмъ, что всего дороже и что такъ рѣдко въ этомъ мірѣ,—добрымъ человѣкомъ, съ чистымъ и любящимъ сердцемъ всегда готовымъ сочувствовать съ нѣжностію и помогать съ самоотверженіемъ. Да, такимъ представляется онъ мнѣ почти послѣ шести-лѣтняго близкаго общенія, послѣ долгихъ бесѣдъ о далекой старинѣ, о томъ, что выпадаетъ намъ на долю теперь и что гото-

вится въ будущемъ. Въ этихъ бесѣдахъ, исполненныхъ ума и сердечной теплоты, ярко отсвѣчивались тѣ прекрасныя и благородныя черты истинной человѣчности, въ которыхъ таился источникъ превосходства почившаго, какъ ученаго и учителя, которыя дѣлали слово его живымъ и дѣйственнымъ, проникающимъ до глубины души и всегда оставляющимъ въ ней прочные и ясные слѣды.

Природа одарила его тѣмъ что составляетъ единственную прочную и широкую основу умственнаго и нравственнаго превосходства. Она дала ему умъ равномѣрно чуткій ко всѣмъ отголоскамъ жизни въ Божьемъ мірѣ, особенно же къ тѣмъ безконечно разнообразнымъ и рѣдко стройнымъ звукамъ, которыми заявляетъ о своей тревогѣ немолчно шумящее житейское море. Съ этимъ чуткимъ умомъ природа соединила отзывчивое сердце, быстро и вѣрно откликавшееся всѣми тонами и переливами чувства на все, что привлекало вниманіе и затрогивало вѣчно бодрую мысль. Таковы были дары природы! Они таили въ себѣ источникъ радостей и наслажденій, но также горечи, тоски и боли. О томъ, какая струя потечетъ современемъ шире и обильнѣй изъ этого источника,—объ этомъ природа не заботится; это дѣло исторіи. И мы, всѣ мы, слишкомъ часто и больно чувствуемъ, что въ наши суровые дни чуткій умъ и отзывчивое сердце обрекаютъ человѣка чаще испытывать горечь и боль, чѣмъ наслажденіе и радость.

Силу и прелесть этихъ даровъ природы возвышало

въ покойномъ его рѣдкое по широтѣ и глубинѣ образованіе,—то образованіе, которое составляетъ неоцѣненный плодъ сосредоточеннаго и безкорыстнаго занятія наукой, и, особенно, прилежнаго и глубокаго изученія прошедшихъ судебъ человѣчества, его лучшихъ помысловъ, вѣрованій, надеждъ и желаній. Отсюда покойный заимствовалъ черты и краски для своихъ идеаловъ, отсюда почерпалъ онъ образцы, одушевлявшіе его въ часы работы, подсказывавшіе ему тѣ стремленія и цѣли, которымъ онъ оставался неизмѣнно вѣренъ во все время своей не долгой, но богатой содержаніемъ и смысломъ жизни. Всѣ, кому довелось быть въ близкомъ общеніи съ нимъ, его друзья и ученики, знаютъ какъ возвышенны были его стремленія, какъ чисты и прекрасны его идеалы. Въ нихъ свѣтилась нѣжная любовь ко всѣмъ искреннимъ, свободнымъ, не стянутымъ уздой насилія и не искаженнымъ узкой страстью влеченіямъ человѣческой природы. Ничто человѣческое не было чуждо ему, потому что онъ обладалъ рѣдкой способностью разглядѣть въ каждомъ влеченіи то, что даетъ ему право быть и свободно развиваться.

Чуждый односторонности по природѣ и воспитанію, онъ не любилъ ея и въ другихъ, не любилъ рабскаго отношенія къ сухой и черствой догмѣ разсудка, заставляющей человѣка смотрѣть только въ одну сторону, искать и видѣть истину только въ одномъ направленіи, дѣлить людей на своихъ и чужихъ и разною мѣрою оцѣнивать дѣйствія тѣхъ и другихъ. Нѣжный и мягкій по природѣ

вполнѣ проникнутый сознаніемъ того, что только преданность долгу и влеченіе къ духовной красотѣ составляютъ законныя пружины для дѣятельности человѣка, онъ не выносилъ всего, что имѣло видъ грубаго насилія надъ мыслью и совѣстью, что отзывалось больно на личности, хотя и внушено было заботою объ обществѣ. Грустные примѣры раздора и насилія всего больнѣе поражали его любящее сердце и, кто знаетъ, наша ли угрюмая природа, или наша общественная жизнь, полная нестроенія, вражды, жалобъ и угрозъ,—что изъ двухъ въ конецъ подкосило богатыя силы покойнаго въ ту пору, въ которой для тружениковъ науки открывается періодъ полнаго разцвѣта и зрѣлости. Таковъ онъ былъ какъ человѣкъ и, хочется вѣрить, что такимъ, именно такимъ останется онъ въ памяти своихъ друзей и учениковъ, чтобы и по переселеніи въ лучшій міръ, по прежнему благотворно дѣйствовать на всѣхъ, кто дорожилъ его уроками и довѣрчиво шелъ за нимъ, пока онъ былъ здѣсь.

Человѣкъ съ такой душой былъ слишкомъ хрупокъ и нѣженъ для суровой и всегда односторонней практической дѣятельности. Такіе люди не разрушаютъ и не перестраиваютъ общества ни въ теоріи, ни въ практикѣ. Ихъ назначеніе иное, не столъ громкое, за то болѣе свѣтлое и отрадное. Они вносятъ гармонію въ помыслы и дѣятельность другихъ, примиряютъ крайности, смягчаютъ рѣзкости, чутко отъискиваютъ и любовно указываютъ другимъ тѣ точки, гдѣ могутъ и гдѣ рано или поздно должны

сойтись самыя противоположныя направленія, и гдѣ протянутъ другъ другу руку самые ожесточенные борцы, ратующіе въ этихъ направленіяхъ. Свѣточъ истины въ рукахъ такихъ подвижниковъ науки горитъ нѣжнымъ и ровнымъ сіяніемъ, не ослѣпляя и не раздражая ничьихъ очей. Такъ горѣлъ онъ и въ рукахъ почившаго. Мы видѣли и свидѣтельствуемъ это.

Онъ угасъ! Всегда тяжела и невознаградима утрата такого человѣка для общества, но особенно тяжко отзывается она тамъ, гдѣ послѣ долгой и безпечной дремоты люди вдругъ пробуждаются отъ назойливыхъ запросовъ жизни, гдѣ старшіе мятутся и шумятъ подъ градомъ взаимныхъ упрековъ и поношеній, а младшіе, глядя издали на это смятеніе, тревожно и тоскливо озираются кругомъ, ища того, къ кому довѣрчиво прильнуло бы ихъ сердце, кто просвѣтилъ, успокоилъ и ободрилъ бы ихъ прежде, чѣмъ придетъ ихъ очередь выступить на широкомъ, но неустроенномъ поприщѣ русской жизни. Страшно и подумать, чего лишились мы въ почившемъ!

Сомкнемъ же тѣснѣе свои ряды и произнесемъ обѣтъ хранить вѣчную память о немъ. Эта память есть высшая здѣсь на землѣ награда для тѣхъ, кто совершилъ свой подвигъ прежде насъ, и священный долгъ для тѣхъ, кто будетъ слѣдовать за нами. Произнося обѣтъ вѣчно хранить ее, мы не только исполняемъ священный обрядъ— нѣтъ, въ настоящую минуту въ нашемъ поведеніи здѣсь проявляется та великая сила, которая искони побуждала

и вѣчно будетъ побуждать людей идти впередъ къ непостижимой для ума, но желанной для сердца цѣли.

Сохранимъ же въ памяти навсегда живымъ и цѣльнымъ свѣтлый и дорогой образъ почившаго вдали товарища, учителя и друга и на прощаньи обратимся къ нему съ мольбою, которая нѣкогда исторглась изъ груди ученика въ минуту разлуки съ учителемъ: да почіетъ духъ живший въ тебѣ, сугубо на насъ твоихъ бывшихъ сотрудникахъ.

II. *)

Разставшись съ дорогимъ человѣкомъ, уходящимъ отъ насъ далеко, мы обыкновенно пристально и долго смотримъ во слѣдъ ему точно затѣмъ, чтобы глубже запечатлѣть въ памяти его образъ, на которомъ и сосредоточивается умственный взоръ нашъ послѣ того, какъ ушедшій совсѣмъ скроется изъ виду. Въ этомъ образѣ, освѣщенномъ отблескомъ грусти и любви, всего ярче и отчетливѣе выступаютъ черты, наиболѣе дорогія и милыя нашему сердцу, и созерцаніе ихъ смягчаетъ горесть разлуки, оживляетъ вновь на время поникшую бодрость и силу духа.

Такъ было и съ тѣми, кому дорогъ и близокъ былъ покойный. Когда вѣсть о кончинѣ его достигла Кіева, его друзья, сотрудники и ученики, пораженные скорбью, вспоминали недавнее прошлое, предъ взорами ихъ вновь предсталъ просвѣтленный образъ умершаго, а въ сердцѣ

---

*) Произнесена въ главной церкви Покровскаго монастыря, во время отпѣванія А. А. 14 окт. 1881 г.

сильнѣе прежняго пробудились тѣ прекрасныя чувства, которыя успѣла вызвать его недолгая, но плодотворная дѣятельность среди насъ. Повинуясь голосу этихъ чувствъ, товарищи и ученики покойнаго украсили гробъ его вѣнками, а совѣтъ университета св. Владиміра поручилъ намъ отдать послѣдній поклонъ тому, кто такъ доблестно трудился въ рядахъ его, и засвидѣтельствовать предъ вами здѣсь о томъ, что сдѣлалъ почившій для пользы и славы родной стороны во время служенія своего въ Кіевѣ. Время это было кратко, потому что труженикъ, долго и честно готовившійся къ своему призванію, получилъ право исполнять его лишь послѣ того, какъ силы его были надломлены и не могли исполнить всего, что требовала отъ нихъ горячая любовь къ наукѣ и самоотверженная преданность долгу. Но и подъ тяжкимъ гнетомъ недуга покойный въ пять лѣтъ своей дѣятельности въ Кіевѣ успѣлъ сдѣлать многое, о чемъ и напоминаютъ намъ теперь эти знаки уваженія и благодарности, лежащіе на гробѣ его.

На первомъ мѣстѣ между ними вы видите вѣнокъ отъ профессоровъ университета св. Владиміра, ближайшихъ свидѣтелей и лучшихъ цѣнителей преподавательской дѣятельности покойнаго. Возлагая вѣнокъ на гробъ умершаго товарища и сотрудника, они хотѣли выразить свое уваженіе къ его личности и признательность къ его подвигамъ. И думается мнѣ, что ихъ уваженіе и признательность чаще и сильнѣе всего пробуждались двумя чертами въ дѣятельности Александра Александровича, ко-

торыя были особенно привлекательны при жизни его и навѣрное оставятъ наиболѣе прочный слѣдъ въ памяти его сослуживцевъ и учениковъ. На нихъ укажу я теперь, чтобы исполнить въ концѣ порученіе пославшихъ насъ сюда.

Семья учащихъ и учащихся, составляющая университетъ, живетъ и движется одной идеей, осуществленіе которой и есть ея истинное призваніе. Среди общества, занятаго тяжкой борьбою за жизнь или погоней за счастьемъ, университетская семья обрекаетъ себя на то, чтобы соединенными силами устанавливать и поддерживать взаимное общеніе и согласіе между всѣми вѣтвями науки и содѣйствовать росту и развитію каждой изъ нихъ въ отдѣльности. И пока университетъ остается вѣренъ своему призванію, люди, соединяющіе основательное знаніе *своей* науки съ широкимъ и прочно стоящимъ образованіемъ, будутъ наиболѣе полезными и почтенными членами его. Къ такимъ людямъ принадлежалъ и покойный, съ помощью таланта и труда умѣвшій соединить обширную и точную ученость въ своей области съ способностью примѣчать, понимать и цѣнить успѣхи знанія въ областяхъ сосѣднихъ съ нею. Свѣтъ, идущій отсюда, онъ воспринималъ и обращалъ на освѣщеніе предметовъ своего изученія и преподаванія и такимъ образомъ не только основательно знакомилъ своихъ учениковъ съ избранной имъ вѣтвью филологіи, но и внѣдрялъ въ ихъ умахъ ясное сознаніе о связи между этою вѣтвью и другими, идущими отъ того же корня, о необходимости взаимнаго общенія

между всѣми для успѣшнаго роста каждой порознь. Своимъ примѣромъ и уроками онъ поучалъ, что широкое филологическое образованіе укрѣпляетъ и освѣжаетъ точную филологическую ученость. Уча такъ, онъ осуществлялъ въ своей дѣятельности идею университета вполнѣ и всецѣло, и увѣнчанный лаврами гробъ его свидѣтельствуетъ теперь предъ всѣми, что университетъ, возложившій эти лавры, еще не уклонился отъ своего призванія.

Не уклонился даже и въ то время, когда вѣрное служеніе ему встрѣчаетъ особыя трудности. Вѣяніе духа времени всегда чувствуется подъ сводами университета, иной разъ освѣжая и ободряя, въ другой, напротивъ утомляя и угнетая трудящихся здѣсь. Въ наши дни оно доноситъ рѣзкіе и нестройные отголоски тревогъ и смутъ общественной жизни до тихихъ пріютовъ науки, и эти отголоски, явственно раздаваясь, нарушаютъ спокойную и сосредоточенную работу мысли, отвлекаютъ ее отъ трезвыхъ вопросовъ знанія къ назойливымъ требованіямъ жизни и ослабляютъ воспріимчивость и усердіе къ урокамъ науки. Въ такомъ положеніи преподающимъ эти уроки приходится думать о томъ, какъ отразить противодѣйствующее вліяніе духа времени. Иногда съ этой цѣлью преувеличиваютъ силу и значеніе мнѣній, выражаемыхъ послѣдними словами науки, предлагаютъ эти мнѣнія не только, какъ свой посильный отвѣтъ на очередные вопросы науки, но какъ вѣрное средство для распознаванія и лѣченія общественныхъ недуговъ, какъ непогрѣшимое

мѣрило для различенія и оцѣнки того, что добро и что зло въ дѣяніяхъ и мнѣніяхъ современности. Такимъ путемъ наука приводится въ связь съ жизнью и становится болѣе привлекательною. Ее встрѣчаютъ съ одушевленіемъ, воспринимаютъ съ довѣріемъ къ ея силѣ, ждутъ чудесъ отъ ея внушеній до тѣхъ поръ, пока суровый опытъ жизни или пристальное, трезвое испытаніе ума не разобьетъ этихъ ожиданій, показавъ, что между младшими вѣтвями знанія и соотвѣтствующими имъ явленіями жизни нѣтъ такой тѣсной связи, такого быстраго и легкаго перехода отъ благовидной мысли къ полезному дѣлу, какъ думалось и вѣрилось прежде.

Покойный не шелъ этимъ путемъ и не вводилъ въ заблужденіе тѣхъ, кто слѣдовали за нимъ. Въ своихъ бесѣдахъ онъ старался о томъ, чтобы съ помощью знанія, таланта и сердечнаго отношенія къ дѣлу открыть и сдѣлать очевиднымъ для своихъ слушателей подлинный видъ и настоящую цѣнность преподаваемой имъ науки. Онъ предлагалъ имъ прочный матеріалъ и показывалъ, какъ слѣдуетъ обращаться съ этимъ матеріаломъ, чтобы извлечь изъ него ясное и вѣрное представленіе о быломъ, пригодное служить твердымъ устоемъ для мысли и дѣятельности въ настоящемъ. Онъ вѣрилъ, что этого довольно для привлеченія къ наукѣ умовъ, быть можетъ, смущенныхъ, но не очерствѣвшихъ, и вѣра его оправдалась. Вѣнокъ отъ студентовъ-филологовъ университета св. Владиміра, лежащій на гробѣ его, свидѣтельствуетъ,

что уроки его не остались безплодны и что ученики его не только внимали умомъ, но и отзывались сердцемъ на призывъ его къ усердному и безпристрастному изслѣдованію минувшихъ судебъ славянскаго племени. Хотѣлось бы видѣть въ этой отзывчивости—добрый знакъ того, что скоро наступятъ для университетской семьи болѣе свѣтлые и тихіе дни.

Подвиги покойнаго на пользу науки и общества не ограничивались дѣятельностью его какъ профессора университета. Въ нашемъ древнемъ городѣ богатомъ остатками старины и славными воспоминаніями, собрался подъ сѣнью университета св. Владиміра кружокъ людей, скромно трудящихся надъ изученіемъ прошлаго, надъ поддержаніемъ и распространеніемъ въ обществѣ вниманія и уваженія къ его старинѣ, къ подвигамъ и памятникамъ минувшихъ вѣковъ. Въ этомъ кружкѣ, носящемъ имя Историческаго Общества Нестора Лѣтописца, мало по малу сосредоточивается жизнь исторической науки въ Кіевѣ. Здѣсь соединились преподаватели этой науки въ университетѣ и академіи; къ нимъ примыкаютъ постепенно ихъ ученики, посвятившіе себя изученію и преподаванію различныхъ вѣтвей ея. Покойный былъ главою этого общества и не только по имени, но и на дѣлѣ. Какъ человѣкъ, напряженно слѣдившій за движеніемъ исторической науки по всѣмъ мѣстамъ и во всѣхъ направленіяхъ, онъ много потрудился надъ тѣмъ, чтобы до свѣдѣнія общества доходили быстрыя и точныя вѣсти о новѣйшихъ

успѣхахъ науки въ Россіи и особенно заграницей. Какъ человѣкъ, обладавшій широкимъ историческимъ образованіемъ, онъ сочувственно слѣдилъ за дѣятельностью членовъ общества въ различныхъ, иногда далеко расходящихся, направленіяхъ и умѣлъ, какъ рѣдко кто другой, поддерживать связь между нами и дѣлать яснымъ для всѣхъ смыслъ и цѣну скромныхъ услугъ для науки каждаго изъ членовъ въ отдѣльности. Напоминаніемъ объ этихъ заслугахъ и выраженіемъ глубокой признательности за нихъ покойному служитъ вѣнокъ отъ Общества Нестора Лѣтописца, которое приняло на себя заботу и о составленіи жизнеописанія Александра Александровича.

Послѣднимъ звѣномъ въ этой цѣпи вѣнковъ, украшающихъ гробъ его, лежитъ вѣнокъ отъ высшихъ женскихъ курсовъ въ Кіевѣ, учрежденія, еще не пригрѣтаго благосклонностью общества, хотя по своей цѣли и основной мысли имѣющаго на нее полное право. Въ наши дни съ быстрыми успѣхами знанія сильно изощряется и способность человѣка примѣчать то, что есть враждебнаго его счастью въ жизни природы и въ порядкахъ общества. Чѣмъ примѣтнѣе становится зло, тѣмъ труднѣе дѣлается борьба съ нимъ, тѣмъ сильнѣе чувствуется необходимость привлечь къ этой борьбѣ всѣ силы общества въ полномъ вооруженіи и вести ее согласно и съ непреклонною послѣдовательностію. Не мимолетное настроеніе и не спѣшное увлеченіе идеями вѣка, но предвидѣніе неотвратимыхъ запросовъ и потребностей будущаго вну-

шило мысль восполнить узкое и тощее образованіе тѣхъ, кого жизнь вызываетъ къ борьбѣ, а исторія не снабдила средствами вести ее съ успѣхомъ. Учреждая высшіе женскіе курсы, какъ зародышъ будущаго университета, основатели ихъ имѣли въ виду не только удовлетворить потребность времени, но и успокоить, занявъ правильнымъ и полезнымъ трудомъ, тѣхъ, кого томитъ жажда знанія и тревожатъ запросы жизни. Новое учрежденіе, какъ и естественно, было встрѣчено съ недовѣріемъ и опасеніемъ, подъ часъ доходившимъ до злородныхъ насмѣшекъ при видѣ неизбѣжныхъ неудачъ и затрудненій. Покойный былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ, которые, сочувствуя цѣли курсовъ сердцемъ и умомъ, послужили ей и дѣломъ. Принявъ на себя преподаваніе исторіи литературъ новыхъ народовъ, онъ въ живыхъ, полныхъ знанія и мысли бесѣдахъ открылъ своимъ слушательницамъ источникъ и смыслъ поэтическихъ образовъ и мечтаній, украшающихъ юность народовъ, и смягчающихъ суровый видъ ихъ въ пору зрѣлости. Онъ училъ ихъ видѣть въ поэзіи и искусствѣ не праздную игру досужей фантазіи, не напрасную тревогу чувствъ, чѣмъ не рѣдко считаютъ ихъ въ наши дни, но свободное и прекрасное выраженіе лучшихъ помысловъ и завѣтныхъ желаній времени, служащее къ тому, чтобы оживить и вдохновить очерствѣлыхъ, ободрить робкихъ и утѣшить печальныхъ. И бесѣды его слушались съ напряженнымъ вниманіемъ; его мысли принимались съ одушевленіемъ и, не смотря на краткій

срокъ, преподавательская дѣятельность Александра Александровича оставила ясный слѣдъ въ признательныхъ сердцахъ его ученицъ.

Таковы были его духовные подвиги въ Кіевѣ! Совершившій ихъ въ продолженіе шести лѣтъ жизни, удручаемой тяжелымъ недугомъ, исполнилъ свой долгъ и заслужилъ себѣ вѣчную память. И если бы мы прощались съ умершимъ подъ кровомъ его духовной кормилицы-матери, Императорскаго московскаго университета, мы принесли бы ей глубокую благодарность за добрыя услуги ея сына; мы сказали бы, что признательность и честь, выпавшія на долю ему, отражаются славою на челѣ ея; мы пожелали бы ей воспитать длинный рядъ такихъ сыновъ и вѣчно получать дань признательности за услуги ихъ въ разныхъ концахъ Россіи. А теперь намъ остается проводить почившаго товарища туда, гдѣ земля бережно приметъ и будетъ хранить его останки. Исполнимъ же этотъ послѣдній долгъ и отойдемъ отъ могилы его, пожелавъ каждый себѣ и каждый другому, чтобы, когда придетъ и нашъ чередъ сомкнуть на вѣки усталые очи, память о трудахъ нашихъ не умерла вмѣстѣ съ нами, но жила бы въ сердцахъ тѣхъ, кто будутъ трудиться вслѣдъ за нами, ободряя и руководя ихъ въ минуты сомнѣнія и усталости.

III *).

Мм. Гг. Горестнымъ событіемъ начинается въ нынѣшнемъ году наша обычная университетская жизнь. Вамъ придется зачеркнуть въ росписаніи лекцій нѣсколько строкъ, но... какой огромный пробѣлъ останется послѣ этихъ немногихъ вычеркнутыхъ строкъ! Сколько высокихъ умственнымъ наслажденій, сколько новыхъ знаній и свѣтлыхъ мыслей сулили вамъ эти строки!.... Не сбудутся эти ожиданія. Онъ умолкъ, краснорѣчивый учитель.

Я не могу теперь предложить вамъ полной, подробной характеристики покойнаго А. А. Котляревскаго, какъ человѣка и ученаго. Да и нѣтъ нужды въ подробностяхъ. Образъ покойнаго—не изъ тѣхъ, которые тускнѣютъ въ памяти быстро и легко, это образъ, врѣзывающійся въ душу глубокими и рѣзкими чертами. Какъ живой, стоитъ онъ передъ нами. Мнѣ остается только обратить ваше

*) Рѣчь къ студентамъ историко-филологическаго факультета университета Св. Владиміра.

вниманіе на нѣкоторыя важнѣйшія черты этого привле кательнаго образа.

Научный цензъ покойнаго былъ чрезвычайно высокъ. Достаточно указать только на его изслѣдованіе о погребальныхъ обычаяхъ славянъ,—трудъ, какихъ не много не только въ русской, но и въ европейской литературѣ. Вотъ отзывъ объ этомъ трудѣ не-русскаго ученаго. „Это сочиненіе превосходно, и я не знаю, можно ли указать въ любой литературѣ другое сочиненіе, которое могло быть поставлено на ряду съ сочиненіемъ г. Котляревскаго. Знакомство со всею литературою, касающеюся того же предмета, проявляется на каждой страницѣ книги, такъ что русскіе могутъ ею гордиться и стать во главѣ этой отрасли археологической науки“. Мы, знакомые съ покойнымъ не по однимъ только печатнымъ его трудамъ, знаемъ, что этимъ словамъ Гануша можно дать болѣе широкое, болѣе общее значеніе. Мы знаемъ, какая высокая умственная энергія, какая солидная ученая сила сказывалась во всѣхъ сужденіяхъ А. А. Котляревскаго по вопросамъ научнымъ. Если онъ не сдѣлалъ всего, что могъ и хотѣлъ сдѣлать, если его упрекали иногда за то, что онъ „зная такъ много, пишетъ сравнительно мало“, то виной этого былъ тотъ долгій и упорный недугъ, который отнималъ у него много времени и много силъ, который и сразилъ его наконецъ. Покойный съ полнымъ правомъ могъ бы сказать о себѣ словами славянскаго первоучителя: „я кончилъ свой день и падаю на лехѣ“. Да, онъ

палъ на лехѣ: смерть сразила его среди работы, онъ умеръ, не окончивъ своего послѣдняго, важнаго и многообѣщавшаго, труда.

Ученыхъ спеціалистовъ, особенно филологовъ и археологовъ нерѣдко упрекаютъ въ томъ, что называется буквоѣдствомъ когда за всякими мелочами исчезаетъ живой смыслъ изучаемыхъ явленій. Согласимся, это эти упреки бываютъ иногда и не лишены правды. Но.... часто incidit in Scyllam, qui vult evitare Charybdin Избѣгая упрека въ мелочности и сухости изысканій, легко впасть въ другую, болѣе вредную крайность. Можно забыть, что плохо обоснованныя догадки и скороспѣлыя обобщенія, не отвѣчающія степени разработки даннаго научнаго матеріала, представляютъ не шагъ впередъ въ исторіи науки, а только лишнюю помѣху ея движенію, отвлекающую ученое вниманіе отъ прямаго дѣла,—только балластъ, липонный всякой цѣны, но на удаленіе котораго нужны время и силы. Благо тому изслѣдователю, который сумѣетъ стать выше двухъ этихъ одинаково опасныхъ крайностей, который сумѣетъ отыскать единственно вѣрный путь, опредѣляемый требованіями науки въ данной стадіи ея развитія. А А. Котляревскій былъ именно такой счастливецъ, умѣвшій найти истинную научную дорогу.

Его ученые труды представляютъ рядъ самыхъ мелочныхъ, самыхъ кропотливыхъ и притомъ всегда точныхъ, разысканій. Въ изслѣдованіи о погребальныхъ обычаяхъ славянъ онъ подбираетъ рядъ фактовъ, указываю-

щихъ на разные способы удаленія труповъ у славянъ; въ работѣ о балтійскихъ славянахъ онъ даетъ подобный же кропотливый подборъ свидѣтельствъ о бытѣ и правовыхъ древностяхъ угасшаго славянскаго племени; въ своемъ послѣднемъ трудѣ: „Объ изученіи древней русской письменности“ онъ предлагаетъ тщательно составленный библіографическій указатель по отдѣлу исторіи русскаго языка и словесности. Но въ этомъ громадномъ накопленіи ученаго матеріала вездѣ проходитъ ясная мысль, вездѣ сказывается сознаніе живаго научнаго интереса.

Въ предисловіи къ книгѣ о древностяхъ права балтійскихъ славянъ нашъ изслѣдователь самъ открываетъ намъ цѣли и пріемы своей работы. „Сравнительный пріемъ изслѣдованія, говоритъ онъ, послужитъ для насъ объяснительнымъ средствомъ единственно по отношенію къ юридическимъ древностямъ балтійскихъ славянъ. Послѣднія образуютъ не только средоточіе, но и границы нашихъ разысканій; потому мы оставляемъ вовсе нетронутыми тѣ явленія, о которыхъ нѣтъ воспоминанія или замѣтокъ въ источникахъ славянъ балтійскихъ и существованіе которыхъ у нихъ не представляется неизбѣжно необходимымъ. Сознаемся, что не безъ раздумья и колебаній мы рѣшились на подобное ограниченіе круга изслѣдованій. Мы понимаемъ хорошо всю важность и завлекательность всесторонняго сравненія фактовъ юридическаго быта всѣхъ славянскихъ племенъ, но намъ казалось, что для такой работы еще не наступилъ урочный часъ, еще не готовы дан-

ные матерьялы. Вотъ почему, желая разрѣшить частную задачу, мы сочли благоразумнымъ воздержаться отъ широкаго пути сравненій и предпочли дорогу узкую, открывающую гораздо менѣе заманчиваго разнообразія и интереса, но за то гораздо болѣе прочную и надежную"... Авторъ сознательно ограничиваетъ, суживаетъ свою задачу, воздерживаясь отъ обманчивой широты наблюденій и выводовъ, но этимъ онъ вовсе не отказывается отъ права быть мыслящимъ изслѣдователемъ, отъ права вносить разумъ и свѣтъ въ темныя копи археологическаго матеріала. „Право, говоритъ онъ, есть такой же историческій памятникъ, какъ и всякое другое проявленіе народной жизни и образованности, какъ языкъ, религія, поэзія, литература, нравы и обычаи... На этомъ основаніи—не юридическіе институты сами по себѣ, не систематическая догматика ихъ, а жизнь народа въ нихъ открывающаяся, его внутренняя исторія и образованность составляютъ главный предметъ нашего вниманія и поисковъ". (стр. 3—4). Относит. сочиненія А. Ал—ча о погребальныхъ обычаяхъ И. И. Срезневскій писалъ: „въ его книгѣ мы имѣемъ полный сводъ данныхъ о древнихъ славянскихъ погребальныхъ понятіяхъ и обрядахъ... Этотъ сводъ оживленъ силою мысли, но не мысли ищущей себѣ поддержки въ данныхъ, а мысли, вызываемой самими данными". Такимъ же мыслящимъ изслѣдователемъ является онъ и въ своемъ послѣднемъ библіографическомъ трудѣ. Въ подтвержденіе мнѣ стоитъ только привести заглавія нѣкото-

рыхъ параграфовъ этого труда: „Значеніе историческаго метода въ изученіи произведеній древней русской письменности“; „Общія замѣчанія о томъ, что сдѣлано и что остается сдѣлать по изслѣдованію древне-славянскаго языка“; „Нетронутые и нерѣшенные вопросы исторіи русскаго языка“.

А. А. Котляревскій представлялъ рѣдкое, счастливое соединеніе природной даровитости съ тѣмъ, что можно назвать дисциплиной ума. Если онъ умѣлъ внести свѣтъ въ самые темные отдѣлы науки, если онъ умѣлъ придать жизнь и интересъ сухому библіографическому труду, то этимъ онъ обязанъ былъ силѣ своихъ прекрасныхъ дарованій. Но если онъ, при всей живости ума, находилъ интересъ въ самой усидчивой и кропотливой работѣ, если онъ, по его выраженію, предпочиталъ иногда узкую, но болѣе надежную дорогу, то этимъ онъ обязанъ былъ той высшей и трудной научной школѣ, которую онъ прошолъ. Первыя прочныя основанія своего научнаго образованія А. А. Котляревскій получилъ въ московскомъ университетѣ подъ руководствомъ Буслаева, Бодянскаго и др. Но онъ не остановился на этомъ. Онъ пошолъ дальше и долгимъ и упорнымъ трудомъ достигъ глубокаго и многосторонняго знакомства съ европейской, преимущественно германской филологической наукой. Эта наука и была его высшей школой. Наибольшее вліяніе имѣли на него труды великаго германскаго ученаго, автора Нѣмецкой миѳологіи, Нѣмецкой граматики, Нѣм правовыхъ древностей

Портреты бр. Гриммъ висѣли въ его кабинетѣ, сочиненія Я. Гримма были его настольными книгами. Онъ охотно называлъ себя ученикомъ, послѣдователемъ Гримма. „Мы стремились обработать, говоритъ онъ въ сочиненіи о балт. славянахъ, тѣсный участокъ славянскаго юридическаго поля въ томъ смыслѣ, въ какомъ—si liceat parva componere magnis—геніальный Яковъ Гриммъ создалъ свое зданіе нѣмецкой юридической древности".

Богатство свѣдѣній А. А. Котляревскаго, его широкая образованность, его многосторонняя любознательность были истинно примѣчательны. Но тутъ-то и сказывалась вліяніе пройденной имъ высшей научной школы. Его отличала именно многосторонность, а не разбросанность научныхъ интересовъ. Недавно знаменитый Либрехтъ издалъ сборникъ своихъ изслѣдованій о литературной и бытовой старинѣ. Сборникъ носитъ заглавіе: Zur Volkskunde. Вотъ это нѣсколько неопредѣленное названіе: Volkskunde всего лучше, кажется, можетъ обозначить тотъ обширный отдѣлъ изученій, которому съ особенной любовью отдавался А. А. Котляревскій. У него было, впрочемъ, свое названіе для такого рода изученій: „труды по старинѣ и народности". Сюда, въ эту широкую область старины и народности, входили и исторія литературы, и археологія, и наука о языкѣ, и этнографія. Всѣ эти разнообразныя отрасли знаній сводились къ высшему научному единству въ понятіи „народовѣдѣнія", они охватывались въ одно цѣлое общностью одного и того же историческаго метода.

Какъ понималъ онъ этотъ историческій методъ? „Историческій методъ изученія произведеній словесности, говоритъ онъ, имѣетъ своей задачею раскрыть въ нихъ начала исторической и духовной жизни извѣстнаго народа, его бытъ, образованность, нравы, образъ жизни, мысли и нравственныя стремленія,—словомъ весь сложный комплексъ его „нравственнаго бытія и дѣятельности", какъ они выражаются въ произведеніяхъ слова и насколько они возникаютъ подъ вліяніемъ послѣднихъ". (Объ изученіи др. р. письменности, стр. 87). Тѣже задачи ставились имъ, какъ мы видѣли, и при изученіи юридическихъ древностей. „Не юридическіе институты сами по себѣ, не систематическая догматика ихъ, а жизнь народа, въ нихъ открывающаяся, его внутренняя исторія и образованность составляютъ главный предметъ нашего вниманія и поисковъ.

Въ этой области народовѣдѣнія, изученія „старины и народности" А. А. Котляревскій былъ мастеръ и хозяинъ. Онъ зналъ, что въ этой области нужно и можно сдѣлать въ настоящую пору. Въ трудѣ объ изученіи древней русской письменности онъ ставитъ особые параграфы: „Что сдѣлано и что остается сдѣлать по изслѣдованію древне-славянскаго языка", „Нетронутые и нерѣшенные вопросы исторіи русск. языка". Что давало ему право составлять такія программы для будущаго? Знаніе прошедшаго и настоящаго науки. Припомнимъ его слова, приведенныя выше: „Мы понимаемъ хорошо всю важность и завлекательность всесторонняго сравненія фак-

товъ юридическаго быта всѣхъ славянскихъ племенъ, но намъ казалось, что *для такой работы еще не наступилъ урочный часъ*, еще не готовы должные матеріалы". Такъ можетъ говорить только человѣкъ, которому ясна исторія науки. И въ самомъ дѣлѣ, все, что изучалъ этотъ человѣкъ, изучалъ исторически. Онъ любилъ полно, до подробностей знакомиться съ историческимъ ходомъ тѣхъ отдѣловъ знанія, которымъ посвящалъ онъ свои труды. Отсюда его любовь къ библіографіи, которая въ его обработкѣ получала высшій интересъ, дѣлалась „исторіей изученія" того или другаго отдѣла научнаго матерьяла; отсюда же его страстное библіофильство, отсюда же вкусъ къ печатанію рецензій. Въ литературномъ наслѣдствѣ, оставленномъ намъ А. А. Котляревскимъ, рецензіи занимаютъ видное мѣсто. Онъ написалъ ихъ не мало на своемъ вѣку. И это понятно: кто любитъ изучать исторію науки, тотъ охотно слѣдитъ за ея новыми успѣхами, за ея современнымъ движеніемъ.

Но тутъ, въ этихъ рецензіяхъ, выразилась, впрочемъ, еще одна характеристическая черта А. А. Котляревскаго. У него была безспорно критическая жилка. Хорошо извѣстно его остроуміе, которое было ключемъ при каждомъ разговорѣ. Въ этомъ остроуміи выказывалась бездна наблюдательности и юмора, какая-то игривость и ясность духа, которыя такъ странно противорѣчили съ тревожнымъ состояніемъ его здоровья. Не могъ такой человѣкъ оставаться спокойнымъ, холоднымъ наблюдателемъ и среди

любимыхъ имъ явленій научной литературы. Въ книгахъ онъ также быстро подмѣчалъ слабыя стороны, какъ и въ людяхъ. Бойкая рецензія ему также нравилась, какъ и веселая шутка.

Не всѣмъ нравилась эта шутливость его и въ разговорѣ, и въ статьяхъ. Но почему? Его остроты были иногда рѣзки, но были ли онѣ злы? Не думаю, чтобы кто нибудь сказалъ: да. Совсѣмъ ужь не былъ онъ похожъ на человѣка злаго. Веселостъ и ясность духа не мирятся съ злобой и ненавистью къ людямъ. Напротивъ, вмѣстѣ съ живымъ умомъ природа надѣлила его добрымъ, отзывчивымъ и благороднымъ сердцемъ. Какъ охотно дѣлился онъ съ другими своими знаніями! Какъ щедро давалъ онъ совѣты, указанія, книги!

Ученая и учебная жизнь университета была предметомъ постоянной и искренней заботливости покойнаго. Онъ много хлопоталъ о томъ, какъ бы поставить дѣло факультетскаго преподаванія насколько возможно лучше, какъ бы возбуждать и поддерживать самостоятельныя занятія слушателей. И эти благородныя усилія не пропадали даромъ.... Но тутъ я долженъ остановиться. О глубокомъ и благотворномъ вліяніи достойнаго наставника вы можете сказать и больше, и лучше меня. Я укажу только на работы, выполненныя подъ руководствомъ покойнаго.

Et tumulis honor.

Это выраженіе А. А. Котляревскій выбралъ какъ motto для своего сочиненія о погребальныхъ обычаяхъ славянъ. Мы примѣнимъ это выраженіе къ его могилѣ. Дорога и незабвенна будетъ для насъ эта могила....

Вѣчная память почившему!

IV *).

Мм. гг.!

Намъ пришлось открыть наше настоящее собраніе занесеніемъ въ нашу лѣтопись скорбной вѣсти о постигшей насъ тяжелой и безвременной утратѣ,—о кончинѣ Предсѣдателя нашего Общества, Александра Александровича Котляревскаго.

Восемь мѣсяцевъ назадъ Общество наше въ торжественномъ собраніи, словомъ покойнаго Предсѣдателя, кокорый былъ такъ отзывчивъ къ судьбамъ дорогой сму науки и родной словесности [1]), поминало ученыхъ и писателей, незадолго до того унесенныхъ смертью [2]).

---

*) Рѣчь, произнесенная въ экстренномъ собраніи Историческаго Общества Нестора лѣтописца секретаремъ Общества Н. П. Дашкевичемъ, 4 октября 1881 г.

[1]) См. рядъ поминальныхъ его замѣтокъ въ „Чтеніяхъ въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца“, кн. 1.— Рѣчь о Григоровичѣ въ „Славянскомъ Ежегодникѣ“ и др.

[2]) См. газ. „Трудъ“ 1881, № 1.

Полгода назадъ, въ вводномъ словѣ къ чтенію объ историческомъ значеніи произведеній Шевченка, А. А. говорилъ о томъ, какъ „легъ спочить“ родникъ поэзіи, духовной силы южно-русской земли [1]).“

Съ той поры мы уже не видѣли А. А. *здѣсь*, въ нашей средѣ. Мы только слышали въ дни постигшаго его недуга письменно обращенное къ намъ его слово „искренней признательности за довѣріе и вниманіе, какимъ онъ пользовался и утѣшался со стороны сочленовъ во время почти четырехлѣтняго своего служенія Обществу“, при чемъ онъ просилъ уволить его отъ предсѣдательства въ Обществѣ.

Не хотѣлось намъ думать, что эти слова А. А. будутъ послѣдними, какія мы услышимъ отъ него въ нашемъ Обществѣ.

Но „смерть, говоря словами самого А. А., [2]) всегда была и вѣчно будетъ непримиримымъ врагомъ человѣка.“ Если для всѣхъ она непріятель, то по отношенію къ А. А. она оказалась злѣйшимъ врагомъ. Она не пощадила и того, кто тринадцать лѣтъ назадъ сдѣлалъ ей такое блистательное приношеніе въ своей книгѣ о погребальныхъ обычаяхъ. Она безжалостно и безвременно скосила его среди разцвѣта неустанной и полной жизни дѣятель-

---

[1]) „Трудъ“ 1881 г. № 8.

[2]) См. 1-ю страницу книги „О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ“.

ности его, и теперь предлежитъ намъ поминать его самого...

Съ горестью услышитъ объ этой утратѣ всякъ, кому дороги успѣхи нашей русской науки. Но въ особенности тяжела эта потеря для насъ... Невольно возвращается мысль къ ней и не находитъ покоя. Мы не можемъ забыть того, кто такъ недавно еще предстоялъ намъ, и навсегда останется въ нашей памяти этотъ дорогой намъ образъ, невольно влекущій къ себѣ и теперь, когда уже незримъ его носитель. Неизгладимыми чертами отпечатлѣется этотъ образъ въ исторіи русской науки, служеніе которой поставило своей задачей и наше Общество. Съ гордостью оно можетъ сказать, что это родной ему образъ.

Возстановимъ же въ нашей мысли черты дѣятельности А. А., чтобы навсегда пребыли онѣ въ нашемъ воспоминаніи, какъ завѣтъ, отъ него идущій.

Неполонъ и блѣденъ будетъ настоящій очеркъ. Многое не найдетъ въ немъ должнаго упоминанія. Но не время еще произносить полную оцѣнку научныхъ трудовъ А. А., да и можно сдѣлать то въ минуты большаго спокойствія. Я предложу вамъ, Мм. гг., лишь спѣшно набросанный портретъ А А., какъ дѣятеля на поприщѣ историческаго изученія славянской и въ частности нашей родной старины. Я желалъ бы возстановить въ нашей памяти лишь самый общій очеркъ тѣхъ мыслей, которыми онъ былъ проникнутъ въ служеніи наукѣ,—тѣхъ чувствъ, которыми воодушевлялся пламенный его духъ.

Я далекъ отъ преувеличенныхъ похвалъ; за себя будутъ говорить сами факты.

А. А. былъ ученикъ достопамятнаго въ лѣтописяхъ нашего славяновѣдѣнія О. М. Бодянскаго, его земляка. Бодянскому, какъ „первому своему учителю въ славяновѣдѣніи", посвятилъ А. А. свою книгу объ Оттонѣ Бамбергскомъ [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ не остался безъ вліянія на него другой нашъ первоучитель славянской филологіи— И. И. Срезневскій.

Свѣтлый и самостоятельный умъ А. А. не ограничился слѣдованіемъ по пути, начертанному этими основателями нашего славяновѣдѣнія. Они начали свою дѣятельность въ то время, когда, можно сказать, еще зарождалось научное изслѣдованіе славянскихъ нарѣчій, и когда изученіе славянскихъ древностей было только что основано Шафарикомъ. Мысль А. А. зрѣла въ моментъ, когда славяно-русская филологія была поставлена на путь научнаго развитія и имѣла уже у насъ хотя немногихъ, но славныхъ представителей въ лицѣ Востокова, Срезневскаго, Бодянскаго, Григоровича, Буслаева, когда, подъ вліяніемъ Запада, занималась и у насъ заря изученія старины и народности, представлявшаго въ пятидесятыхъ годахъ столько новизны и заманчивости, въ особенности для ученыхъ, чуткихъ къ высшимъ и свѣжимъ вопросамъ

[1]) См. отзывъ А. А. о Бодянскомъ въ „Отечеств. Зап." 1859, № 9, Русская литература, стр. 16—17.

науки, а не идущихъ лишь торной, давно проложенной дорогой. Въ пятидесятыхъ годахъ на Западѣ у новой науки сравнительной филологіи былъ „свой строго-опредѣленный методъ: она дала уже много богатыхъ результатовъ и еще болѣе обѣщала впередъ“; уже славился Шлейхеръ, отведшій такое видное мѣсто славянскимъ нарѣчіямъ въ кругу лингвистическихъ изслѣдованій [1]). Германская филологія въ то время достигла уже значительныхъ и прочныхъ результатовъ трудами братьевъ Гриммовъ и ихъ послѣдователей, и отъ проницательнаго взора не могло укрыться громадное значеніе добытыхъ ею результатовъ для разъясненія многаго въ славянской старинѣ и вообще для сравнительнаго изученія народнаго быта, языка, поэзіи. Одновременно развивалась филологія романская, накопляя матерьялъ для увлекательныхъ сравнительныхъ изысканій [2]). А. А. такъ отзывался потомъ объ этомъ времени въ русской наукѣ: „Нельзя не назвать счастливымъ время, когда начали у насъ изучать Я. Гримма: въ литературѣ уже готовъ былъ богатый запасъ матерьяловъ, совершенно однородныхъ съ тѣми, на основаніи которыхъ великій ученый

---

[1]) Въ 1859 г. А. А. назвалъ Шлейхера „однимъ изъ первыхъ современныхъ славянистовъ“. Отечеств. Зап. 1859, № 9, Русская литература, стр. 8. Ср. № 8, стр. 72—73.

[2]) Ср. слова самого А. А. въ Отечеств. Зап. 1859, № 8, Р. лит., стр. 68—69.

выводилъ свою художественную постройку нѣмецкой миѳологической старины, именно фактовъ народнаго быта, или источниковъ такъ называемой *низшей* народной миѳологіи: изученіе „Нѣмецкой миѳологіи“ Гримма необходимо привело къ ближайшему изслѣдованію Русскаго матерьяла: пѣсенъ, сказокъ, повѣрій, обычаевъ и обрядовъ,—матерьяла, которымъ хотя и пользовались до того времени, но далеко не въ должной степени и не съ надлежащей точки зрѣнія [1])“. Великій примѣръ Гриммовъ нашелъ достойнаго продолжателя у насъ въ лицѣ А. А. [2]). Въ работахъ его не разъ можно встрѣтить благодарныя упоминанія о Гриммахъ. Такъ, въ одной изъ нихъ говорится: „Въ наукѣ древностей книга Гримма представляетъ не только доселѣ никѣмъ не превзойденный образецъ антикварнаго юридическаго труда, но и превосходную трезвую школу, пройти которую полезно каждому, предающемуся однороднымъ изслѣдованіямъ [3]).“ И А. А. прошелъ эту школу. Онъ не заблудился на „томъ болѣзненномъ пути, по которому шло наше обще-

---

[1]) Къ вопросу объ обработкѣ славянской миѳологіи, Спб. 1872, стр. 5.

[2]) Мы не касаемся здѣсь другихъ нашихъ ученыхъ,—и въ ряду ихъ—прежде всего проф. Буслаева,—работавшихъ въ направленіи, начатомъ Гриммами.

[3]) Древности права Балтійскихъ славянъ, Прага 1874, стр. 6.

ственное развитіе“ „въ половинѣ XIX столѣтія [1]).“ Находя мало освѣжительныхъ струй въ тогдашней русской наукѣ, А. А. поддался свѣжему научному вліянію, пестшемуся съ Запада, со всѣмъ пыломъ и увлеченіемъ, къ какимъ былъ способенъ. Его привлекалъ сравнительно—историческій методъ изслѣдованія, казавшійся ему „едвали не самымъ значительнымъ пріобрѣтеніемъ науки, благодаря которому историко-филологическія изслѣдованія получили твердую, реальную почву, и изъ празднаго, случайнаго знанія—стали на степень положительной науки [2])“. А. А. сталъ зорко и внимательно слѣдить за движеніемъ западной науки, въ особенности—сравнительнаго языкознанія, германской филологіи, и вскорѣ стоялъ уже на уровнѣ ея, усвоивъ изъ господствовавшаго въ ней направленія все, что могло быть пригодно для широкаго изученія славянства и русской народности и позаимствовавъ усовершенствованные методы ея изслѣдованія. Въ этой-то лучшей школѣ западной филологической науки А. А. почерпнулъ многое, чего недоставало его предшественникамъ. Онъ былъ дѣятель болѣе поздняго времени и, естественно, долженъ былъ поставить нѣсколько иначе и шире задачи изученія историческихъ судебъ русской словесности и славянства.

---

[1]) Отечеств. Зап. 1859, № 9, стр. 9, 11.

[2]) Старина и народность за 1861-й годъ, М. 1862, стр. 2.

Усвоеніе передоваго направленія тогдашней западной науки помогло А. А. сразу избрать вѣрный путь и стать на надлежащую точку зрѣнія по отношенію къ русской литературѣ, наукѣ и жизни. А. А. такъ отзывался о времени около 1847 г.—десять лѣтъ спустя: „отвлеченныя понятія нѣмецкой эстетики и философіи Гегеля, бывшія въ такомъ ходу въ русской критикѣ 1837—1844 годовъ, отживали свое послѣднее время: на мѣсто мертвой буквы и сухихъ логическихъ формулъ спекулятивнаго взгляда на искусство, подымались вопросы общественные, слышалось горячее слово за права женщины, подвергались пересмотру понятія нравственныя и т. д.; вездѣ жизнь брала верхъ и отрывала критику отъ пустой рутины, выводя ее на широкое общественное поле... Наше время, можетъ-быть, пошло далѣе; но основы остаются тѣже, тѣ же чаянія, та же вѣра въ человѣка, въ его будущее, въ независимость отъ авторитета и т. д. [1])“. Въ русской литературѣ того времени А. А. сочувственно относился къ тому „художественно-гуманному направленію, которымъ ярко отмѣчена наша литература 30—50 годовъ—разумѣется въ стремленіяхъ лучшихъ ея представителей—и которое составляло ея силу.“ А. А. остался вѣренъ этому направленію и не такъ давно слѣдующимъ образомъ выразился о немъ: „Направленіе это-стало нынѣ преданіемъ, уступивъ мѣсто многимъ инымъ, но оно при-

[1]) Отечеств. Зап. 1858, № 4, Критика, стр. 58 и 60.

несло столь много для умственнаго и нравственнаго развитія общества, но въ немъ и доселѣ хранится такое обиліе благородной жизненной силы и широты, что знакомство съ нимъ—никакъ не будетъ только знакомствомъ съ предметомъ отжитымъ и мертвымъ, но способно дѣйствовать живымъ и плодотворнымъ образомъ.... А усилія людей, которые въ годину тяжелыхъ для общества и литературы испытаній—съумѣли выработать твердыя гуманныя убѣжденія, съумѣли—насколько смогли, и самую литературу воспитать и направить въ этомъ духѣ... такіе поучительные уроки не проходятъ даромъ и каждый разъ возбуждаютъ къ дѣятельному соревнованію [1])"... Въ русской наукѣ А. А. примкнулъ къ благимъ начинаніямъ, которыя уже сказывались подъ вліяніемъ западной науки. Онъ съ радостною надеждою привѣтствовалъ зарю свѣтлаго будущаго въ области занимавшей его науки исторіи русской словесности. Вотъ слова А. А., относящіяся къ 1858 г.: „Историческія судьбы нашей старинной письменности и литературы сдѣлались теперь предметомъ общаго вниманія и дѣятельнаго изученія. Хотя медленно, но шагомъ прочнымъ идетъ впередъ молодая наука, разгоняя мало-по-малу фантастическій полумракъ, одѣвающій наше *доброе старое время*, съ его незатѣйливыми жизненными интересами и неприхотливыми требованіями.

---

[1]) Отзывъ о книгѣ г. Пыпина о Бѣлинскомъ въ „Университетскихъ Извѣстіяхъ“ 1876 г.

Явленіе въ высшей степени утѣшительное! Призраки старины, привлекательные въ своей неопредѣленной, туманной обстановкѣ, созданія разстроеннаго воображенія, навѣянныя непривѣтливою современностью, исчезаютъ при свѣтѣ наступающаго дня и даютъ дорогу новому, трезвому взгляду на прошедшее, равно чуждому и болѣзненнаго восторга при созерцаніи небывалыхъ красотъ старины и предубѣжденной, ни на чемъ не основанной укоризны.—Дѣйствительно-только въ этой неопредѣленной рамѣ, при полной свободѣ фантазіи и воображенія, не стѣсняемыхъ никакими историческими фактами, при полномъ невниманіи къ жизненнымъ интересамъ современности—старое время и его формы принимаютъ тотъ привлекательный видъ, въ какомъ они являются предъ глазами нѣкоторыхъ нашихъ литературныхъ дѣятелей, колебля, быть-можетъ, и безъ того шаткую, нравственную вѣру ихъ въ современнаго человѣка и тѣ начала, какія исповѣдуетъ онъ. Примиряя этотъ разладъ, наука возвращаетъ насъ изъ міра утопій къ дѣйствительности: въ этомъ ея живое современное значеніе, ея гражданскій, общественный смыслъ и характеръ. Признавъ одинъ разъ законное участіе ея въ жизненномъ дѣлѣ, человѣкъ уже заранѣе обезопасилъ себя отъ темныхъ внушеній дурнонаправленной фантазіи и больнаго воображенія: подозрительныя, лихорадочныя симпатіи къ старинѣ уступаютъ стомѣ спокойному вниманію къ историческимъ судьбамъ своего отечества, и жизнь идетъ своимъ чередомъ, несму-

щаемая призраками прошедшаго, съ сознаніемъ недостатковъ настоящаго и вѣрою въ очищеніе будущаго.—Такова связь современной науки съ жизнію. Она только что зачинается.... и умѣренность въ требованіяхъ является здѣсь, какъ законная необходимость, прямо вытекающая изъ настоящаго положенія науки и литературы въ нашемъ отечествѣ. Въ дѣлѣ всеобщаго благотворнаго освобожденія отъ авторитета прошедшаго—наука исторіи русской литературы принимаетъ самое дѣятельное участіе, наравнѣ съ исторіею государственныхъ и народныхъ учрежденій и, отчасти, съ исторіею развитія формъ религіозной жизни.—Правда, развитіемъ литературнымъ небогата—чтобъ не сказать совершенно бѣдна—древняя Русь, но уже одинъ трезвый взглядъ на причину этого явленія даетъ достаточный поводъ къ убѣжденію въ глубокой антинаціональности и нравственномъ вредѣ тѣхъ началъ, подъ вліяніемъ которыхъ исключительно совершалось развитіе литературнаго дѣла въ Россіи до Петра 1-го. А это убѣжденіе кладетъ могильный камень на заманчивую, но вполнѣ—ложную теорію о существованіи какого-то особаго просвѣщенія въ древней Руси и [illegible]ивилизаціи, присущей русскому народу.... Отсюда [illegible]ый взглядъ на народную жизнь, отсюда и прямыя [illegible]ія мѣры, могущія дѣйствительно облегчить осложненныя вѣками житейскія отношенія! Но работа только-что начинается [1])“....

[1]) Отечеств. Зап. 1858, № 4, Критика. стр. 57—58.

Приведенныя слова А. А. опредѣляютъ какъ нельзя лучше и трезвое отношеніе его къ русскому прошлому, и взглядъ его на значеніе изученія народности, съ которымъ связывались самые живые вопросы нашей науки 40-хъ и 50-хъ годовъ. Ясно, что, по своимъ научнымъ стремленіямъ, А. А. принадлежалъ къ той памятной эпохѣ русской жизни, которую онъ назвалъ въ 1859 г. временемъ „*возрожденія* наукъ и искусствъ въ 56 году."

Когда началъ свою литературную дѣятельность А. А., происходило „броженіе понятій еще неустановившихся, колебаніе между старымъ и новымъ." Русская историческая литература была „бѣдна хорошими учебниками и страдала отсутствіемъ всякаго здороваго направленія [1])." А. А. горячо выступилъ противъ „ветхихъ деньми понятій нашихъ грамматистовъ и филологовъ", противъ „жалкихъ недоносковъ чужой мысли, чужаго труда, а иногда и чужой фантазіи, отъ которыхъ было несвободно наше языкознаніе [2])." А. А. вооружился противъ „искусительныхъ грёзъ, которымъ неумѣренно предаются наши канонические историки литературы, умѣющіе съ изумительною ловкостью отъискивать глубокій смыслъ и великое значеніе тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ и быть не могло [3])", противъ „отсталыхъ теорій и взглядовъ, составленныхъ подъ вліяніемъ [illegible] славянскихъ сновидѣній и восточной

[1]) Отеч. [illegible], № 4, стр. 74.

[2]) Отеч. Зап. [illegible] № 9, критич. ст. о книгѣ Буслаева.

[3]) Отеч. Зап. 1858, № 4, стр. 68—69.

схоластики [1]).“ А. А. возмущался жалкимъ состояніемъ изученія у насъ иностранныхъ литературъ. Въ годъ изданія Устава университетовъ, введшаго вновь въ число историко-филологическихъ наукъ, составляющихъ предметъ университетскаго преподаванія, такъ наз. исторію всеобщей литературы, А. А. писалъ: „*русская* исторія всеобщей литературы—вся въ будущемъ [2]).“ Старую эстетику А. А. считалъ отжившимъ явленіемъ, а съ нею и идею абсолютнаго искусства. „Жизнь должна возобладать надъ мертвыми формулами; пришло строгое изученіе факта, подъ вліяніемъ новаго животворнаго метода, которымъ давно уже пользовалось естествовѣдѣніе, и это былъ отходный часъ старинной эстетики, ея de profundis... Эстетика Гегеля и правой стороны его школы потеряла всякое значеніе предъ геніальными открытіями, совершенными въ области искусства и литературы трудами Вильгельма Гумбольдта, братьевъ Гриммовъ и ихъ послѣдователей.“ „Если обломки этого, нѣкогда стройнаго, зданія и уцѣлѣли гдѣнибудь до нашего времени, то это—или привычка, или упорная отсталая старина, вѣчно живущая заднимъ числомъ и задними мыслями [3]).“ А. А. возсталъ противъ этой отсталости. „Историки литературы (по крайней мѣрѣ у насъ) не слѣдятъ,—какія явленія въ жизни вызвали

---

[1]) Отеч. Зап. 1858, № 4, стр. 74.

[2]) Филологическія Записки, годъ второй, стр. 209.

[3]) Отечеств. Зап., 1885, № 4, стр. 58—59, 67—68.

поэтическое вдохновеніе и дали ему содержаніе, они какъ будто не хотятъ признать тѣсной связи между поэзіей и жизнью и думаютъ повершить все дѣло простою систематическою регистратурою поэтовъ и произведеній съ краткимъ обзоромъ содержанія послѣднихъ. Встарину, когда поэзію какъ независимую силу человѣческаго духа — считали до того самостоятельною, что отрицали всякую связь между ею и окружающимъ міромъ явленій — такой пріемъ изложенія еще имѣлъ смыслъ, но теперь онъ не болѣе, какъ рутина и рутина тѣмъ злѣйшая, что рѣдко кто сознаетъ, что это-*рутина* [1]." Отсюда-то нападки А. А на рутину въ преподаваніи словесности и печатныя заявленія сочувствія, съ какимъ онъ относился къ лучшимъ явленіямъ нашей литературы по изученію иностранныхъ литературъ [2]). Многія изъ замѣчаній А. А. объ этомъ изученіи сохраняютъ силу и для настоящаго времени.

Послѣ первыхъ молодыхъ порывовъ и опытовъ энергической критики наступила пора зрѣлой научной дѣятельности, чуждой страстности. А. А. довелось стать у

---

[1]) Филолог. Зап. годъ II (1862—63), „Исторія всеобщей литературы въ Россіи", стр. 223.

[2]) См., напр., отзывъ „въ Филологическихъ Запискахъ" (1870) о книгѣ г. Веселовскаго „Старинный театръ" и библіографическія свѣдѣнія о новыхъ книгахъ въ „Университетскихъ Извѣстіяхъ", имѣвшія въ виду указаніе университетскому юношеству выдающихся пособій для изученія иностранныхъ литературъ.

насъ однимъ изъ выдающихся дѣятелей сравнительно-историческаго метода изслѣдованія, такъ недавно еще получившаго право гражданства въ русской наукѣ,—блистательнымъ представителемъ широкаго сравнительнаго изученія старины и народности; ему суждено было собственнымъ примѣромъ показать все значеніе усвоенія результатовъ западныхъ работъ по изученію словесныхъ и вещественныхъ памятниковъ для освѣщенія и возсозданія столь дорогой ему родной старины и вмѣстѣ съ тѣмъ намѣтить нѣкоторые новые пути изслѣдованія, которыми до него пробирались у насъ немногіе.

Я не стану перечислять длиннаго ряда работъ А. А. [1]). Я очерчу только кругъ занимавшихъ его вопросовъ —при помощи статей и монографій его, которыми я могъ для того воспользоваться. Я передамъ въ самыхъ общихъ чертахъ воззрѣнія А. А. на тѣ или иныя области науки —нерѣдко его собственными словами—и затѣмъ охарактеризую общее направленіе его работъ, безотносительно къ частнымъ результатамъ ихъ.

А. А. былъ основательный филологъ. При этомъ, будучи чуждъ ученаго буквоѣдства, онъ широко понималъ задачи науки, умѣлъ намѣчать въ ней существенное, находить во всемъ жизненную сторону. Широко и всесторонне относился онъ къ занимавшей его области науки. Онъ не былъ мелкимъ изслѣдователемъ какого-нибудь узкаго круга вопросовъ, не былъ безжизненнымъ

[1]) Списокъ ихъ, составленный нами, см. въ приложеніи.

филологомъ, погружающимся только въ букву, изъ-за нея не видящимъ другихъ высшихъ задачъ науки. Въ самомъ языкѣ А. А. открывалъ „живаго, свѣжаго выразителя народной жизни“, „живой организмъ, неуловимое сочетаніе всѣхъ душевныхъ способностей: фантазіи, мысли, зарождавшихся подъ вліяніемъ свѣжихъ впечатлѣній и выражаемыхъ въ словѣ часто помимо закона строго-логическаго процесса [1]).“

Какъ знающій и опытный филологъ, А. А не разъ указывалъ на важность строгой филологической школы для рѣшенія различныхъ научныхъ вопросовъ, отмѣчалъ ошибки, находившія доступъ въ наши историческія изслѣдованія (напр., по норманнскому вопросу), въ миѳологическія работы и т. п. вслѣдствіе недостаточности филологическаго изученія. Но филологія въ этомъ тѣсномъ смыслѣ слова являлась у него подготовительною ступенью къ инымъ работамъ. По его мнѣнію, „современная наука хлопочетъ не только о массѣ лингвистическаго матеріала, но и о живомъ взглядѣ на языкъ, какъ на творческое произведеніе человѣческаго духа [2])“. А. А. стремился къ „живому пониманію языка и тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается такъ-называемая народность [3]).“ Онъ прилагалъ свои филологическія знанія къ возсозданію минувшихъ

---

[1]) Отеч. Зап. 1859, № 8, стр. 70.

[2]) Отеч. Зап. 1859, № 9, стр. 19.

[3]) Тамъ же, № 8, стр. 74.

эпохъ по памятникамъ словаи вещественнымъ, громадное значеніе которыхъ въ этомъ отношеніи только недавно вполнѣ выяснено и признано исторической наукою. Къ такому историческому возсозданію и направлялась преимущественно мысль А. А., въ помощь которой были приданы природой богатая память, способность творческаго представленія, живая воспріимчивость...

Все теченіе прошлой жизни человѣчества занимало его мысль, но въ особенности привлекали ее судьбы славянства и въ частности русской народности.

Отличительнымъ свойствомъ и направленіемъ ума А. А. было стремленіе стать во всемъ на историческую почву, восходить къ началамъ....

Оттуда-то интересъ его къ лингвистической палеонтологіи индо-европейскихъ племенъ [1]), оттуда же его вниманіе къ археологіи, начиная съ до-исторической. Глубоко возбуждали его пытливость „слѣды опочившей жизни древняго человѣка, загадочные и молчаливые свидѣтели его быта, понятій и вѣрованій", „одинокіе камни и могилы, подъ которыми уснула исполинская мощь отшедшихъ невѣдомыхъ народовъ и поколѣній." А. А. написано весьма цѣнное изслѣдованіе „Для сравнительной науки древности: металлы и ихъ обработка въ доисторическую эпоху племенъ индо-европейскихъ" (Москва 1865). Въ бытность въ Москвѣ, за которою остается слава проч-

[1]) Отеч. Зап. 1859, № 8, стр. 82.

наго насажденія у насъ занятій археологіею, А. А. принималъ живое участіе въ основаніи и дѣятельности Московскаго Археологическаго Общества. Подъ его редакціею изданъ 1-й томъ „Древностей“,—трудовъ этого Общества, въ которомъ помѣщено изслѣдованіе А. А. „о находкахъ каменныхъ орудій въ южной Россіи,“ а также цѣлый рядъ критическихъ замѣтокъ о книгахъ по археологіи. Свое изслѣдованіе о погребальныхъ обычаяхъ А. А. посвятилъ гр. А. С. Уварову „на память общихъ усилій, общихъ трудовъ по любезному Московскому Археологическому Обществу.“ До конца дней своихъ А. А. не оставлялъ слѣдить за движеніемъ русской археологіи, принимая въ немъ и личное участіе. Въ послѣднее время онъ приготовилъ обзоръ успѣховъ русской археологіи, полный сводъ археологическихъ раскопокъ и изслѣдованій древностей, произведенныхъ въ Россіи до 1869 г. Къ несчастію, болѣзнь, постигшая А. А., не позволила ему обнародовать этотъ трудъ, который онъ предназначалъ поднести V-му археологическому съѣзду (въ Тифлисѣ). Тоскливо вдали отъ родины вспоминалъ онъ о томъ, что не довелось ему исполнить свое намѣреніе...

Мысль А. А. объ изученіи славянскихъ древностей созрѣла подъ вліяніемъ слышанныхъ имъ университетскихъ чтеній, преимущественно проф. Буслаева, и трудовъ Гримма и его послѣдователей. „Два обстоятельства въ особенности содѣйствовали развитію и успѣхамъ изученія славянскихъ древностей въ Россіи—писалъ А. А. въ 1873 г.—

а именно прежде всего введеніе славистики въ число предметовъ университетскаго преподаванія и ближайшее ознакомленіе съ трудами Я. Гримма и его послѣдователей-... Профессора славистики, побуждаемые къ самостоятельной дѣятельности (отсутствіемъ цѣльнаго очерка бытовыхъ древностей), склоняли и своихъ слушателей къ изслѣдованію славянскихъ древностей, но въ особенности энергически усилился этотъ интересъ потомъ, когда изучающіе ознакомились съ геніальными трудами Я. Гримма, и когда сравнительное языкознаніе показало, къ какимъ выводамъ можно прійдти и въ археологическихъ занятіяхъ. Широкое поле открылось предъ изслѣдователями: памятники и древнія свидѣтельства, произведенія и проявленія народной жизни, языка, обычаевъ, повѣрій, преданій—все это внушало ученый интересъ, побуждало къ изученію, къ сравненію. Главная заслуга начинанія въ этой области принадлежитъ проф. Ѳ. И. Буслаеву, который и своими университетскими чтеніями, и печатно распространялъ новое направленіе изученія древностей и представилъ много достойныхъ вниманія опытовъ [1]).“ На основаніи таковыхъ матеріаловъ должна быть построена, по мнѣнію А. А., „милая и близкая славянскому сердцу наука о родныхъ древностяхъ [2]).“

А. А. принадлежитъ въ ней почетное мѣсто.

---

[1]) Uspěchy slavistiky na Rusi v posledni době, стр. 33—34.

[2]) Тамъ-же, стр. 43. прим.

Et tumulis honor! Такой эпиграфъ поставилъ А. А. въ началѣ своей книги „О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ.“ Срезневскій назвалъ ее „первымъ и единственнымъ трудомъ своего рода [1])“, а Ганушъ замѣтилъ: „Это сочиненіе превосходно, и я не знаю, можно ли указать въ любой литературѣ другое сочиненіе, которое бы могло быть поставлено на ряду съ сочиненіемъ г. Котляревскаго... Русскіе могутъ имъ гордиться и стать во главѣ этой отрасли археологической науки [2]).“

А. А. не думалъ ограничиться погребальными обычаями, но намѣревался издать изслѣдованія о старыхъ народныхъ обычаяхъ при рожденіи и сватьбѣ [3]).

Въ „Древностяхъ юридическаго быта Балтійскихъ славянъ“ А. А., слѣдуя примѣру Я. Гримма, представилъ „опытъ сравнительнаго изученія славянскаго права.“

На ряду съ вещными памятниками отдаленныхъ эпохъ, А. А. въ равной степени, а можетъ быть даже въ большей, питалъ глубокій интересъ къ словеснымъ памятникамъ старины, преимущественно къ памятникамъ народной словесности. Онъ былъ отличнымъ знатокомъ сказочной литературы и народныхъ книгъ, былинъ и духовныхъ стиховъ, лубочныхъ картинъ. О томъ свидѣтельствуетъ рядъ статей А. А., въ которыхъ онъ отмѣ-

[1]) Отчетъ о XII присужденіи наградъ графа Уварова, стр. 239.

[2]) Тамъ-же, стр. 240.

[3]) Uspěchy, стр 43, прим. Ср. Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца, I, стр. 290—292.

чалъ успѣхи въ изученіи старины и народности, его статьи о сказкахъ, о нашихъ былинахъ.

Изученіе народности въ ея обрядахъ, повѣрьяхъ, преданіяхъ и словесныхъ произведеніяхъ представляетъ особыя трудности, съ которыми не легко справиться изслѣдователю. Какъ не разъ замѣчалъ А. А., это изученіе только еще начинается... Во многихъ случаяхъ еще не собраны матерьялы, не очищены критикою. Груда не разобранныхъ еще и не упорядоченныхъ данныхъ подавляетъ работающаго. Многіе изслѣдователи запутались въ этомъ лабиринтѣ, и яркій примѣръ такихъ безплодныхъ блужданій представляетъ въ нашей литературѣ разсужденіе г. Стасова о происхожденіи русскихъ былинъ.

Тѣмъ цѣннѣе работы А. А. по народной словесности, въ которыхъ сказалась основательность его научныхъ пріемовъ, строгость и отчетливость направленія. А. А. былъ далекъ отъ увлеченія гадательными теоріями и соображеніями. Онъ постоянно указывалъ на господство въ изученіи народности объясненій и выводовъ по личному вкусу, на произволъ толкованій, на отсутствіе строгаго ученаго метода. [1]). Онъ стоялъ всегда на почвѣ самаго трезваго отношенія къ предметамъ изслѣдованія. Признавая сравнительный методъ единственно возможнымъ [2]),. А А. требовалъ выясненія всякій разъ цѣлей сравненія, кото-

[1]) Отчетъ о XIII присужд. наградъ гр. Уварова, Спб. 1872, стр. 334—335.

[2]) Uspěchy etc. 38.

рое должно быть строго методическимъ и не оставлять безъ вниманія культурно—историческихъ данныхъ: по его мнѣнію, изученіе народности станетъ сравнительно—*историческою* наукою [1]). Вообще, въ виду молодости ея, А. А. указывалъ на необходимость чрезвычайной осторожности въ работѣ, разграниченія стараго и народнаго отъ новаго и заноснаго, различенія психическаго и этнографическаго тожества народныхъ преданій, причемъ послѣднее можетъ быть безошибочно отмѣчено только путемъ лингвистическаго изслѣдованія. А. А. не одобрялъ излишняго увлеченія миѳологіей природы [2]) и чрезмѣрнаго разширенія такъ назыв. арійской эпохи. [3]).

Особой осмотрительности А. А. желалъ въ обращеніи со сказкой, которая „болѣе остальныхъ произведеній народной поэзіи, выражающихся въ строгой эпической формѣ, подвержена свободной обработкѣ сказателя и постороннимъ случайнымъ прибавкамъ [4])". По мнѣнію А. А., „наука здѣсь болѣе выиграла бы отъ нѣкотораго ограниченія въ миѳологическихъ толкованіяхъ, чѣмъ отъ широкаго, но шаткаго примѣненія ихъ [5])". Такой здравый взглядъ предохранилъ А. А. отъ увлеченія модною у

---

[3]) Тамъ-же, стр. 37.

[4]) Тамъ-же.

[5]) Отч. о XIII прис., 360.

[4]) Отч. о XIII прис., 358.

[5]) Тамъ же, стр. 359.

насъ миѳологіей природы, благодаря которому многіе труды нашихъ ученыхъ о народной поэзіи отправляются отъ превратныхъ точекъ зрѣнія. Въ отношеніи къ былинамъ А. А. не раздѣлялъ взгляда г. Стасова.

Въ такомъ направленіи составлены образцовые отзывы А. А. о сочиненіяхъ и изданіяхъ по народной поэзіи и миѳологіи, помѣщенные въ отчетахъ о присужденіяхъ наградъ гр. Уварова. Нельзя не отмѣтить въ нихъ цѣлаго ряда цѣнныхъ замѣчаній, имѣющихъ значеніе преимущественно для выясненія той строго научной постановки, какою должно начинаться изслѣдованіе тѣхъ или иныхъ вопросовъ. Входя въ это распространенное академическое изданіе, отзывы А. А. не могли остаться мало замѣченными въ русской наукѣ, должны были вліять до извѣстной степени на ея движеніе.

Нельзя не обратить вниманія на то, что А. А. былъ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ южнорусской народной словесности и сочувственно слѣдилъ за разработкою ея Какъ жаль, что намъ не довелось дождаться его изданія сборника думъ и сказокъ, записанныхъ въ началѣ настоящаго столѣтія въ Подольской губерніи, который онъ предполагалъ помѣстить во П-мъ выпускѣ Чтеній нашего Общества!—Въ малорусской народной поэзіи А. А. цѣнилъ богатство заключающихся въ ней данныхъ для науки. Съ этой же научно-художественной точки зрѣнія относился онъ и къ малорусской литературѣ. Это видно изъ пожеланія, бывшаго послѣднимъ его словомъ въ

нашемъ Обществѣ: „да получитъ общее признаніе и уваженіе поэтическая дѣятельность роднаго намъ края на языкѣ ему родномъ, да утвердится за нею полное право безбоязненнаго, ничѣмъ не стѣсняемаго существ вованія и развитія.... Только при такой разумной, естественной свободѣ возможно развитіе силъ и достоинствъ русской природы: только принявъ въ себя оплодотворяющія, сильныя здоровымъ содержаніемъ теченія областной жизни въ языкѣ и поэзіи—общерусская литература станетъ способна обновляться и избѣжать грозящаго ей преждевременнаго одряхлѣнія, а общерусскій литературный языкъ получитъ ту мужественную крѣпость и изобразительность, которую со дня на день болѣе и болѣе утрачиваетъ онъ въ теплицахъ столичной беллетристики и журналистики [1]); только при свободѣ мѣстнаго поэтическаго творчества и народной рѣчи, при довѣріи, уваженіи и поощреніи ихъ возможенъ отпоръ тому грубому эгоистическому матерьялизму, который различными обольщеніями угашаетъ жизнь духа и все цѣнитъ и размѣниваетъ на звонкую, но фальшивую монету... Двадцать лѣтъ прошло со дня смерти Шевченка... и двадцать лѣтъ еще нѣтъ преемника ему.... Вѣрится, что это явленіе случайное, что не изсякъ родникъ поэзіи, духовной силы южно-русской земли, а „легъ спочить“, по собственному

[1]) Ср. подобныя же мысли въ замѣткѣ по поводу Словаря Даля: Бесѣды въ Обществѣ Любителей Россійскій Слов., вып. II, стр. 92—93.

выраженію поэта, и кажется должно прибавить: „легъ спочить“ подъ тяжестью неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Вѣрится, что, съ устраненіемъ послѣднихъ, выйдутъ на поле жизни новые Шевченки, конечно безъ многихъ его симпатій и антипатій, давно уже отшедшихъ на покой, преобразившихся или ослабѣвшихъ, но съ тѣми же сильными симпатіями ко благу народа, съ тѣмъ же горячимъ сочувствіемъ ко всему великому, что украшаетъ жизнь человѣка и дѣлаетъ его человѣкомъ, къ свободѣ, славѣ, любви, къ благородству и твердости убѣжденій, къ честности дѣла, къ высшимъ наслажденіямъ духа, словомъ—ко всему великому и прекрасному [1])“.

Вообще А. А. не сочувствовалъ внесенію въ область науки посторонніхъ соображеній. Потому онъ выступилъ въ 1862 г. противъ ученыхъ, доказывавшихъ, что современные малоруссы—потомки за-карпатскихъ выходцевъ, пришедшихъ въ XIV стол. [2]). Интересны послѣднія строки статьи А. А.: „только любовь къ родному пепелищу, къ отогрѣтому мѣсту, съ которымъ соединялось много дорогихъ воспоминаній, только эта любовь могла побудить разбѣжавшееся, при вторженіи Татаръ, населеніе—къ *возвращенію* на прежнія жи-

[1]) Газета „Трудъ“ 1881 г., № 8.

[2]) Основа 1862, № X, ст.: „Были ли Малоруссы исконными обитателями Полянской земли, или пришли изъ-за Карпатъ въ XIV вѣкѣ“? Ср. Отеч. Зап. 1859, № 9, стр. 23—26.

лища. Эту привязанность къ отчизнѣ не могли искоренить даже многовѣковыя бури непосѣдной козацкой жизни: подвергаемое многочисленнымъ искушеніямъ святое чувство это только крѣпло, мужало: оно и теперь залегло основнымъ камнемъ малорусскаго народнаго характера— и оно то, главнымъ образомъ, служитъ вѣрною порукою, что нынѣшніе малороссіяне—прямые и достойные потомки тѣхъ *Руссичей*, къ народному чувству которыхъ обращался пѣвецъ Игоря, возбуждая *вступиться за землю русскую и за обиду того времени*". Интересно также въ этой статьѣ объясненіе исчезновенія былинъ на южнорусской территоріи, повторяемое теперь другими учеными.

А. А. былъ—употреблю его собственныя выраженія—„далекъ отъ стремленія вносить въ область науки постороннія, къ ней не принадлежащія симпатіи и мысли". „Строгая наука устраняетъ изъ своей области поэтическую фантазію, она не жертвуетъ ей истиною, она требуетъ лишь дознаннаго факта, какъ бы суровъ, скупъ и непривлекателенъ ни былъ онъ она признаетъ догадку осмотрительно, лишь въ крайнемъ случаѣ, и то, когда существуютъ достовѣрныя для нея основанія[1])". Потому-то дѣятельность А. А. отличалась строго-научнымъ характеромъ. Въ славяновѣдѣніи представляется неоднократно случай дать волю тѣмъ или инымъ предвзятымъ мыслямъ. А. А. не сочувствовалъ внесенію въ

[1]) Бесѣды въ Общ. Люб. Росс. Слов., вып. I, стр. 44

науку патріотическихъ соображеній, являющихся врагомъ строгой науки. Вотъ, напр., его отзывъ о Востоковѣ. „Ученыя заслуги Востокова давно признаны и оцѣнены всѣми. Но едва-ли кто замѣтилъ, или, по-крайней-мѣрѣ, высказалъ одно достоинство его, рѣдкое въ наше время, когда въ науку такъ часто вносятъ интересы личнаго или племеннаго эгоизма. Мы говоримъ о той примѣрной добросовѣстности, которая, свидѣтельствуя его возвышенный взглядъ на науку и чистыя отношенія къ ней, дѣлаетъ для насъ имя Востокова *авторитетомъ* въ благороднѣйшемъ значеніи этого слова. Мы не знаемъ ни одного факта, какъ бы ни былъ онъ мелоченъ, неправильно переданнаго, или вымышленнаго имъ! Есть что-то высокое въ этомъ неподкупномъ чувствѣ правды и уваженія къ истинѣ! Въ этомъ отношеніи, какая противоположность между нашимъ славянистомъ и другими филологами —Копитаромъ и его ученикомъ, Миклошичемъ, приходская народность и вѣроисповѣдное чувство которыхъ доводило ихъ до такихъ недобросовѣстныхъ искаженій истины[1])“! А. А. стоялъ за трезвое пониманіе славянской идеи и не сочувствовалъ крайностямъ и мистицизму.

Въ этнографіи А. А. занимался вопросомъ о скиѳахъ и въ началѣ своей научной дѣятельности готовъ былъ видѣть въ нихъ предковъ Славянъ и Германцевъ[2]).

[1]) Отеч. Зап. 1858, № 9, стр. 15. Ср. „Библіологическій опытъ о древней русской письменности“, стр. 147.

[2]) Лѣтописи русской лит. и древн., т. I.

А. А. слѣдилъ также со вниманіемъ за движеніемъ норманнскаго вопроса. Сюда относится небольшая монографія его: „Славяне и Русь древнѣйшихъ арабскихъ писателей“.

Въ области древнѣйшей исторіи славянства А. А. остановился преимущественно на судьбѣ Поморскихъ славянъ.

Ясно изъ всего сказаннаго, какъ обширенъ былъ кругъ научныхъ вопросовъ, привлекавшихъ постоянное вниманіе А. А. Я отмѣтилъ только тѣ изъ нихъ, по которымъ отъ А. А. остались печатные труды. Но послѣдніе не исчерпываютъ всего содержанія научныхъ работъ его. А. А. причислялъ къ славистикѣ „всѣ вѣтви и отдѣлы науки, которые могутъ изобразить намъ культурную жизнь славянскихъ народовъ, именно изученіе языка, памятниковъ письменности и литературы, древностей, исторіи, народовѣдѣнія и церкви, словомъ собраніе всего относящагося къ прошлой и нынѣшней образованности и жизни славянъ. Объемъ славистики можно было бы ограничить пока болѣе узкими *филологическими* предметами, но кто укажетъ тѣ предѣлы, у которыхъ оканчивается трудъ филолога и за которыми оказывается ненужною его помощь[1])“? Только обстоятельное изученіе всего, касающагося славянства, можетъ сдѣлать, по мнѣнію А. А., плодотворною идею славянской взаимности; она можетъ перейдти въ жизнь и пустить въ ней крѣпкіе корни, когда

[1]) Uspěchy etc., стр. 3—4.

пройдетъ чрезъ школу науки, изученія славянскаго міра— прошлаго и нынѣшняго. Русскіе первые воспріяли эту мысль и первые стали заботиться объ осуществленіи ея [1]). Такимъ образомъ, во всестороннемъ изученіи славянства А. А. видѣлъ лучшее осуществленіе и средство славянской взаимности. Онъ вѣрилъ „въ великое значеніе славянской науки и великую миссію славянской идеи"!

Пора охарактеризовать научные пріемы А. А.

Во всемъ онъ умѣлъ стать на надлежащую точку зрѣнія, устанавливая и отчетливо уясняя себѣ предварительно задачи, методъ и средства изслѣдованія. Оттуда безукоризненность научныхъ пріемовъ А. А. Всякое изслѣдованіе его исходило изъ самаго отчетливаго пониманія общихъ задачъ науки, служенію которой онъ посвятилъ свою жизнь.

А. А. былъ равно силенъ и въ теоретической сторонѣ изслѣдованія, и въ фактической. Знаніе, а слѣдоват. и научныя работы А. А. были воздвигнуты на самой прочной основѣ, на матеріалѣ во всей его полнотѣ и на самомъ тщательномъ изученіи всего развитія науки, всѣхъ предшествовавшихъ работъ.

Наклонность къ историческому изслѣдованію сказалась и въ этомъ случаѣ! Нельзя не преклоняться предъ этой чертою, которая такъ не часто встрѣчается не только у нашихъ ученыхъ, но и на Западѣ. А между тѣмъ безъ такого

---

[1]) Тамъ же, стр. 52—53.

изученія не мыслима полная основательность работы и прочность ея значенія. Правда, нелегко достигнуть подобнаго сбора: нужно немало времени, старанія и матеріальной затраты. А. А. не останавливался предъ этимъ и не скупился трудомъ собирателя....

Кто изъ насъ не видѣлъ монументальнаго памятника такой его дѣятельности, его образцоваго собранія книгъ, которое составлено съ рѣдчайшимъ стараніемъ, умѣньемъ и вкусомъ?

Не оставляя безъ вниманія ничего, что имѣло какое-нибудь значеніе въ области занимавшихъ его вопросовъ, А. А. могъ быть въ своихъ трудахъ образцомъ библіографической полноты и тщательности [1]).

Начитанность его сказалась въ цѣломъ рядѣ библіографическихъ статей, въ которыхъ онъ желалъ „свести счеты съ прошедшимъ, серьезно оцѣнить настоящее и, по крайнему разумѣнію, намѣтить пути для будущаго“.

Къ тому направленъ и послѣдній печатный трудъ его, достойнѣйшимъ образомъ завершившій дѣятельность его въ этомъ направленіи, именно: „Библіологическій опытъ о древней русской письменности“. Это—энциклопедическій сводъ всего добытаго наукою, опредѣляющій вмѣстѣ съ тѣмъ ближайшія задачи дальнѣйшихъ науч-

[1]) Взглядъ А. А. на библіографію выраженъ имъ въ статьѣ, помѣщенной въ № 11, „Отечественныхъ Записокъ“ 1862 г.

ныхъ изслѣдованій по тому или иному вопросу, сводъ образцовый и безукоризненный [1]). Въ этой книгѣ отразились почти всѣ особенности таланта, знанія и научнаго метода А. А. Изъ нея можно видѣть и полнѣйшее и всестороннее историческое изученіе, съ какимъ онъ приступалъ къ каждому предмету изслѣдованія, и его умѣнье овладѣвать громадною массою прочитаннаго матеріала и становиться выше его, и способность выдвигать во всемъ существенное и находить ведущій прямо къ дѣлу путь изслѣдованія, и талантъ построенія, и, наконецъ, изящество рѣчи, которая всегда почти согрѣта у него теплотой и искренностью, и которою онъ такъ мастерски владѣлъ.

А. А. былъ врагъ лжи, увлеченій, фантазій и неосновательныхъ гипотезъ въ наукѣ. Онъ искалъ въ ней „исторической истины и справедливости“. Дѣятельность его представляетъ неуклонное слѣдованіе этому направленію, что тѣмъ удивительнѣе, что А. А. былъ человѣкъ съ душою живой, умомъ воспріимчивымъ и воображеніемъ пылкимъ. Всѣ эти счастливые задатки были направлены на служеніе одной высокой цѣли.

Боюсь утомить ваше вниманіе, мм. гг., длиннымъ очеркомъ. Я полагаю, что и сказаннаго достаточно для того, чтобы признать, что въ А. А. русская наука потеряла

---

[1]) См. Разборъ „Опыта“ въ ст. А. А. Кочубинскаго въ „Журналѣ Министерства Нар. Просв“. 1881 г. и замѣтку В. И. Ягича въ „Archiv für slavische Philologie“.

одного изъ самыхъ преданныхъ ей и безкорыстныхъ дѣятелей, труды котораго имѣли вмѣстѣ съ тѣмъ общеславянское значеніе.

Онъ не былъ геніальнымъ новаторомъ и не внесъ въ науку идей, которыя могли бы произвести въ ней крупный переворотъ, но онъ совмѣщалъ въ себѣ всѣ существенные результаты современной славянской науки, всѣ высшія стремленія ея и задачи.... Онъ былъ дѣятелемъ науки въ полномъ и высшемъ значеніи этого слова, ученымъ, какихъ ждетъ и ищетъ русская земля, недавно только вступившая на путь всесторонняго и полнаго усвоенія всей вѣками созданной науки. Въ области изученія старины и народности такое усвоеніе въ особенности необходимо. У насъ оно только недавно началось, и за А. А. навсегда останется заслуга того, что онъ, вслѣдъ за проф. Буслаевымъ, наряду съ А. А. Потебнею и др., былъ однимъ изъ первыхъ и самыхъ почтенныхъ дѣятелей на этомъ поприщѣ,—дѣятелемъ, въ которомъ съ несомнѣннымъ дарованіемъ соединялось высшее одушевленіе и творческое вдохновеніе.

Нельзя не упомянуть, въ заключеніе, о томъ, что А. А. былъ однимъ изъ основательнѣйшихъ и немногихъ въ Россіи знатоковъ западно-европейскихъ литературъ. А. А. былъ убѣжденъ, что „даже общій пріемъ изученія литературныхъ памятниковъ сравнительно съ однородными произведеніями литературы западной есть пріемъ въ высокой степени плодотворный; ибо чрезъ него почти всегда

историческое и литературное значеніе нашихъ памятниковъ освѣщается совершенно новымъ и неожиданнымъ свѣтомъ: характерныя черты эпохъ и народностей тогда выступаютъ яснѣе, свои образы оттѣняются рельефнѣе, ближе входишь въ исторію времени, а потому научаешься глубже понимать и вѣрнѣе цѣнить ее... Нельзя сказать, чтобы русская наука была богата изслѣдованіями въ этомъ отношеніи, но нѣкоторыя монографіи гг. Буслаева и Веселовскаго 1-го не оставляютъ сомнѣнія, что приложеніе сравнительнаго метода къ разработкѣ исторіи русской литературы—приводитъ къ очень важнымъ и замѣчательнымъ результатамъ“ [1]). „Внутренняя исторія народа, говорилъ А. А. въ другомъ мѣстѣ [2]), состоитъ изъ двухъ различныхъ между собою началъ: собственнаго, выработаннаго изъ своей жизни и пріобрѣтеннаго путемъ заимствованія отъ другихъ народовъ. Различать эти два начала необходимо, безъ этого не будетъ понятенъ смыслъ народной исторіи, не можетъ быть правильно оцѣненъ подвигъ жизни извѣстнаго народа, его участіе въ общихъ судьбахъ человѣчества“. Помимо всего этого, А. А. признавалъ еще особый интересъ въ исторіи всеобщей литературы. „Не смотря на молодость этой науки—она успѣла

---

[1]) Библіологич. опытъ о древней русской письменности, стр. 89.

[2]) Бесѣды въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности, вып. II, стр. 93,

получить гражданскія права не только въ наукѣ, а и въ общественной нравственной жизни, какъ знаніе въ высшей степени привлекательное, дающее удовлетвореніе не одной пытливой любознательности, но и болѣе нѣжнымъ сторонамъ духовной природы человѣка Говорить ли еще объ одномъ качествѣ этой науки, качествѣ, которое не всѣмъ знаніямъ выпадаетъ на долю и далеко не въ равной степени—мы разумѣемъ образовательную ея силу, ея высокое педагогическое значеніе, нынѣ уже всѣми признанное“ [1])?

Мнѣ остается еще, мм. гг., напомнить нашъ долгъ по отношенію къ А. А., какъ къ нашему бывшему сочлену и предсѣдателю.

Я ограничусь краткимъ указаніемъ на эту сторону дѣятельности А. А., такъ какъ она и безъ того живетъ въ нашей памяти.

Я не стану упоминать о горячемъ участіи, съ какимъ онъ относился къ преуспѣянію Общества. Во все время нездоровья, даже въ послѣдніе дни своей жизни, А. А. не переставалъ заниматься и интересоваться дѣлами Общества, о чемъ свидѣтельствуютъ его письма.

Почти всякій разъ мы слышали здѣсь его слово, полное жизни, энергіи, а нерѣдко и свойственнаго ему добродушнаго малорусскаго юмора.

---

[1]) Филологическія Записки, годъ II, стр. 212—213.

Многимъ обязано наше Общество А. А., еще не время произносить полную оцѣнку. Скажу только, что въ своей дѣятельности въ нашемъ Обществѣ и внѣ его А. А. завѣщалъ намъ достойнѣшій примѣръ. Свою недолгую, но богатую трудами жизнь онъ посвятилъ всестороннему историческому изученію родной старины въ ея вещественныхъ остаткахъ, въ памятникахъ слова, въ произведеніяхъ народа, въ его бытѣ, не удаляясь отъ жизни, чутко относясь къ живымъ вопросамъ науки и литературы, будучи чуждъ исключительности и соблюдая въ себѣ въ то же время духъ строгой науки. Не въ томъ ли и наша задача, задача нашего Общества?

Воздадимъ же должное А. А., чтя его заслуги, и сохранимъ признательную память о немъ!

СПИСОКЪ

НАПЕЧАТАННЫХЪ СТАТЕЙ, МОНОГРАФІЙ И РѢЧЕЙ

А. А. Котляревскаго. *)

1857.

Русскій Вѣстникъ 1857, т. XI, сентябрь, книжка вторая, соврем. лѣтопись, ст.: „*Мистеріософія бардовъ Бретани*“ (стр. 89—94).**

Московскія Вѣдомости (литературный отдѣлъ), №№ 56, 64 и 66. *Сказанія о русскихъ богатыряхъ.* Тоже Моск. Губ. Вѣд. 1857., №№ 23 и 33. Подп.: С-тъ.***

---

*) Печатая этотъ списокъ, наскоро составленный, предвижу его неполноту и обращаюсь къ лицамъ, могущимъ указать пропуски, съ просьбою о сообщеніи мнѣ касательно таковыхъ.—*Н. Дашкевичъ.*

) Статья подписана: Э. С.* Псевдонимъ этотъ (Эксъ—студентъ?) разоблачилъ самъ А. А. Котляревскій въ примѣчаніи къ одной изъ статей, помѣщенныхъ въ „Филологическихъ Запискахъ“: годъ II, стр. 208.

***) О принадлежности этой статьи А. А. см. „Старина и народность за 1861 годъ“, стр. 36, прим. 2-е.

1858.

Отечественныя Записки, № 4, (т. CXVII), Критика: Очеркъ исторіи русской поэзіи г. Милюкова. Изданіе второе. Санктпетербургъ. 1858. (стр. 57—74). Подпис.: Эк. С-тъ.

Рецензія на книгу О. Ѳ. Миллера „О нравственной стихіи въ поэзіи". Атеней 1858, № 37, 39. Ст. Эк. С-та*.

1859.

Отечественныя Записки, №№ 8 (т. CXXV, Русская литература, стр. 59—86) и 9 (т. CXXVI, Русская литература, стр. 1—26) Критическія статьи по поводу Опыта исторической грамматики русскаго языка сост. Ѳ. Буслаевымъ. Подп.: Эк. С—тъ.

Московское Обозрѣніе 1859, № 1, отд. II, стр. 90—108. Разборъ III-го тома „Исторіи русской словесности" Шевырева **). Подп.: Sp. A—r.

Лѣтописи русской литературы и древности, изд. Н. Тихонравовымъ. Т. I, М. 1859. Смѣсь и библіографія, стр. 121—144 (разборъ мемуара Бергманна о Скиѳахъ).

1860.

С.-Петербургскія Вѣдомости, № 233. Рецензія на Памятники старинной русской литературы и др. Эк. С—та.

---

*) Статья эта извѣстна мнѣ по указанію во II-й книгѣ „Московскаго Обозрѣнія" 1859, Библіограф. указатель, стр. 15.

**) См. „Библіологическій опытъ о древней русской письменности", стр. 49, прим. 66.

1861.

Московскія Вѣдомости №№ 1 и 5. *Рутина въ преподаваніи исторіи словесности.*—№ 263. *Новые труды по русской старинѣ и народности.*—№ 279. Двѣ новыя христоматіи (Рецензія Исторической христоматіи Галахова).

1862.

Старина и народность за 1861-й годъ. Библіографическое обозрѣніе. Москва. Въ унив. тип. Стр. 99. In—12⁰. „Оттиснуто изъ Моск. Вѣд. 1862 года изъ №№ 84, 87, 92, 102—3, въ числѣ 99 нумерованныхъ экземпляровъ".

Основа, № X, ст.: *„Были ли малоруссы исконными обитателями Полянской земли, или пришли изъ-за Карпатъ въ XIV вѣкѣ?"* —стр. 1—12. Отдѣльный оттискъ съ тѣмъ же заглавіемъ. „66 отдѣльныхъ оттисковъ. Петерб. 1862". Стр. 14.

Отечественныя Записки, № 11 (т. CXLV), стр. 78—82. *„На память будущимъ библіографамъ.* Замѣтка о библіографіи въ отношеніи науки о русской старинѣ и народности" (стр. 78—86).

Извѣст. Имп. Археолог. Общ., т. IV, вып. 5, столб. 405—406. *Изображеніе калики перехожаго въ латинской рукописи XIV вѣка* (Письмо къ И. И. Срезневскому).

1862 - 63.

Филологическія Записки, годъ II, вып. III: *„Сравнительное языкоученіе* I. Очеркъ исторіи языкознанія. Филологія и лингвистика. II. Сравнительно—Историческое язы-

кознаніе“ (Стр. 101—119).—Вып. IV и V. „*Сравнительно—Историческое языкознаніе.* III. Его пріемы и задачи. Исторія языковъ. IV. Языкъ и исторія народовъ. Теорія поэзіи.—Приложеніе. 1) Шлейхеровъ очеркъ Исторіи Славянскаго языка. 2) Сравнительно историческое языкознаніе въ Россіи (окончаніе)“ (стр. 153—208)*). —*Исторія всеобщей литературы въ Россіи* (стр. 209—240).

1863.

Спб. Вѣдомости, № 67. *Литературный подлогъ.* „Балалайка“, сборникъ русскихъ пѣсенъ, изд. въ Германіи.— № 39. *Русское періодическое изданіе Академіи Наукъ.*— № 72. Библіографическая замѣтка по поводу Палеографическихъ снимковъ еп. Саввы.

1864.

Филологическія Записки, № 1-2. *Основной элементъ русской богатырской былины.* I. Мифъ, сказаніе, исторія (по поводу книги г. Майкова) (Стр. 69—80).

Спб. Вѣдомости №№ 94, 100 и 108. *Русская народная сказка.*

Русскій Архивъ (2-е изд.) 1864, стр. 73—77: *Для исторіи* русскаго народнаго театра. I. Аника воинъ и

---

*) Статьи о сравнительно-историческомъ языкознаніи, помѣщенныя въ Филологическихъ Запискахъ, составляютъ въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ перепечатку въ измѣненномъ видѣ статей, напеч. въ Отеч. Зап. 1859 г.

смерть, представленіе, разыгрываемое фабричными работниками, съ предисл.

1865.

Книжный Вѣстникъ 1865, № 15. *Два библіографическіе вопроса* (Стр. 289—291).—Русскій Архивъ № 10—11. Отвѣтъ Гроту по поводу его отвѣта на библіографическій вопросъ.

Древности. Труды Московскаго Археологическаго Общества. Библіографія по археологіи. Матеріалы для археологическаго словаря.

Для сравнительной науки древности. Металлы у племенъ индо-европейскихъ. Скандинавскій корабль на Руси. М. 1865. „Изъ Трудовъ Моск. Археол. Общ. (т. 1). Оттиснуто въ числѣ 55 нумерованныхъ экземпляровъ". Стр. 42 in—4⁰

1866.

Засѣданія Московск. Археол. Общества. 1866 г. Археологическая библіографія.

С.-Петербур. Вѣдом. № 272. Ученая новость (по поводу Светоніевой біографіи Тиверія, переведенной Маловымъ).

1867.

Бесѣды въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности, вып. I, отд. II, стр. 39—44: *„Замѣтка о трудахъ Ѳ. Н. Глинки по наукѣ русской древности"*, статья, читанная въ публичномъ собраніи Общества.

Отчетъ о десятомъ присужденіи наградъ графа Уварова. Разборъ сочиненія Аѳанасьева подъ заглавіемъ:

„Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу". Т. I. (Стр. 36—83).

1868.

О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ. 16 ненумерованныхъ стр. и 252.*) Приложеніе: Славяне и Русь древнѣйшихъ арабскихъ писателей. 38 стр. Это приложеніе было издано и отдѣльно:

Славяне и Русь древнѣйшихъ арабскихъ писателей. Этнографическая замѣтка 36 стр., отпечат. въ 33 экземпл.

Бесѣды въ Общ. Любит. Росс. Слов., вып. II, стр. 91—94: *Замѣтка о Толковомъ Словарѣ живаго великорусскаго языка В. И. Даля.*

Древности. Археологическій Вѣстникъ, изд. Моск. Археол. Общ. подъ ред. д. чл. А. А. Котляревскаго. Т. I. Годъ 1867—68. *Для археологіи каменнаго вѣка въ Россіи* (стр. 25). *О находкахъ каменныхъ орудій въ Россіи* (стр. 29—30). Въ отдѣлѣ критики и библіографіи стр. 34—42, 83—92, 170—176, 178—179. Приписки ст. Маннгардта стр. 60—61, къ ст. Шеппинга стр. 65—66, Эйхвальда—111, Тышкевича 159—160, Тизенгаузена 281—282. Объ археологическихъ трудахъ Морло, стр. 94—96. Графъ Константинъ Тышкевичъ, стр. 285.

---

*) Разборы этого сочиненія указаны Межовымъ: Лит. р. геогр., стат. и этнографіи за 1867 и 1868 гг., т. III, № 2726—2730.

1869.

Древности. Труды Московскаго Археологическаго Общества. Т. II. Вып. 1. *Поминка о С. В. Ешевскомъ* (стр. 83—86). Вып. 2. Археологическая библіографія (стр. 183—188).

С.-Петербургскія Вѣдомости № 103. *Некрологъ.* Н. А. Ивановъ, профессоръ русской исторіи. (Перепечатано въ Журн. Минист. Нар. Просв. 1869, № 4, Т. CXLII, стр. 263—266).

1870.

Eine estnische Gottheit als Gast auf der Insel Rügen. Gedruckt in 33 Exemplaren. Dorpat 1870. Separatabdruck aus der „Neuen Dörptschen Zeitung" 6 стр.

Филологическія записки. Рецензія на книгу г. Веселовскаго „Старинный театръ въ Европѣ".

1871.

Запоздалые листки изъ исторіи языка и литературы. Воронежъ, 1871. *)

Archäologische Späne. 1. Die deutschen Hausmarken mitten in Russland. 2. Zur Archäologie der Grenzzeichen. 3. Das erste Zusammentreffen der Menschen mit Riesen. Gedruckt in 33 Exemplaren. Dorpat, 1871. Стр. 15.

Это—отдѣльный оттискъ изъ Verhandlungen der gelehrten Estnischen Gesellschaft zu Dorpat, Bd. VII, 1 Heft, стр. 86—92.

---

*) Книга эта извѣстна намъ по указанію некролога, помѣщеннаго въ № XI Вѣстника Европы, 1881.

1872.

Отчетъ о XIII-мъ присужденіи наградъ графа Уварова, Спб., стр. 334—373. Разборъ соч. Аѳанасьева „Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, т. 2 и 3“. Разборъ 1-го тома и 2-го и 3-го были соединены въ отдѣльномъ оттискѣ, носящемъ заглавіе: „Къ вопросу объ обработкѣ славянской миѳологіи. Разборъ сочиненія г Аѳанасьева: „Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу“. Спб. 1872, стр. 1—48 и 1—39.

1874.

Uspěchy slavistiky na Rusi i posledni době (1860—72). V Praze 1874 (Vyňato z Casopisu Musea Král. Českeho 1874 sv. 1—3 v 33 výtiscích). 53 стр.

Древности права Балтійскихъ славянъ.—Славянскія древности (1-й загл. листъ).—Древности юридическаго быта Балтійскихъ славянъ. Опытъ сравнительнаго изученія славянскаго права. Прага, 1874. 4 ненумерованныхъ стр. и 168 in-8^{0}.

Книга о древностяхъ и исторіи Поморскихъ славянъ въ XII вѣкѣ. — Матеріалы для славянской исторіи и древности. I. Сказанія объ Оттонѣ Бамбергскомъ въ отношеніи славянской исторіи и древности. Прага, 1874. 4 ненумер. стр. и 160.

1876.

Университетскія Извѣстія, іюль, Критико-библіографическій отдѣлъ, стр. 284—303, *Обзоръ успѣховъ славяновѣдѣнія за послѣдніе три года* 1873—76.

Древности, т. VI, вып. II. *Обзоръ изслѣдованія о фрескахъ керченской катакомбы.* (Стр. 23—26).

Университетскія Извѣстія, № 5, стр. 1—4; № 6 стр. 1—4. Библіографическія свѣдѣнія о новыхъ книгахъ.

1877.

Отчетъ о присужденіи наградъ гр. Уварова. Рецензія на Историческія пѣсни малорусскаго народа, съ объясненіями Вл. Антоновича и М. Драгоманова. Отдѣльный оттискъ—13 стр. 45 экз.

Славянскій Ежегодникъ. *Викторъ Ивановичъ Григоровичъ.* Рѣчь въ засѣданіи Кіевскаго Отдѣла Славянскаго Комитета 23 декабря 1876 г. (стр. 308—316). Тоже въ Кіевлянинѣ, № 8.

Древности. Т. VII, вып. 1. *Нѣкоторыя указанія и соображенія относительно движенія археологическихъ занятій и литературы* у Словинцевъ, Чеховъ (съ Моравами), Лужичанъ и Поляковъ (стр. 46—48).

Славянскій Ежегодникъ. *Осипъ Максимовичъ Бодянскій* (Историко-библіографическая поминка (стр. 343—352).

Кіевскія Губернскія Вѣдомости. Некрологъ Д. В. Поленова (отчетъ о засѣд. общ. Нестора Лѣтописца).

1879.

Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца. Книга первая.—*О трудахъ академика К. М. Бэра и К. Э. Эйхвальда* (стр. 284—288). *О происхожденіи сказанія о новгородскихъ баняхъ* (288—290).—*Объ обычаяхъ у*

Славянъ при рожденіи дитяти до его возмужалости (290—292).— *Очеркъ учено-литературной дѣятельности О. М. Бодянскаго* (195—301).—Свѣдѣнія о текущей исторической и археологической литературѣ (304—305, 307—308).—О трудахъ А. Н. Попова (308—310).

Филологическія Записки. *Объ изученіи древней русской письменности.*

1880.

Университетскія Извѣстія, №№ 11 и 12, Разборъ книги г. Забѣлина: „Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ".

Отдѣльный оттискъ—Кіевъ 1881.

Филологическія Записки. *Объ изученіи древней русской письменности.*

1881.

Древняя русская письменность.—Опытъ библіографическаго изложенія исторіи ея изученія. I. Общее историческое обозрѣніе. Исторія изученія древне-славянскаго и древне-русскаго языковъ и письма. Воронежъ, 1881. Стр. 216. „Оттиснуто изъ Филологическихъ Записокъ 1879—1880 г. въ числѣ 66 экземпляровъ".

Газ. „Трудъ" № 1. Рѣчь въ годичномъ публичномъ засѣданіи Общ. Нестора лѣтописца о Достоевскомъ. № 8. Вступительное слово объ историческомъ значеніи народныхъ поэтическихъ произведеній.*)

*) Объ рѣчи напечатаны мною по подлинникамъ, которые были переданы мнѣ А. А. Котляревскимъ.

Цѣна 1 руб. За пересылку прилагается 20 коп.

Цѣна II-й кн. „Чтеній Истор. Общ. Нестора лѣтописца“ 2 р. 25 к., съ пересылкою 2 р. 50 к., а I-й кн. 2 р., съ пересылкою 2 р. 25 к. Пріобрѣтающіе одновременно I-ю и II книги „Чтеній“ уплачиваютъ за нихъ всего 4 р. и за пересылку ничего не прилагаютъ, какъ равно не уплачиваютъ за пересылку III-й книги пріобрѣтающіе ее одновременно съ кн. I и II.

II-й отдѣлъ II-й книги имѣется и въ отдѣльномъ оттискѣ подъ заглавіемъ: „Сборникъ въ память 900-лѣтія крещенія Руси“. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к.

Всѣ эти изданія можно получать въ редакціи журнала „Кіевская Старина“, или-же обращаться съ требованіями (въ учебное время) въ Историческое Общество Нестора лѣтописца при университетѣ св. Владимира.

Тамъ-же можно получить „Труды III-го Археологическаго съѣзда“, 2 тома in—4° и атласъ, К. 1878. Цѣна 10 р. (вмѣсто 25 р.), съ пересылкою 11 руб.